

Владимир Мегре

Инопланетянка или человек?

Прежде чем рассказывать о дальнейших событиях, связанных с Анастасией, я хочу поблагодарить всех руководителей духовных конфессий, учёных и журналистов, простых читателей, приславших мне письма, духовную литературу, комментарии относительно изложенных в первой книге событий. Определения, сделанные в адрес Анастасии, разные. В прессе её называют “Хозяйкой тайги”, “Сибирской ведуньей”, “Предсказательницей”, “Божественным проявлением”, “Инопланетянкой”. Потому на вопрос одной московской журналистки: “Любишь ли ты теперь Анастасию?” — я ответил: “Не могу определиться в своих чувствах”. И тут же был разнесён слух, что я не способен что-то там понимать из-за духовной некомпетентности. Но как же можно любить, не разобравшись, кого любишь? Ведь до сих пор нет единого определения в адрес Анастасии. Я попытался, основываясь на её утверждении: “Я Человек. Женщина”, убедить себя в этом, найти объяснения её необычным способностям. Поначалу всё получалось.

Кто такая Анастасия?

Молодая женщина, рождённая и живущая отшельницей в глухой сибирской тайге. Воспитанная после гибели своих родителей дедушкой и прадедушкой, тоже ведущими отшельнический образ жизни.

Можно ли считать необычным преданное отношение к ней диких зверей?

И в этом нет ничего необычного. На крестьянском подворье разные животные мирно уживаются между собой и с уважением относятся к своему хозяину.

Сложнее было определить механизм, с помощью которого она может видеть на расстоянии, знать в деталях о разных событиях даже тысячелетней давности, свободно разбираться в нашей теперешней жизни. Как работает её Луч, на расстоянии исцеляя людей, проникая в глубины прошлого и заглядывая в будущее?

Профессор философии член-корреспондент МАИ К. И. Шилин написал в своих работах, посвящённых анализу высказываний и действий Анастасии: “Творческий потенциал Анастасии — это всеобщий, а не чисто индивидуальный дар Божий, дар Природы. Все мы и каждый из нас в отдельности связаны с Космосом.

Выход из грядущей катастрофы видится в гармоничном синтезе культур-начал. Развитие этого типа культур гармонично чистого Детства даёт “женский” тип культур. Наиболее полно и ярко этот тип культур выразился в буддизме, но и в нашей Анастасии также. Потому-то ниже и дана следующая цепочка отождествлений: Анастасия = Тара = Будда = Майтрея. Анастасия является совершенным человеком, подобным Богу”.

Так это или нет, не мне судить. Только непонятно, почему же тогда она учения никакого не пишет, как все просветлённые, подобные Богу, а вместо этого свои двадцать сознательных лет занимается дачниками.

Тем не менее, читая высказывания учёных, мне удалось сделать вывод, что она не сумасшедшая какая-нибудь. Потому что в науке есть, по крайней мере, гипотезы относительно того, что она говорила, а по отдельным направлениям проводятся опыты.

Так, например, на вопрос: “Анастасия, каким образом ты выживаешь и обрисовываешь разные ситуации тысячелетней давности и даже мысли великих людей прошлого можешь видеть?” — она ответила:

— Первая мысль, первое слово было у Создателя. Его мысли живут и поныне, невидимо окружая нас и заполняя пространство вселенское, отражаясь в материальных живых творениях, созданных для главного, для человека! Человек — дитя Создателя. И, как любой родитель, Он не мог пожелать для своего ребёнка меньшего, чем имел сам. Он дал ему всё. И большее! — свободу выбора. Человек может творить и совершенствовать мир силой мыслей своих. Любая произведённая человеком мысль не исчезает в никуда. Если светлая — она заполняет светлое пространство и встаёт на сторону Светлых сил, если тёмная — на

противоположную сторону. И сегодня любой человек может воспользоваться любой мыслью, произведённой когда-либо людьми или Создателем.

— А почему тогда не все ими пользуются?

— Пользуются все люди, но в разной мере. Чтобы пользоваться, нужно думать, а не всем это удаётся из-за повседневной суетности.

— Значит, задуматься нужно — и всё получится? И даже мысли Создателя можно познать?

— Чтобы мысли Создателя познать, нужно достичь Ему присущей чистоты помыслов и Его скорости движения мысли. Чтобы мысли просветлённых познать, нужно их чистоту помыслов иметь и с их скоростью уметь мыслить. Если нет в каком-то человеке достаточной чистоты помыслов, чтобы общаться с измерением светлых сил, измерением, в котором живут светлые мысли, тогда человек будет черпать их из тёмной противоположности, в итоге сам мучиться и других мучить.

Не знаю, косвенное или прямое объяснение этим её высказываниям сделал директор Международного института теоретической и прикладной физики Академии Естественных Наук России академик А. Е. Акимов в журнале “Чудеса и приключения” в статье “Физика признаёт Сверх-разум”, он пишет: “Существовали и существуют два направления познания Природы. Одно представлено западной наукой, то есть знаниями, которые добываются на той методологической базе, которой владеет Запад: доказательство, эксперимент и т.п. Другое — восточной, то есть знаниями, полученными извне, эзотерическим путём в состоянии медитации. Эзотерические знания не добывают, их человеку дают.

Получилось так, что на каком-то этапе этот эзотерический путь был утерян и сформировался другой путь, чрезвычайно сложный и медленный. За последнюю тысячу лет, следуя этим путём, мы пришли к тем знаниям, которые были известны на Востоке три тысячи лет назад.

У меня есть интуитивное убеждение, что правы были те, что говорили: материя, на полевого уровне заполняющая всю Вселенную, есть некая взаимосвязанная структура. В своей книге “Сумма технологий” Станислав Лем в главе “Вселенная как суперЭВМ” высказал мысль, что существует такой гигантский мозг-Вселенная, как ЭВМ. Представьте себе вычислительную машину, которая при объёме наблюдаемой Вселенной (её радиус порядка 15 млрд. км.) наполнена элементами с объёмом 10^{-33} см³.

И вот такой мозг, заполняющий всю Вселенную, конечно, наделён возможностями, которые нам не дано ни представить, ни сфантазировать. А если учесть, что в действительности этот мозг функционирует не по принципу электронных вычислительных машин, а на основе торсионных полей, то тогда становится ясно: “проявления Абсолюта Шеллинга или Шуньята, древней ведической литературы — как раз и есть вычислительная машина. И кроме неё ничего в мире больше нет. Всё остальное — та или иная форма Абсолюта”.

А о Луче, действующем на расстоянии, учёные вот что говорят. Действительный член Российской Академии медицинских наук академик Влаиль Казначеев в статье “Живые лучи и живое поле”, журнал “Чудеса и приключения” от 03.05.96:

“Вероятно, Вернадский был прав, когда поставил вопрос: как же идеальное, мыслительное переводит планету Земля в новую её эволюционную фазу? Как? И только через труд, и только через взрывы, и только через техногенную деятельность — так вот прямолинейно объяснить это нельзя.

Факты указывают на то, что человек, оператор, может менять на расстоянии многие показания электронных приборов. Он как бы сбивает шкалу прибора, притом издалека. У нас сейчас ведутся работы в Новосибирске по дальней связи с Норильском, Диксоном, Симферополем, идут работы и с Тюменским треугольником, с американским центром во Флориде, и дальняя связь с человеком, с прибором и с оператором устанавливается достоверно и точно.

Мы сталкиваемся с неизвестным явлением — взаимодействие живого вещества на огромных расстояниях”.

К сожалению, в статьях много непонятных терминов, ссылок на труды других учёных. Все их перечитать да ещё понять сложно.

Но всё равно я понял, что науке известно о возможности человека контактировать на расстоянии, известно науке и о вселенском банке данных, которым пользуется Анастасия, она называет его измерением Светлых сил, или измерением, в котором живут мысли, когда-

либо произведённые людьми. Об этом современная наука тоже говорит, называя его суперЭВМ.

Далее предстояло осмыслить, каким образом мне, совсем не занимавшемуся литературным ремеслом, не имеющему на то образования, удалось написать книгу, и эта книга будоражит людей.

Когда я был в тайге, то Анастасия сказала: “Я сделаю тебя писателем. Ты напишешь книгу, и её будут читать много людей. Она будет благотворно влиять на читающих”.

Теперь вот книга написана. И можно предположить, что в этом только её заслуга. Но тогда нужно определить, каким образом она оказывает влияние на творческие возможности других людей. Но пока никому определить этого не удалось.

Для облегчения задачи можно, конечно, предположить, что я и сам немного талантлив, и получив от неё интересную информацию, описал её. Тогда, казалось, всё встаёт на свои места. Всему даны объяснения.

Не надо дальше тратить время на чтение научной и духовной литературы, задавать вопросы специалистам. И тут Анастасия явила новое явление, объяснение которому пока ни я и ни кто из помогавших мне пока найти не могут.

Если помните, я писал в первой книге, как она сказала ещё два года назад: “Художники будут писать картины, поэты стихи, и будет снят обо мне фильм. Ты будешь смотреть на всё это и вспоминать меня...”

Дедушка Анастасии на мой вопрос: “Она что, может предсказывать будущее?” — ответил: “Владимир, Анастасия будущее не предсказывает, она его способна моделировать и воплощать в реальность”.

Слова, это всего лишь слова. Мало, ли что, говорим мы. И этим словам я не придаю особого значения, расценив их, как нечто иносказательное. Потому что невозможно было даже предположить, насколько точно воплотится всё сказанное Анастасией в жизнь. Но невероятное происходит!

Сказанное Анастасией начинает уверенно воплощаться в реальность.

Сначала потоком посыпались стихи. Часть из них я опубликовал в конце первой книги. Потом в разных городах люди стали открывать ещё и “Домики Анастасии”. В первом из них, в городе Геленджике, были выставлены картины московской художницы Александры Васильевны Саенко, они посвящены Анастасии, природе.

Я вошёл в этот домик, взглянул на стену, увешанную большими картинами... Окружающее пространство словно стало видоизменяться.

Со многих картин своими добрыми глазами на меня смотрела Анастасия. И сюжеты... Понимаете, на некоторых картинах были сюжеты из ещё неизданной второй книги. И был светящийся шар, появляющийся иногда рядом с Анастасией. Потом я узнал, что эта художница рисует не кистью, а кончиками пальцев. Большинство из этих картин уже распроданы, но оставлены пока на выставке, потому что люди идут и идут посмотреть на них. А одну картину художница подарила мне. На ней были изображены родители Анастасии. От лица её мамы невозможно было отвести взгляда.

Стали поступать от разных студий предложения о съёмке кинофильма об Анастасии. И я это уже воспринимал как само собой разумеющееся.

Притрагиваясь руками к картинам и листкам со стихами, слушая песни и просматривая кадры отснятого кинофильма, я пытался как-то осмыслить происходящее.

А тут Московский исследовательский центр, занимающийся исследованием явлений, связанных с Анастасией, делает заключение:

“Величайшие духовные наставники, известные человечеству религиозными учениями, философскими и научными изысканиями, не достигают скорости воздействия Анастасии на человеческий потенциал. Их учения возымели осязаемое проявление в реальной жизни спустя столетия и тысячелетия с момента появления.

Анастасия всего лишь за дни и месяцы каким-то неведомым образом, минуя нравоучения и разные духовные трактаты, воздействует напрямую на чувства и вызывает эмоциональные всплески, творческий подъём, реализующийся в реальных творениях разных людей, мысленно соприкоснувшихся с ней. Мы их можем осязать в виде художественных произведений, вдохновенных порывов к светлому, доброму”.

Каким же образом эта одинокая отшельница, находясь одна в глухой сибирской тайге, в одно и то же время словно парит над реальным пространством нашей жизни?

Каким образом через руки других людей она материализует творения? Все они о светлом, о добром, о России, о природе, о любви.

“Она засыплет мир великой поэзией любви. Весенним дождём стихи и песни будут омывать всю нашу Землю от накопившейся на ней грязи”, — сказал дедушка Анастасии.

— Но каким образом она это сделает? — спрашивал я.

И ответ:

— Энергией порыва собственных устремлений она раздаёт вдохновение и озарение, силой своей мечты.

— Что за сила скрыта в её мечте?

— Сила Человека-Творца.

— Но за свои творения человек должен получать вознаграждение, почести, деньги, звания. А она отдаёт их безвозмездно другим. Зачем?

— Она самодостаточна. Собственное удовлетворение и искренняя любовь хотя бы одного — высшие награды для неё, — ответил дедушка Анастасии.

Но пока эти ответы не осмысливаются до конца. Пытаясь осознать, кто такая Анастасия, и определиться в своём отношении к ней, я продолжал выслушивать разные мнения о ней, читать о духовном. За полтора года проглотил больше литературы, чем за все годы предыдущей жизни. Но что из этого получилось? Лишь один бесспорный вывод я сделал для себя: “В ряде умных книг, претендующих на историческую достоверность, духовность и искренность, содержится наглая ложь”. К такому выводу привела меня ситуация, связанная с Григорием Распутиным.

В первой книге об Анастасии я привёл цитату из исторического романа-хроники В. Пикуля “У последней черты”.

В романе говорилось, как полуграмотный мужик Григорий Распутин из глухой сибирской деревни, где растёт сибирский Кедр, в 1907 году пришёл в столицу Российской Империи. Он поразил своими предсказаниями императорскую семью, в которую стал вхож, переспал с большим количеством знатных женщин. Когда его убивали, были поражены тем, что, приняв подсыпанный в стакан цианистый калий, он всё же смог встать из-за стола и выйти во двор особняка. Потом князь Юсупов стрелял в упавшего Распутина в упор из пистолета. Но и будучи изрешечённым пулями, Распутин продолжал жить. Израненное тело бросили с моста в воду. Потом выловили и сожгли.

Таинственный и загадочный Григорий Распутин, поразивший всех своей выносливостью, вырос в кедровом краю.

Вот как журналисты того времени подвели итог его выносливости: “В возрасте пятидесяти лет он мог начать оргию с полудня, продолжая кутёж до четырёх часов ночи; от блуда, пьянства заезжал прямо в церковь к заутрене, где простаивал на молитве до восьми утра, затем дома, отпившись чаем, Гришка как ни в чём не бывало до двух часов дня принимал посетителей, потом набирал дам и шёл с ними в баню, а из бани катил в загородный ресторан, где повторял ночь предыдущую — никакой нормальный человек не смог бы вынести подобного режима”.

Как и у многих, у меня сложился соответствующий этим высказываниям беспутный образ Григория Распутина. А судьба, словно для размышления, подбросила другую информацию.

Вот что писал о Григории папа Иоанн: “Сегодня из реки невредимым выходит так и не найденное тело Святого монаха. И его тайные сыны с молитвой в Ковчег войдут”.

Что же получается? С одной стороны, о нём пишут: распутник, с другой — Святой монах. Где правда? Где ложь?

Далее, мне случайно попадает текст записок Григория Распутина, написанных во время его пребывания в Святой Земле (они были доставлены в Париж беженцем из СССР Лобачевским). Вот этот текст: “Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встаёшь и волны “говорят”, и плещут, и радуют. И солнце на море блестит, словно тихо-тихо поднимается, и в то же время Душа человека забывает всё человечество и смотрит на блеск солнца; и радость у человека возгорается, и в Душе ощущается книга жизни и премудрость жизни — неопикуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается само по себе, безо всякого усилия.

Море — пространство, а ум ещё более просторен. Человеческой премудрости нет конца, она неуместима всеми философами. Ещё есть величайшая красота, когда солнце падает за море и закатываются и лучи его сияют.

Кто может оценить светозарные лучи? Они греют и ласкают Душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, Душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается.

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы. От раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету, и сравнивает ту свою тишину с суетным миром, и тихо беседует с собой, и желает с кем-нибудь отвести скуку, нагнанную на него от его врагов...”.

Так кем же ты был, сибиряк? Россиянин Григорий Распутин? Где правда написана о тебе, где ложь? Как разобраться? На что опереться в осмысливании сути бытия, своего предназначения? С помощью чего, каких великих трудов можно разобраться, где Истина, где ложь? Где духовность и искренность, где претензия на всеведение? Может быть, собственным сердцем попробовать? Не писал я стихов, но тебе, Григорий Распутин, хочу посвятить своё первое.

“Анастасию” читают, и стихи у людей получаются искренние. И я попробовал. У меня для тебя вот что получилось. Извини, если рифма где подвела.

Григорию Распутину
посвящается

Полуграмотный? Полуграмотный.
Из кедровых лесов, так что ж?
Ну, босой. От Сибири-Россиюшки
сапоги не одни сотрёшь.

Я к царю. Помогу-ка батюшке
Продержаться ещё чуток.
Я к России, к России-матушке,
Ей бы хвойного хоть глоток!

Что? Гусары? Разгульны, удалы,
Сердцееды и храбрецы?
Так смотрите, смотрите ж, как надо
Разгуляться! Эх, вы, мудрецы!

Град Петра в парижских нарядах,
Но корсетам не сжать сердца!
Светских дам трепетали взгляды,
Вдруг увидев сибиряка.

Ну, а он, уходя к заутрене
Замолить не свои грехи,
Слышал, как Она шептала,
Лишь одна просила уйти:
—Уходи.
Одурманено и рычаще
Время зверя глотает плоть.
Ты пылающею Душою всё держался,
Теперь не смочь.

Уходи.
Не намного зверство удержишь,
Только миг один и спасёшь.
Я — Россия!

Мне будет жалко?
Ты уже никогда не споёшь.

Ты в кедрач возвратись, я воспряну!
И тогда всё, что хочешь, проси...

—Эх! Мне б в баньку сейчас!
С тобою!
Я б берёзовым, да с хвоей
Отстегал тебя, непутёвую,
Остаюсь, Россия, с тобой!
Время пеной безумства брызжало,
А у Гришки пули в груди.
Чернота ему скрежетала:
Отползай, сибиряк! Отползи.

На полмига ещё удержишь
Ты меня, но тогда
Ты получишь такую кару,
Что не знала ещё Земля!

Ты — герой, а будешь — похабник.
На бутылках с отравой — твой лик.
И тобой спасённые потомки
Плунут в Душу твою, мужик.

Отползи. Я всеильна сейчас,
всевластна!
Хочешь, так в небеса взлетай!
Только миг. Ну разве не ясно?
Только миг мой грядущий отдай!

—Эх! Мадеры б, да в баньку!
Я б тебе показал тогда.
Сибиряк, говоришь. Мужик я.
Так к чему ж канючишь, балда?

И расстрелянный, и утопленный,
И сожжён на задворках, в грызах.
Над Россиею с ветром весенним
И сейчас пролетит его прах.

—Что, мужик, — чернота
скрежещет,
Где ж могила твоя? Где глаза?
Жизни дни для тебя невозвратные.
А потомки глядят в образа.

Предъяви! Власть даю!
Им счета предъяви неоплатные,
Или, может, ты хочешь всплакнуть?

Плюнул Гришка свинцовой пулею:
—Эх дурён, сатана, — то счета, то
всплакнуть.

Ну, а как, мужики, там банька,
Не пора ли ещё плеснуть?!

Григорий Распутин из кедровых лесов вошёл в жизнь дореволюционной России, стремясь предотвратить бурю революции, и погиб.

Анастасия тоже живёт в кедраче и тоже пытается сделать для людей хорошее, тоже пытается что-то предотвратить. Но какую участь для неё уготовило наше общество?

МАШИНА ДЛЯ ДЕЛАНЬЯ ДЕНЕГ

В первые дни общения с Анастасией я отнёсся к ней как к отшельнице со своеобразным мировоззрением. Теперь, после всего услышанного о ней и прочитанного, после последовавших её проникновений в нашу жизнь, она стала какой-то аномальной. В голове началась путаница. С усилием, отбросив нахлынувший поток информации и выводов, я пытаюсь вернуть простоту первых впечатлений. И ответить на часто задаваемый мне вопрос: “Почему ты не вывез Анастасию из тайги?” Мне очень хотелось вывезти Анастасию из тайги. Но я понимал, насильно это сделать невозможно. Надо попробовать доказать ей целесообразность, полезность её пребывания в нашем обществе. Я размышлял, какие из её способностей с выгодой для неё, людей и моей фирмы можно использовать. И вдруг понял: стоящая передо мной Анастасия — настоящая машина для деланья денег. Её способности позволяют запросто излечивать людей от всевозможных заболеваний. Причём она не ставит никакого диагноза, а просто выгоняет из организма сразу все поселившиеся в нём болячки. И даже не прикасается к телу. Я на себе это испытал. Она сосредоточивается вся. Смотрит своими добрыми серо-голубыми глазами не мигая. И тело словно нагревается от её взгляда, потом ноги вспотевают начинают. Через пот и выходят токсины всякие.

Л ю д и п л а т я т б о л ь ш и е д е н ь г и з а л е -
карства и операции. Не помогает о д и н в р а ч , и д у т к
д р у г о м у , и д у т к э к с т р а с е н с а м , б и о э н е р г о т е р а п е в т а м , ч т о б ы
излечиться всего от одной болезни, тратят иногда недели, месяцы, годы, а тут — всего минуты. Я подсчитал, если она будет тратить на одного пациента даже пятнадцать минут и за это брать всего двести пятьдесят тысяч (хотя многие целители берут и больше), то в час получается миллион рублей. Но и это далеко не предел, есть платные операции, которые стоят до тридцати миллионов рублей...

В голове, казалось, выстраивался хороший коммерческий план. Я решил уточнить некоторые детали и спросил у Анастасии:

- Ты, значит, можешь выгнать любые болячки из человека?
- Да, — ответила Анастасия. — Думаю, что любые.
- Сколько тебе нужно потратить времени на одного человека?
- Иногда очень много времени.
- Много — это сколько?

- Однажды мне пришлось затратить больше десяти минут.
- Десять минут — ерунда, люди тратят годы на то, чтобы вылечиться.
- Десять минут очень много, если учесть, что в это время мне необходимо как бы концентрироваться и останавливать процесс осмысливания...

— Ничего страшного, подождёт осмысливание. Ты и так знаешь много. Я тут кое-что придумал, Анастасия.

— Что ты придумал?

— Я заберу тебя с собой. В большом городе арендую для тебя хороший офис, сделаю рекламу, и ты будешь лечить людей. Ты принесёшь людям много пользы, и мы будем иметь хороший доход.

— Но я ведь и так иногда лечу людей. Когда моделирую разные ситуации с дачниками, чтобы помочь им в осмысливании их окружающего мира растений, то мой Лучик и болезни из них выгоняет, только я стараюсь, чтобы не все...

— Так они же не знают, что именно ты это делаешь, тебе не то что денег никто не платит, а даже спасибо не говорят! Ты же ничего не получаешь за такую работу.

— Получаю.

— Что?

— Мне радостно становится.

— Ну, хорошо. Пусть тебе будет и радостно и приятно, а фирме ещё и доход.

— А если у какого-то человека денег не будет, чтобы заплатить за лечение?

— Да что ты сразу лезешь в разные нюансы мелкие. Не твоё дело думать об этом. У тебя будут секретари, администратор. Ты должна думать о лечении, совершенствоваться, бывать на семинарах по обмену опытом. Ты сама понимаешь, как работает этот твой способ, твой Лучик, ну, механизмы какие задействованы?

— Понимаю. И в вашем мире этот способ известен. Врачи, профессиональные учёные знают о нём. Или чувствуют его благотворное воздействие. В больницах стараются разговаривать с больными ободряюще, чтобы настроение у них поднять. Врачи уже давно заметили, что, если человек находится в состоянии депрессии, болезнь трудно вылечить, лекарства не помогают, а если отнестись к человеку с любовью, болезнь уйдёт быстрее.

— Так почему никто не стремится разобраться и развить этот способ лечения до такой степени, как у тебя.

— Многие из учёных стремятся разобраться. И многие люди, которых вы называете народными целителями, тоже этим способом пользуются, и получается у них немного. Этим способом исцелял людей Иисус Христос, святые угодники. В Библии много говорится о любви. Потому, что это благотворно влияющее на человека чувство. Оно самое сильное из всего.

— Почему у целителей и врачей немножко, а у тебя так запросто и много?

— Потому что они живут в вашем мире и им приходилось, как и всем из вашего мира, допускать в себе пагубные чувства.

— Что за пагубные чувства, при чём здесь они?

— Пагубные чувства, Владимир, это злость, ненависть, раздражение, ревность, зависть... и другие. Они и им подобные делают человека слабее.

— Ты что же, Анастасия, редко злишься?

— Я никогда не злюсь.

— Хорошо, Анастасия. Не важно, вследствие чего он получается, такой эффект, важен конечный результат и какую пользу извлечь от него можно. Скажи, ты согласна поехать со мной и заняться лечением людей?

— Владимир, ведь мой дом и моя родина здесь. И только находясь здесь, я смогу выполнить своё предназначение. Ничто человеку не даст большей силы, чем родина его, родителями сотворённое Пространство Любви.

Лечить людей, избавлять их от физического недуга я могу и на расстоянии, с помощью своего Лучика...

— Ну, хорошо. Не хочешь ехать, давай лечи на расстоянии. Мы с тобой можем договориться, в какое место будут приходить желающие вылечиться. Они будут платить деньги, и ты в определённое время будешь их исцелять. Мы сделаем расписание. Ты на это согласна?

— Владимир, я понимаю, ты хочешь, чтобы у тебя было много денег. Они будут у тебя, я помогу тебе. Только не нужно делать их таким способом. В вашем мире берут деньги за лечение, иначе нельзя в вашем мире. Но я лучше буду это делать без денег. И ещё, я не могу лечить всех подряд, потому что не поняла, в каких случаях исцеление приносит пользу, в каких вред. Но я буду стараться осознать и понять. И как только смогу разобраться...

— Что за чушь? Каким это образом исцеление, лечение человека может принести вред? Или ты имеешь в виду вред тебе?

— Исцеление физических недугов часто наносит вред самому исцелённому.

— Анастасия, у тебя от твоих мудрствований перевёрнуты представления о добре и зле. Врачи во все времена почитались обществом, хотя и не бесплатно своё дело делали. Если ты всё на Библию ссылаешься, так и там это не порицается. Так что выброси из головы свои сомнения. Всегда вылечить человека — это хорошо!

— Понимаешь, Владимир, я видела... Мне дедушка показал на примере, какой вред нанести может исцеление, когда не обдуманно оно, когда не участвует в исцелении сам больной...

— Какая-то философия у вас здесь своеобразная. Я тебе дело совместное предлагаю, при чём тут примеры?

ИСЦЕЛЕНИЕ ДЛЯ АДА

— Однажды я увидела своим Лучиком, работающую на участке одинокую старушку. Подвижная, худенькая, всегда радостная. Она сразу заинтересовала меня. Участочек у неё совсем маленький, растёт на нём много разного, и хорошо растёт, потому что делала она всё с любовью. Потом я узнала, что всё выращенное старушка возит в корзинке в людные места и продаёт. Сама первые плоды, когда они у вас дороже стоят, старается не есть, а продать. Деньги ей нужны были, чтобы сыну своему помогать. Родила она его уже в возрасте, осталась без мужа. Родственники не общались с ней. Сынок её рисовал в детстве, и она мечтала, что станет он художником. И он несколько раз пытался куда-то там поступать учиться. Поступил в конце концов. Раза два в год приезжал он к своей старушке-матери. Для неё эти приезды были величайшей радостью, и каждый раз копила она деньги и делала съестные припасы. Выращенные на участке овощи в банки стеклянные закрывала к приезду сына, и всё ему отдавала.

Очень сильно любила его, и мечталось ей, что станет сын её хорошим художником. Она жила этой мечтой. Старушка доброй была и весёлой. Потом я некоторое время не смотрела на неё. Когда вновь увидела, старушка была уже очень больна. Ей трудно было наклоняться, чтобы работать на участке со своими растениями, острая боль пронзала её тело с каждым наклоном. Но она такая изобретательная оказалась. Грядки она сделала узенькие и длинные. От старой табуреточки сиденье без ножек возьмёт, положит его между грядками, сядет на него и, сидя, выпалывает грядки от сорняков, так на сиденье и передвигается по всему участку. Корзинку за собой на верёвочке таскала. И радовалась, что хороший урожай у неё будет.

Урожай действительно предстоял хороший, растения её чувствовали и реагировали соответственно. Старушка понимала, что скоро умрёт, и, чтобы своей смертью хлопот сыну меньше доставить, сама гроб себе купила, венки и вообще все приготовления сделала к похоронам. Но ей хотелось ещё и урожай собрать, и заготовки для сына на зиму сделать перед смертью. Я не придавала тогда значения, почему при таком тесном контакте с растениями своего участка она всё же болеет? Я думала, может, оттого, что сама плоды со своего участка почти не ест. Продаст их, а на вырученные деньги старается купить что подешевле.

Я решила помочь ей, и однажды, когда она легла спать, я стала обогревать её своим Лучиком, выгонять из тела её болячки. Чувствую, что-то Лучику сопротивляется, но я всё равно стараюсь. Так, наверное, больше десяти минут делала, пока не добилась своего, пока не вылечила её плоть.

Потом, когда дедушка пришёл, я ему рассказала о старушке. И спросила, почему Лучику что-то сопротивлялось? Он задумался и сказал, что я нехорошо поступила. Расстроилась я тогда. Просить стала дедушку пояснить, почему? Он молчал. Потом сказал: “Ты исцелила тело”.

— И что же такого плохого ты могла натворить с Душой старушки?

Анастасия вздохнула и продолжила:

— Старушка перестала болеть и не умерла. Сынок её приехал к ней раньше обычного. На два дня всего приехал и сказал, что учёбу бросил и художником быть не хочет, занялся каким-то другим делом, приносящим доход. Женится. Теперь у него будут деньги. И чтобы она склянки всякие ему больше не заготавливала, потому что перевозка их теперь дороже обходится.

“Сама питайся получше, мать”, — сказал ей.

Он уехал, не взяв ничего. Старушка утром на крылечко села, на участочек свой смотрит, а в глазах такая опустошённость, тоска, нежелание жить. Представляешь, тело здоровое, а жизни в нём как бы и нет. Я увидела, а скорее почувствовала, какая страшная опустошённость в её Душе и безысходность.

Если бы я не вылечила её тело, старушка умерла бы вовремя, умерла спокойно, с красивой мечтой, надеждой. Теперь же она оказалась в опустошении ещё при жизни, а это было во много раз страшнее физической смерти. Через две недели она умерла.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

— Я поняла, что болезнь физическая — ничто по сравнению с душевными муками, но лечить Душу я тогда ещё не могла. Мне захотелось познать, как это можно сделать и можно ли вообще? Теперь я знаю — это возможно!

И ещё я поняла, физические болезни в человеке появляются не только вследствие его самоустранения от окружающей Природы и не только вследствие тёмных чувств, которые он допускает в себе. Они — болезни — могут быть и механизмом предостережения или даже спасением от значительно больших мук. Болезни — это один из механизмов, способов общения Великого Интеллекта — Бога — с человеком. Боль человека — это и Его боль. Но иначе нельзя. Как иначе сказать, например, тебе: “Не забрасывай в свой желудок всякую непотребность”. Ты ведь слова уразумления не воспринимаешь. Тогда болью тебе говорятся уразумления. Но ты таблетки обезболивающие пьёшь и снова по-своему упорно делаешь.

— Так что же, по-твоему, получается, людей лечить не надо? И не надо помогать им при недомогании?

— Помощь должна быть, но прежде всего в точном осознании первопричины заболевания.

Необходимо помочь осознать, что желает сказать ему Великий Интеллект — Бог. Но сделать это очень трудно. Можно ошибиться. Ведь боль — конфиденциальный разговор двоих, знающих друг о друге. Вмешательство третьего часто вредит человеку, а не помогает.

— Зачем тогда ты из меня болезни повыгоняла? Навредила, получается?

— Все твои болезни вернуться к тебе, если ты не изменишь свой образ жизни, отношение к окружающему и к себе. Если не поменяешь некоторые свои привычки. Именно они явились следствием твоих болезней. Душе твоей я вред не нанесла.

Мне стало ясно. Убедить Анастасию извлекать доход от использования её способностей исцелять невозможно, пока она чего-то там до конца не осознает. Рушился мой коммерческий план. Анастасия, наверное, заметив мою досаду, сказала:

— Ты не расстраивайся, Владимир, я постараюсь быстро всё осознать, и сейчас, если ты действительно хочешь людям помочь и себе, а не только делать деньги, я расскажу тебе о способах, с помощью которых может вылечиться человек от многих заболеваний сам и при которых не может быть таких нежелательных последствий, как при вмешательстве посторонних в его судьбу. Если ты захочешь это выслушать...

— А что мне остаётся делать? Тебя же всё равно не переубедишь. Рассказывай.

— Есть несколько главных причин болезней человеческой плоти: это пагубные чувства, эмоции, искусственный режим приёма пищи и её состав, отсутствие ближней и дальней цели, лжепредставления сути своей и предназначения. Противостоят болезням плоти с успехом могут положительные эмоции, многие растения, переосмысливания сути своей и предназначения очень многое могут изменить и в физическом состоянии, и в душевном...

Как можно вернуть в условиях вашего мира утраченную связь человека с растениями — я тебе уже говорила. И осознанности всего остального легче достигнуть через личный и непосредственный контакт с этими растениями.

Ещё Лучом Любви можно вылечить многие болезни ближнего своего и даже жизнь продлить, создав вокруг него Пространство Любви.

Но и сам человек, сумевший вызвать в себе положительные эмоции, может с их помощью заглушить боль, излечить плоть от заболевания, даже ядам противостоять.

— Что значит вызвать, как можно о хорошем думать, если зуб болит или желудок?

— Чистые, яркие мгновения жизни, положительные эмоции, как ангелы-хранители, победят боль и болезнь.

— А если у какого-то человека не было достаточно чистых и ярких мгновений, вызывающих исцеляющие положительные эмоции, тогда что ему делать?

— Немедленно нужно сотворить нечто такое, чтобы появились они. Они появляются, когда окружающие тебя люди отнесутся к тебе с искренней Любовью. Вот и сотвори такую ситуацию, сотвори поступком своим по отношению к окружающим, иначе не сможет тебе помочь твой ангел-хранитель...

— Интересно узнать, у меня они были и какой силы? Как их вызвать?

— Это можно сделать с помощью воспоминаний. К примеру, воспоминанием о чём-нибудь хорошем, приятном из своего прошлого. С помощью этого воспоминания почувствуй то благостное состояние, которое было в тебе. Хочешь попробовать прямо сейчас? Я помогу. Попробуй.

— Ну, давай, попробуем.

— Ляг, пожалуйста, на траву и расслабься. Вспоминать можно начиная от сегодняшнего мгновения жизни и уходя в прошлое. Можешь вспомнить детство и идти мысленно к сегодняшнему дню. Можешь сразу вспомнить самые приятные минуты и связанные с ними ощущения.

Я лёг на траву. Анастасия тоже легла рядом и положила пальцы своей руки на мои. Я подумал, что её присутствие будет мешать сосредоточиться на воспоминаниях, и сказал:

— Мне бы лучше одному побыть.

— Я буду тихо вести себя. Ты, когда начнёшь вспоминать, забудешь обо мне. И прикосновение руки не будешь чувствовать. Но я помогу тебе быстрее и ярче всё вспомнить.

ГДЕ ТЫ, АНГЕЛ–ХРАНИТЕЛЬ?

Хроника событий прожитой жизни вела к детству. Воспоминания дошли до момента, когда я с деревенскими малышами играл на песке, потом остановились. В Душе была непонятная тревога. Ни одно событие всей прожитой жизни не вызвало положительных эмоций, чувств, похожих на те, которые были во мне утром, после проведённой с Анастасией ночи. И тех, которые она показывала, подстроив к ритмам биения моего сердца ритмы окружающей природы (я описывал эту ситуацию в главе “Прикосновение к раю”). Но я считал, что эти прекрасные ощущения были созданы во мне только Анастасией, они не мои. Они искусственны, подарены Анастасией. Я непроизвольно сопоставлял их с тем, что было в моей жизни, и не находил аналогов. Ещё и ещё раз гонял воспоминания из своей жизни, словно киноплёнку, туда и обратно. Все события были связаны со стремлениями достичь чего-то, получить. Получал очередное желаемое, а удовлетворение не наступало. Вместо этого новое желание... И последние годы жизни, когда окружающие считали, как здорово у меня всё проистекает, вызывали ещё большее смятение. Приобретение машин, женщины и банкеты, подарки и поздравления — казались пустыми и ненужными.

Я резко встал и то ли сам себе, то ли Анастасии с раздражением выговорил:

— Нет в жизни человека этих исцеляющих ощущений! По крайней мере, в моей их нет. Да и у многих других они могут не отыскаться.

Анастасия тоже встала и спокойно заметила:

— Тогда тебе как можно быстрее необходимо сотворить их.

— Да что же такое сотворить нужно? Что?

— Сначала необходимо осознать, в чём большая значимость, смысл? Ты жизнь свою сейчас просматривал. Но, даже имея возможность анализировать, смотреть на неё как бы со стороны, всё равно не смог заметить значимого. Всё за привычные, в твоём понятии, ценности цеплялся. Скажи, в какой ситуации тебе хотя бы удалось приблизиться к ощущению счастья?

— Были две ситуации, но что-то помешало ощутить их полностью счастливыми.

— Что же это за ситуации?

— Ещё в начале перестройки мне удалось получить в долгосрочную аренду теплоход. Это был лучший пассажирский теплоход в Западносибирском речном пароходстве. “Михаил Калинин” — его название.

Бумаги на долгосрочную аренду теплохода оформлены. Я еду к причалу, стоит он — красавец, и я первый раз ступаю на палубу своего теплохода.

— А радостные ощущения твои намного усилились, когда ступил ты на палубу?

— Понимаешь, Анастасия, в нашей жизни много разных проблем. Когда вошёл я на теплоход, меня встретил капитан.

Пошли мы в его каюту. Выпили по бокалу шампанского. Разговаривали. Капитан сказал, что надо срочно трубы промывать водоводные, а то санэпидемстанция разрешения на выход в рейс не даёт. И ещё сказал капитан...

— И погрузился ты, Владимир, в заботы и проблемы, связанные с работой теплохода.

— Да, погрузился. Много их было.

— Искусственно созданная материя, механизмы разные тем и характерны, Владимир, что больше проблем приносят, чем радости. Иллюзорна и помощь их человеку.

— Не согласен я с тобой. Сами по себе, может быть, и создают механизмы проблемы — ремонт требуется, обслуживание. Зато с их помощью можно добиться многого.

— Например, чего?

— Даже любви.

— Над Истинной Любовью, Владимир, не властны искусственно созданные предметы. Даже если бы все в мире они принадлежали тебе, только с их помощью ты не смог бы заполучить истинной Любви даже одной женщины.

— Да ты просто женщин наших не знаешь. А рассуждаешь. Я вот добивался.

— Чего добивался?

— Любви, запросто добивался. Женщину я одну любил очень сильно. Не один год любил. А она со мной не очень-то хотела пойти куда-нибудь, уединиться. Когда теплоход у меня появился; я пригласил её на теплоход и она согласилась. Представляешь, как было здорово?! Сидим мы с ней одни за столом в баре теплохода. Шампанское, вино великолепное, свечи горят, музыка — и никого. Одни мы в пустом баре моего теплохода. Только она передо мной. Отправил я теплоход, никого на борт не взял, чтобы с ней побыть наедине. Теплоход идёт по реке. В баре звучит музыка. Я на танец её пригласил. Фигура и грудь у неё великолепные. Прижал я её к себе, и - забилось радостно сердце, и поцеловал её в губы!

Она не отстранилась и тоже меня обняла. Ты понимаешь? Она была рядом со мной, я мог её трогать, целовать. Всё это благодаря теплоходу, а ты говоришь — одни проблемы.

— А дальше, Владимир, что с тобой произошло?

— Неважно.

— Всё же вспомни, пожалуйста.

— Говорю тебе неважно это. Не имеет значения.

— Можно я расскажу, что произошло там, на теплоходе, с этой молодой женщиной и с тобой?

— Попробуй.

— Ты много выпил спиртного. Ты специально старался выпить как можно больше. Потом положил перед ней ключи от своей каюты, великолепных своих апартаментов, а сам спустился в трюм. Ты спал почти сутки в маленькой матросской каюте. И знаешь почему?

— Почему?

— Наступил момент, когда ты увидел на лице любимой тобой молодой женщины странное выражение и отрешённую улыбку.

Интуитивно, ещё неосознанно ты понял — она, твоя любимая, мечтала: “Как бы счастлива я была, если бы за столом в баре этого теплохода напротив сидел не Мегре, а мой любимый”. Любимая тобой женщина мечтала о другом, о том, кто нравится ей. Она мечтала, чтобы не ты, а он владел этим теплоходом. Вы были во власти мёртвой материи, связав с ней свои живые чувства, стремления и убивая их.

— Не продолжай, Анастасия. Мне неприятны эти воспоминания. И всё равно, теплоход сыграл свою роль. Мы с тобой встретились благодаря теплоходу.

— Событийности настоящего строят предшествующие чувства и порывы Души, только они влияют на будущее. И только их разбег, их крыльев взмах отражается в небесных зеркалах. И - отразятся в событийности земного бытия только их порывы и стремления.

— Как это понимать?

— Нашей встрече могли предшествовать многие стремления твоей и моей Души, может быть, даже наших далёких и близких родителей. Может быть, это сделал только один порыв вишенки, растущей на огороде твоего загородного дома. Но не теплоход.

— При чём тут вишенка на моём огороде?

— Много раз просмотрев свою жизнь, ты не придавал никакого значения этой вишенке и чувствам своим, с нею связанным, а именно они явились главным событием последних лет твоей жизни. На твой теплоход Вселенная не реагировала. Подумай, ну что может значить для Вселенной примитивный, тарахтящий, не умеющий мыслить и самовосстанавливаться механизм?

А вишенка... Маленькая сибирская вишенка, для которой ты даже места не оставил в своих воспоминаниях, взбудоражила просторы вселенские, изменила ход событийностей, связанных не только с тобой и со мной. Потому что она живая и, как всё живое, неразрывно связана со всем мирозданием.

ВИШЕНКА

—Вспомни, Владимир, всё, что связано у тебя с этим маленьким деревцем. Вспомни начиная с момента соприкосновения с ним.

— Попробую, если ты считаешь это важным.

— Да, это важно.

— Я ехал на машине. Не помню куда. Остановился около Центрального рынка. Попросил водителя сходить купить фруктов. Сам сидел и смотрел, как выходящие с рынка люди тащат разные саженцы.

— Ты смотрел на них и удивлялся. Чему?

— Представляешь, лица у них радостные, довольные. На улице дождь и холод, они тащат какие-то саженцы, корни тряпками обмотаны, тяжело им, а лица довольные, а я сижу в тёплом - салоне машины и мне грустно. Когда водитель вернулся, я пошёл на рынок. Ходил, ходил среди продающих и купил три маленьких саженца вишни. Когда в багажник машины их бросал, водитель сказал, что одна вишенка не выживет, так как корешки у неё очень коротко обрезаны, и лучше её сразу выбросить, но я оставил. Она была самая стройная. Потом на огороде своего загородного дома посадил их сам.

Для вишенки с коротко обрезанными корешками чернозёму в ямку побольше бросил, крошки торфяной, ещё чего-то из удобрений.

— Своими попытками помочь ей ты сжёг удобрениями ещё два маленьких корешка вишенки.

— Но она выжила! Весной, когда стали набухать почки на деревьях, и у неё веточки ожили. Листочки появились маленькие. Потом я уехал в свою коммерческую экспедицию.

— Но перед этим ты каждый день в течение более двух месяцев приезжал в загородный дом и первым делом подходил к маленькой вишенке. Иногда гладил её веточки. Радовался листочкам, поливал. Вбил колышек в землю и привязал её ствол, чтобы ветер его не сломал.

Скажи, Владимир, как ты считаешь, реагируют растения на отношение человека к ним? Чувствуют доброе отношение или злое?

— Слышал или читал где-то, будто бы комнатные растения, цветы реагируют. Даже завянуть могут, когда ухаживающий за ними уезжает. Про опыты учёных слышал: датчики приборов к разным растениям подключали, и стрелки приборов отклонялись, когда к ним человек с агрессией подходил, в одну сторону, а когда подходил с добром — в другую.

— Значит, Владимир, тебе известно, что растения реагируют на проявления чувств человеческих. И, как задумано Великим Творцом, стремятся сделать всё для жизнеобеспечения человека: одни принести плоды, другие своими красивыми цветами стремятся вызвать в человеке положительные эмоции, третьи воздух для дыхания сбалансировать.

Но есть ещё одно, не менее важное их предназначение. Те растения, с которыми конкретный человек входит в непосредственный контакт, формируют для него Пространство Истинной Любви. Той Любви, без которой жизнь на Земле невозможна.

Многие дачники стремятся к своим участкам, потому что там для них сформировано это Пространство. И маленькая сибирская вишенка, которую ты посадил, за которой сам ухаживал, тоже стремилась сделать то, что делают, выполняя своё предназначение, все растения.

Растения могут сформировать для человека значимое Пространство Любви, если их много. Если они разные и человек общается с ними, прикасается к ним с Любовью. Все вместе они могут создать для человека значимое Пространство Любви, благодатно влияющее на Душу и исцеляющее плоть. Понимаешь, Владимир, — все вместе, когда их много. Но ты ухаживал только за одним растением. И тогда маленькая сибирская вишенка стала стремиться одна сделать то, что могут сделать только несколько разных растений вместе.

Её стремления были вызваны твоим необычным отношением к ней. Ты интуитивно понимал — среди твоего окружения только одно это маленькое деревце ничего не просит от тебя, не лицемерит, стремится только отдать, потому и приходил ты уставший после бурного дня к вишенке, стоял и смотрел на неё, и она старалась.

До появления первого рассветного лучика солнышка её листочки старались уловить его отражение в просветляющемся небе.

А когда заходило солнышко, она пыталась воспользоваться светом яркой звезды. И у неё чуть-чуть получилось.

Её корешки, обогнув обжигающие удобрения, сумели брать нужное от Земли. И струился по жилкам вишенки сок Земли чуть быстрее обычного. Однажды, придя, ты увидел на тонких веточках маленькие цветы. На других саженцах не было цветов, а она расцвела. Ты обрадовался. У тебя поднялось настроение, и тогда... Вспомни, что ты сделал, Владимир, увидев её цветы.

— Я действительно обрадовался. Почему-то настроение поднялось. И я погладил руками её веточки.

— Ты ласково гладил её веточки. И сказал: “Надо же, красавица моя, расцвела!”

Деревья, Владимир, приносят плоды. Но ещё они формируют Пространство Любви. Вишенка очень хотела, чтобы и у тебя оно было. Но где ещё вишенке взять было силы, чтобы вернуть человеку полученное от него. Она уже дала всё, что было в её силах, но получила ещё необычное, ласковое к себе отношение... И тогда она захотела сделать большее! Одна!

Ты уехал в свою длительную экспедицию. Когда вернулся, шёл по огороду к вишенке. Шёл и ел купленные на рынке вишни. Когда подошёл к ней, увидел — на твоей вишенке тоже висят три красные ягодки. Ты стоял перед ней уставший, ел купленные на рынке вишни и выплёвывал косточки. Потом сорвал одну ягодку со своей вишенки, попробовал её. Она была чуть кислее рыночных, и две оставшиеся ты не тронул.

— Я наелся других вишен. А её ягодка действительно была кислее.

— О, если бы ты знал, Владимир, сколько в тех маленьких ягодках содержалось полезного для тебя. Сколько энергии и Любви. Из недр Земли и вселенских просторов собрала она для тебя всё полезное и вложила в эти три ягодки. Она даже одну свою веточку засушила, чтобы сумели вызреть эти три ягодки. Одну ты попробовал, две оставшиеся не тронул.

— Так я же не знал. Но всё равно, мне было приятно, что она смогла принести плоды.

— Да, тебе было приятно. И тогда... Ты помнишь, что ты сделал в тот раз?

— Я? Ну, я снова погладил веточки вишенки.

— И не только погладил. Ты ещё наклонился и поцеловал листочек, лежащей на твоей ладони веточки.

— Да, поцеловал. Потому что настроение было хорошее.

— И с вишенкой произошло невероятное. Что ещё могла она сделать для тебя, если ты не взял с такой любовью выращенные плоды. Что?

Затрепетала она от поцелуя человека, и взлетели в светлое пространство Вселенной присущие только человеку, но произведённые маленькой сибирской вишенкой мысль и чувства — отдать человеку полученное от него.

Подарить человеку свой поцелуй Любви, обогреть его светлыми чувствами Любви. Вопреки законам всем мысль металась по Вселенной и не находила воплощения.

Осознание невозможности воплощения — это смерть.

Светлые Силы возвращали вишенке произведённую ею мысль, чтобы она могла уничтожить её в себе и не погибнуть. Но она не забирала!

Пылкое желание маленькой сибирской вишенки оставалось неизменным, необыкновенно чистым и трепетным. Светлые Силы не знали, что делать. Великий Творец не менял установленные законы гармонии. Но вишенка не погибла. Потому не погибла, что её мысль и стремления, чувства были необычно чисты, а по законам мироздания чистую Любовь ничто уничтожить не может. И витала она над тобой, и металась, стремясь найти воплощение. Одна во Вселенной стремилась создать для тебя Пространство Любви.

Я пришла на ваш теплоход, чтобы хоть как-то попробовать помочь и воплотить желаемое вишенкой. Ещё не зная, кому адресовано оно.

— Значит, твоё отношение ко мне из-за желания помочь вишенке?

— Моё отношение к тебе, Владимир, — это только моё отношение. Трудно сказать, кто кому помогает, вишенка мне или я вишенке? Всё во Вселенной взаимосвязано. Воспринимать действительность нужно только собой. Но сейчас, позволь, я воплощу в реальность желаемое вишенкой. Можно, я поцелую тебя за неё?

— Конечно можно. Раз так надо. Я и ягоды её, когда вернусь, все съем.

Анастасия закрыла глаза. Руки свои прижала к груди и тихо прошептала:

— Вишенка, ты почувствуй. Я знаю, ты сможешь почувствовать. Я сейчас сделаю то, что хотела ты. Это будет твой поцелуй, вишенка.— Потом Анастасия быстро положила руки на мои плечи, не открывая глаз, приблизилась, прикоснулась губами к щеке и замерла.

Странный поцелуй, простое прикосновение губ. Но он отличался от всех известных мне ранее. Он вызвал неведомое ранее, необыкновенно приятное ощущение. Наверное, не техника движения губ, языка или тела важна при этом. Наверное, главное то, что внутри человека сокрыто и проявляется при поцелуе.

Но что же скрывается внутри у этой таёжной отшельницы? Откуда у неё столько знаний, необычных способностей и чувств? Или, может быть, всё, что она говорит, лишь плод её воображения? Но откуда тогда берутся необыкновенно благостные, чарующие и согревающие всё внутри меня ощущения. Может быть, совместными усилиями удастся раскрыть тайну с помощью следующей ситуации, свидетелем которой мне довелось быть.

КТО ВИНОВАТ?

Однажды, когда Анастасия пыталась мне что-то пояснить об образе жизни и вере, но не находила подходящих, понятных слов, а ей, вероятно, очень хотелось найти их, произошло следующее.

Анастасия быстро повернулась лицом к Звенящему Кедру, положила ладони на его ствол, и далее с ней стало происходить непонятное. Она, подняв голову вверх, обращаясь то ли к Кедру, то ли к кому-то высоко вверху, стала вдруг страстно и самозабвенно говорить то словами, то звуками.

Она что-то пыталась объяснять, доказывать, умоляла о чём-то. Время от времени в её монолог вплетались настойчиво-требовательные нотки. Усилилось потрескивание — звон Кедрa. Ярче и толще стал его Луч. И тогда Анастасия требовательно произнесла:

— Ответь мне. Ответь! Поясни! Дай мне его, дай! — При этом она тряхнула головой и даже топнула босой ногой.

Бледное свечение кроны Звенящего Кедрa устремилось к лучу, и луч, вдруг оторвавшись от Кедрa, улетел вверх или растворился. Но тут же появился другой Луч, шедший сверху к Кедрu. Он состоял словно из голубоватого тумана или облака.

Направленные вниз кончики иголок Кедрa засветились такими же облачными, едва заметными лучиками. И эти лучики стремились к Анастасии, но не касались её, они, словно исчезая, растворялись в воздухе. И когда она снова требовательно топнула ногой и даже хлопнула ладошками по огромному стволу Звенящего Кедрa, зашевелились светящиеся иголки, слились их лучики в единый облачный луч. Но и он, идущий вниз к Анастасии, не касался её, луч растворялся в воздухе, словно испаряясь, сначала примерно в метре от Анастасии, потом в полуметре...

Я с ужасом вспомнил, что, наверное, именно от такого Луча, погибли её родители.

Анастасия продолжала упрямо о чём-то упрашивать, требовать. Так избалованный ребёнок настойчиво просит у родителей требуемое ему. И вдруг Луч рванулся к ней и осветил её всю, словно фотовспышкой.

Вокруг Анастасии образовалось и таяло облачко. Луч, идущий от Кедрa, растворился, погасли лучики, исходящие от иголок. Таяло облачко вокруг Анастасии. Оно то ли входило в неё, то ли растворялось в пространстве.

Она, сияющая и со счастливой улыбкой, повернулась, сделала шаг в мою сторону и остановилась, устремив взгляд мимо меня. Я повернулся. На поляну выходили дедушка и прадедушка Анастасии. Медленно ступая, опираясь на палку, похожую на посох, высокий седой прадед, шедший чуть впереди дедушки, поравнявшись со мной, остановился. Посмотрел на меня словно в пространство. Я даже не понял, видит он меня или нет. Прадед стоял молча, потом он слегка поклонился, не поздоровался, не сказал ни слова, направился к Анастасии. Дедушка суетливый, но очень простой. Весь его вид говорил, что он весёлый и добрый человек. Поравнявшись со мной, дедушка сразу остановился, по-простому поздоровался за руку. Стал что-то говорить. Но ничего из сказанного им тогда не запомнилось. Почему-то и он и я стали с волнением смотреть на происходящее у Кедрa.

Прадед остановился примерно в метре от Анастасии. Они некоторое время молча смотрели друг на друга. Анастасия стояла перед седым старцем, опустив руки по швам, словно школьница или абитуриентка перед строгим экзаменатором. Она была похожа на провинившегося ребёнка и, чувствовалось, волновалась.

В наступившей напряжённой тишине раздался глубокий, бархатный и чёткий голос седого прадеда. Он не поздоровался и с Анастасией, а сразу, медленно и чётко произнося слова, задал строго вопрос:

— Кто может, минуя дарованный Свет и Ритм, обращаться прямо к Нему?

— Любой человек может обращаться к Нему! Изначально Он с большой радостью и Сам говорит с человеком. И сейчас Он хочет этого, — быстро ответила Анастасия.

— Все пути Им предначертаны? Многие на Земле живущие способны познать их? Ты способна видеть эти пути?

— Да. Я видела предначертанное людям. Видела зависимость будущей событийности от осознанности сегодня живущих.

— Его Сыновья, их просветлённые последователи, познавшие Дух Его, достаточно сделали в уразумлении во плоти живущих?

— Они всё делали и делают, не щадя плоти своей. Несли и несут Истины.

— Видящий может усомниться в разуме, доброте и величии Духа Его?

— Ему нет равных! Он один! Но Он хочет общаться. Хочет, чтобы Его понимали, любили, как любит Он.

— Допустимо ли дерзить и требовать при общении с Ним?

— Он дал частичку своего Духа и разума каждому живущему на Земле. И если маленькая частичка в человеке, Его частичка, не согласна с общепринятым, значит Он, именно Он, не всё приемлет в предначертанном. Он размышляет. Можно ли Его размышления назвать дерзостью?

— Кому позволено ускорять ход размышлений Его?

— Позволять может только позволяющий.

— Чего просишь ты?

— Как вразумить неразумных, дать почувствовать нечувствующим?

— Определена ли участь не воспринимающих Истину?

— Участь не воспринимающих Истину определена. Но на ком ответственность за невосприятие Истины — на невоспринявшем или на доносившем Её?

— Что?.. Значит, ты?.. — взволнованно произнёс прадед и замолчал.

Некоторое время он молча смотрел на Анастасию. Потом, опираясь на палку-посох, прадед медленно опустился на одно колено, взял руку Анастасии, наклонив седую голову, поцеловал её и произнёс:

— Здравствуй, Анастасия.

Анастасия быстро опустилась перед прадедом на колени, удивлённо и взволнованно заговорила:

— Что ты, дедулечка, что ты, как с маленькой? Я же уже большая.

Потом она обняла его за плечи, припала головой к его груди, закрытой седой бородой, и замерла.

Я знал, она слушает, как бьётся его сердце. Она с детства любила слушать биение сердца.

Седой старец, стоя на колене, одной рукой опирался на палку-посох, другой гладил золотистые волосы Анастасии.

Дедушка заволновался, засуетился, подбежал к стоявшим на коленях своему отцу и внучке. Засеменил вокруг них, развёл руками, потом вдруг и сам опустился на колени, обнял их...

Первым поднялся дедушка. Помог встать своему отцу. Прадед ещё раз внимательно посмотрел на Анастасию, медленно повернулся и стал удаляться. Дедушка быстро заговорил, непонятно к кому обращаясь:

— И всё равно балуют все её. И Он её балует. Ишь, куда забралась. Нос свой суёт, куда захочет. Воспитывать некому её. Кто дачникам помогать теперь будет? Кто?

Прадед остановился. Медленно повернулся, и снова его глубокий бархатный голос чётко произнёс:

— Делай, внученька, как сердце велит тебе и Душа. С дачниками твоими сам тебе помогу. — Повернувшись, величественный седой старец медленно пошёл с поляны.

— Я же говорю, что все её балуют, — снова заговорил дедушка.

Поднял прутик и со словами: “А вот я сейчас повоспитываю”, — засеменил к Анастасии, помахивая прутиком.

— Ой, ой! — всплеснула руками Анастасия, изображая испуг, потом засмеялась и отбежала в сторону от приближающегося дедушки.

— Она ещё убежать вздумала. Да чтоб я не догнал!

И он необычно быстро и легко побежал к Анастасии. Она со смехом убегала, петляя по поляне. Дедушка не отставал, но и догнать не мог.

Вдруг дедушка охнул и присел, схватившись за ногу. Анастасия быстро повернулась, на лице её было волнение. Она подбежала к дедушке, протянула к нему руки. Да так и замерла. Её раскатистый, заразительный смех заполнил поляну. Я внимательно присмотрелся к позе дедушки и понял причину её веселья.

Дедушка, присев на одной ноге, вторую вытянул перед собой и держал её навесу, не касаясь земли. А гладил, словно повреждённую, именно ту ногу, на которой сидел. Он перехитрил Анастасию, но не обманул её.

Как потом выяснилось, она должна была вовремя заметить несоответствие, комичность его позы. Пока Анастасия смеялась, дедушка успел схватить её за руку и, подняв свой прутик, слегка стегануть Анастасию, как ребёнка. Анастасия сквозь смех попыталась изобразить, что ей больно. Несмотря на непрекращающийся сдерживаемый смех, дедушка обнял её за плечи и сказал:

— Ладно, уж. Не плачь. Получила? Поделом. Теперь слушаться будешь. А то я вот орла старого тренировать начал. Он хоть и старый, но силу ещё имеет и помнит многое. А она лезет везде, безрассудная.

Анастасия перестала смеяться, внимательно посмотрела на дедушку и воскликнула:

— Дедулечка!.. Миленький мой дедулечка! Орла!...Значит, ты уже знаешь о ребёночке?

— Так ведь звезда!..

Анастасия не дала дедушке договорить. Она обхватила его за талию, приподняла от земли и закружила. Когда поставила снова на землю, дедушка пошатнулся и сказал, пытаясь быть строгим:

— Ты как со старшими обращаешься? Я же говорю — воспитание слабое. — И он, помахивая прутиком, быстро пошёл догонять своего отца.

Когда дедушка поравнялся с деревьями на краю поляны, Анастасия крикнула ему вслед:

— Спасибо тебе, дедулечка, за орла, спасибо!

Дедушка повернулся, посмотрел на неё:

— Только ты, внученька, будь, пожалуйста... — Тон его голоса был слишком ласковым, и он, прервав фразу, чуть строже добавил: — Смотри у меня. — И скрылся за деревьями.

Ответ

Когда мы остались одни, я спросил Анастасию:

— Ты что это так орлу какому-то обрадовалась?

— Орёл очень нужен будет для маленького, — ответила она. — Для нашего ребёнка, Владимир.

— Чтобы играть?

— Да. Только игра имеет очень большой смысл для последующего познания, ощущения.

— Понятно. — Хотя не очень-то понятной мне была какая-то игра с птицей, пусть даже с орлом. — А у Кедр ты что такое делала? Молилась или разговаривала с кем-то? Что происходило с тобой и с Кедром, почему прадед так строго с тобой разговаривал?

— Скажи, Владимир, есть ли, ну, по-твоему, нечто разумное, или, вообще, существует ли Разум в невидимом мире, в Космосе, во Вселенной? Что ты об этом думаешь?

— Думаю, существует. Раз даже учёные об этом говорят, контактёры, Библия.

— А это “что-то”, назови словом каким-нибудь, тебе наиболее близким. Это нужно для одинакового нам с тобой определения. Ну, например, Разум, Интеллект, Существо, Силы Света, Вакуум, Абсолют, Ритм, Дух, Бог.

— Давай, Бог.

— Хорошо.

— Теперь скажи, стремится ли Бог говорить с человеком, как ты думаешь? Не голосом с небес, а через людей, через Библию, скажем, подсказать, как быть более счастливым?

— Но Библию не обязательно Бог диктовал.

— А кто, по-твоему?

— Могли и люди, которые хотели религию придумать. Сели и коллективно написали.

— Значит, так просто? Сели люди, написали книгу, придумали сюжеты, законы? И эта книга живёт вот уже не одно тысячелетие и является самой массовой и читаемой книгой до сих пор! За прошедшие века написано великое множество других книг, но с этой не многие могут сравниться. Что, по-твоему, это означает?

— Не знаю. Древние книги, конечно, много лет существуют, но большинство людей всё же читает современную литературу — романы, детективы разные. Почему?

— Потому, что, читая их, думать почти не нужно. Читая Библию, необходимо быстро думать и на многие вопросы самому себе отвечать. Тогда понятной она становится. Раскрывается. Если заведомо отнестись к ней лишь как к догме, тогда достаточно несколько заповедей прочитать и запомнить. Но любая догма, привнесённая извне, а не осознанная внутри себя, блокирует возможности Человека-Творца.

— А на какие вопросы отвечать нужно, читая Библию?

— Для начала попробуй разобраться, почему фараон не отпускал народ Израиля из Египта?

— Да что тут думать? Израильтяне в рабстве были в Египте. Кому хочется рабов своих отпускать? Они работали, доход ему приносили.

— В Библии сказано, что не раз израильтяне порчу наводили на всю землю Египетскую. Даже первенцев людей и животных уничтожали. Впоследствии таких чародеев на кострах сжигали, а фараон их просто не отпускал. Ещё ответ на вопрос, где взяли рабы-израильтяне столько скарба и скота, чтобы сорок лет путешествовать? Откуда у них появилось оружие, чтобы города на своём пути захватывать и разрушать?

— Как — откуда? Им же всё Бог и давал.

— Считаешь, только Бог?

— А кто же?

— Человек, Владимир, имеет полную свободу. Он имеет возможность сам пользоваться всем, что дал изначально Бог светлого, но и другим он может пользоваться. Человек — единство противоположностей. Видишь, солнышко светит. Это творение Бога. Для всех оно. Для тебя и меня, для змейки, травинки и цветка. Но пчела берёт из цветка мёд, а паук яд. У них у каждого своё предназначение, по другому не будет делать никакая пчела и никакой паук. И только человек! Один человек может радоваться первым лучикам солнышка, другой злиться. Человек может быть и пчелой, и пауком.

— Значит, израильтянам не всё только Бог делал? Как же тогда определить, что Бог делает, а что ему приписывают?

— Когда значимое через человека творится, всегда участвуют две противоположности. Право выбора осуществляет человек. От его чистоты и осознанности зависит, чего возьмёт он больше.

— Ну ладно, допустим. Так ты что же, с Ним, когда у Кедр стояла, разговаривать пыталась?

— Да, хотела, чтобы Он отвечал.

— И прадеду это не понравилось?

— Прадедущка посчитал, что я несколько непочтительно говорила, требовала.

— Так ты действительно требовала, я видел. И ногой при этом топала и умоляла. Чего ты хотела?

— Ответ хотела услышать.

— Какой ответ?

— Понимаешь, Владимир, суть Бога не во плоти. Он не может громогласно кричать всем с небес, как жить. Но Он хочет, чтобы всем было хорошо, потому и посылает Своих Сынов. Людей, к разуму и Душе которых смог проникнуть в той или иной степени.

Его Сыны потом идут и говорят с другими людьми, разными языками говорят. Иногда словами, иногда с помощью музыки и картин или действий каких-то. Бывает, их слушают. Бывает, гонят и убивают. Как Иисуса Христа, например. И Бог снова посылает Своих Сынов. Но всегда только часть людей к ним прислушивается, другие не воспринимают. И нарушают Законы счастливого бытия.

— Понятно. За это Бог и накажет человечество планетарной катастрофой, страшным судом?

— Бог никого не наказывает, и катастрофа Ему не нужна.

Бог — это Любовь. Но так всё изначально запланировано. Создано. Когда человечество подходит к определённой точке своего невосприятия сути Истины. Когда тёмные начала, проявляющиеся в человеке, достигают критической точки. Чтобы не произошло полного самоуничтожения, происходит планетарная катастрофа, уносящая много людских жизней, уничтожающая пагубную, искусственно созданную систему жизнеобеспечения. Катастрофа является уроком оставшимся в живых.

Какой-то отрезок времени после катастрофы человечество живёт как в страшном аду. Но он ими же и создан. Именно оставшиеся в живых в ад попадают. Потом их дети какое-то время живут как в первоисточках, доходят до точки, о которой можно сказать — Рай. Потом снова отклонения, и всё сначала. Так миллиарды лет в земном исчислении.

— Если всё так неизбежно повторяется миллиарды лет, чего ты хотела?

— Хотела познать, каким образом и с помощью чего можно вразумить людей, кроме как с помощью катастрофы? Понимаешь, я посчитала, что катастрофы происходят не только по вине не воспринимающих Истину, но и от недостаточно эффективного способа донесения Её. Вот и просила Его найти этот способ. Открыть его мне или ещё кому-то. Не важно кому. Важно, чтобы был он, функционировал.

— И что же Он тебе сказал? Какой у Него голос?

— Никто не может сказать, какой у Него голос. Его ответ как бы рождается, ну, в форме открытия собственной, вдруг возникшей мысли. Ведь Он может говорить только через Свою частичку, которая находится в каждом человеке, а эта частичка уже передаёт информацию с помощью ритма вибраций всему остальному в человеке. Потому и возникает впечатление, что человек всё только сам делает. Хотя сам человек, действительно, может многое. Человек ведь подобен Богу. В каждом человеке есть маленькая частичка, вдохнутая в него Богом ещё при рождении. Он раздал половину Себя человечеству. Но тёмные силы всевозможными способами стремятся заблокировать её воздействие, отвлечь человека от общения с ней и через неё — с Богом. С маленькой частичкой легче бороться, когда она одна, да ещё без связи с Основной Силой.

Если эти частички объединятся между собой в светлых устремлениях, тёмным силам их победить, заблокировать намного труднее. Но если и одна частичка, живущая всего в одном человеке, имеет полный контакт с Богом, то такого человека, его Дух и Разум тёмным силам победить невозможно.

— Значит, ты зывала к Нему, чтобы в тебе родился ответ, как и что сказать людям и предотвратить планетарную катастрофу?

— Так, примерно.

— И какой же ответ в тебе родился? Какие слова нужно говорить?

— Слова... Только одних слов, обычным способом произносимых, недостаточно. Их так много уже сказано. Однако в целом человечество продолжает двигаться в пропасть.

Вот ты разве не слышал слова о том, что курить — плохо, пить спиртное — плохо. И говорится это в разных источниках, в том числе и вашими врачами, языком, который тобой более восприимчив, но ты продолжаешь это делать. Продолжаешь, несмотря на ухудшение самочувствия, и даже болевые ощущения тебя не удерживают от этих пагубных привычек, как и многих других. Тебе Бог говорит: “Нельзя так делать”. Болью говорит. И это не только твоя боль, но и Его, а ты лекарства обезболивающие принимаешь и продолжаешь по-своему делать. Не хочешь задуматься, отчего боль...

И все другие Истины человечеству известны, но не исполняются им. В угоду сиюминутного, иллюзорного удовольствия предаются они. Значит, надо найти ещё какой-то способ, позволяющий не только знать, но и ощутить удовольствия иные. Человек, их познавший, сможет сравнивать и сам всё поймёт, разблокирует свою частичку, данную ему Богом. И нельзя человека только пугать катастрофой, нельзя винить не воспринимающих Истину, нужно понять всем, доносящим её, необходимость поиска более совершенного способа толкования. Прадедушка согласился со мной.

— Но он этого не сказал.

— Ты многого не услышал из того, что говорил прадедушка.

— Если вы понимали друг друга без слов, зачем же тогда произносились те слова, которые я слышал?

— Разве не оскорбительно тебе слышать, как в твоём присутствии говорят на иностранном, непонятном тебе языке, зная при этом и твой?

Я раздумывал: “То ли верить всему, что говорит она, то ли не верить. Сама она, конечно, верит. Не просто верит, она действует. Может, попробовать как-то охладить её пыл, а то вон как убивается”. И я попробовал охладить, сказал ей:

— А знаешь, Анастасия, что я думаю, может, не стоит тебе так убиваться, ну, требовать так возбуждённо, как ты у Кедр делала? От Кедр даже голубоватое свечение или испарение на тебя обрушилось. Деда твои не зря волновались. Опасно это, наверное. Если Бог никому из Своих Сынов не дал ответа, как наиболее эффективно объяснить всё людям, значит, ответ и не существует. Планетарная катастрофа, получается, и есть самый эффективный способ объяснения. А то Он обидится на тебя да ещё и накажет, чтоб не лезла, как дедушка твой говорит.

— Он добрый. Он не наказывает.

— Но и не говорит тебе ничего. Может, слушать тебя не хочет, а ты столько энергии тратишь.

— Он слушает и отвечает.

— Что отвечает? Ты что-то знаешь теперь?

— Он подсказал, где находится ответ, где искать его.

— Подсказал?.. Тебе?! И где же он?

— В соединении противоположностей.

— Как это?

— Ну вот, например, когда две противоположности человеческого мышления при комментированности Аватамсаку слились в новое динамическое единство. В результате сформировалась философия Хуаянь и Кэгом, воплощая в себе большее совершенство элементов мировоззрения, параллели к моделям и теориям, как в вашей современной физике.

— Что?

— Ой, извини меня, пожалуйста. Что же это я. Совсем расслабилась.

— Ты за что извиняешься?

— Прости меня, что произнесла слова, которыми ты не пользуешься в своей речи.

— Вот именно. Не пользуюсь. Непонятны они.

— Я постараюсь больше так не делать. Не сердись на меня, пожалуйста.

— Да я и не сержусь. Только ты объясни нормальными словами, где ты будешь и как искать этот ответ?

— Одна я его, вообще, найти не смогу. Его можно увидеть только с помощью совместных усилий частичек, находящихся в разных живущих на Земле людях с противоположным мышлением. Только при совместных усилиях он появится в невидимом измерении, где живут мысли. Ещё это измерение можно назвать Измерением Светлых Сил. Оно находится между материальным миром, в котором живёт человек, и Богом.

Я увижу его, и многие другие увидят. Потом легче будет достичь всеобщей осознанности. Перенести человечество через отрезок времени тёмных сил. И катастрофы не будут повторяться.

— А конкретнее, что нужно делать людям сейчас, чтобы он появился?

— Хорошо, если бы проснулось много людей в обусловленный час. Например, в шесть часов утра люди проснутся. Подумать о хорошем, неважно, о чём конкретно. Важно, чтобы мысли светлые были. Можно думать о детях, о тех, кого любишь, и ещё подумать о том, как сделать, чтобы всем было хорошо. Хотя бы пятнадцать минут так думать. И чем больше людей так будет поступать, тем быстрее ответ появится. Поясное время на Земле разное, она вращается, но образы, созданные светлыми мыслями этих людей, будут сливаться в единый, яркий и насыщенный образ осознанности. Одновременность мышления о светлом усиливает способность каждого, и во много раз.

— Эх, Анастасия. Как ты наивна. Ну кто же согласится просыпаться в шесть часов утра для того, чтобы пятнадцать минут думать? Люди в такую рань могут проснуться, если им на работу, к примеру, надо или на самолёт, в командировку. Каждый решит: пусть другие думают, а я посплю. Вряд ли у тебя помощники найдутся.

— А ты, Владимир, не мог бы мне помочь?

— Я? Я не просыпаюсь так рано без особой на то надобности. А если и проснусь как-нибудь, то о чём же хорошим мне думать?

— Ну, например, о сыне маленьком, которого я рожу. О своём сыне. Как ему хорошо, когда ласкают его солнечные лучики, чистые и прекрасные цветы рядом, пушистая белочка играет с ним на полянке. О том подумай, как хорошо, если бы и всех других детей всегда ласкало солнышко, чтобы ничто их не огорчало. Потом подумай, кому предстоящим днём ты скажешь что-нибудь приятное, улыбнёшься. И как хорошо, чтобы мир этот прекрасный существовал вечно, и что для этого ты, именно ты, должен сделать.

— О сыне я подумаю. Ну, о другом хорошем попробую думать. Только что толку? Ты здесь, в лесу, будешь думать, я в городской квартире. Нас только двое. Ты же говоришь, много людей надо. А пока много не будет, зачем нам без толку стараться?

— Даже один — больше, чем ничего. Двое вместе — больше, чем два. Потом, когда ты книжку напишешь, ещё люди появятся, я это буду чувствовать и радоваться каждому, мы научимся чувствовать друг друга, понимать, помогать друг другу через Измерение Светлых Сил.

— Во всё, что ты говоришь, ещё поверить нужно. Мне вот до конца не верится в это измерение светлое, где мысли живут. Оно не доказуемо, потому что его нельзя потрогать.

— Но ведь пришли же ваши учёные к выводу, что мысль материальна.

— Пришли, но всё равно пока это не укладывается в голове, раз потрогать нельзя.

— Но когда ты книжку напишешь, её ведь можно будет трогать, держать в руках. Как материализованную мысль.

— Опять ты про книжку. Я же говорил, что и в неё не верю. Тем более в то, что ты с помощью каких-то лишь тебе ведомых сочетаний букв сможешь вызвать в читающих чувства, да ещё светлые, помогающие что-то там осознавать.

— Я тебе говорила, как я это сделаю.

— Да, говорила. Но всё равно не верится. Если и попробую писать, то всё не буду сразу рассказывать. Засмеют. И знаешь, Анастасия, что я тебе скажу по-честному?

— Скажи по-честному.

— Только ты не обижайся, хорошо?

— Я не обижусь.

— Всё, что ты наговорила, я должен проверить у наших учёных, что об этом говорится в разных религиях и современных учениях. Сейчас много у нас разных курсов, проповедей.

— Проверь. Конечно проверь.

— И ещё, я чувствую, ты — очень добрый человек. Философия твоя интересная, необычная. Но если сравнивать твои действия с действиями других людей, тех, кто беспокоится о Душе, об экологии, то ты, получается, среди них как бы самая отстающая.

— Почему так получается?

— Сама посчитай. Все просветлённые, как ты их называешь, уединялись. Будда на семь лет в лес ушёл, уединился и целое учение создал, последователей у него в мире много. Иисус Христос всего на сорок дней уединился, и сейчас его учением восхищаются.

— Иисус Христос несколько раз уединялся. И много думал, когда ходил.

— Ну пусть больше сорока дней, пусть год даже. Старцы, которые считаются теперь святыми, были обычными людьми, потом в лес отшельниками уходили на некоторое время, и на их местах монастыри возникали, последователи у них появлялись, так?

— Да, так.

— А ты двадцать шесть лет уже в лесу живёшь и ни одного последователя у тебя. Никакого учения не придумала. Книжку вот упрашиваешь написать. Хватаешься за неё, как за соломинку. Значки-сочетания свои мечтаешь туда заложить. Ну, если не получается у тебя, как у других, может, не надо и стараться? Другие, более способные, и без тебя, может, что-нибудь придумают. Давай проще, реальнее жить. Я помогу тебе в нашей жизни адаптироваться. Ты не обижаешься?

— Не обижаюсь.

— Тогда я тебе всю правду скажу, до конца. Чтоб ты могла понять себя.

— Говори.

— Способности необычные в тебе есть, это несомненно, информацию можешь получать любую, как дважды два. А теперь скажи, когда этот Лучик твой у тебя появился?

— Как и людям всем, он мне сразу дан был. Только осознать, что он есть, и пользоваться им меня прадедушка к шести годам научил.

— Вот. Значит, уже с шести лет ты способна была видеть, что происходит в нашей жизни? Анализировать, помогать. Даже лечить на расстоянии?

— Да, могла.

— Теперь скажи, чем же ты занималась двадцать последующих лет?

— Я тебе рассказывала и показывала. Я занималась дачниками, людьми, которых вы так называете. Старалась помочь им.

— Все двадцать лет, изо дня в день?

— Да, иногда и ночью, если не сильно уставала.

— Значит ты, как фанатичка заикленная, всё это время упорно занималась дачниками? Тебя кто заставлял это делать?

— Никто меня заставлять не мог. Я сама. После того как прадедушка мне предложил и я сама поняла, что это хорошо и важно очень.

— Я думаю, прадедушка твой потому тебе дачниками предложил заниматься, что ему жалко тебя было. Ты ведь без родителей росла. Он и дал тебе самое лёгкое и простое занятие. Теперь он увидел, что ты стала нечто большее понимать, и разрешил другим позаниматься. А их бросить.

— Но другое связано с дачниками. И я буду продолжать помогать этим людям, которых вы называете дачниками. Я их очень люблю и никогда не брошу.

— Вот это и называется — фанатизм. Чего-то в тебе всё же не хватает для нормального человека. Ты должна понять. Дачники — далеко не главное в нашей жизни. Они никак не влияют на общественные процессы. Дачки и огородики — это всего лишь маленькие подсобные хозяйства. Люди на них отдыхают после основной работы или когда на пенсию уходят. И всего лишь. Понимаешь? Всего лишь! И если ты, обладая такими колоссальными знаниями, феноменальными способностями, занимаешься дачниками, значит, в тебе есть какие-то психологические отклонения. Я думаю, тебя надо показать психотерапевту. Если удастся это отклонение излечить, тогда ты, может быть, действительно сможешь пользу принести обществу.

— Я очень хочу принести пользу обществу.

— Так давай поедem, я тебя свожу к врачу-психотерапевту в хорошую платную поликлинику.

Ты сама говоришь, планетарная катастрофа может произойти. Вот и поможешь экологическим обществам, науке.

— Когда я здесь, от меня больше пользы будет.

— Хорошо, потом вернёшься и станешь заниматься более серьёзным делом.

— Каким — более серьёзным?

— Сама решишь. Думаю, связанным, например, с предотвращением экологической катастрофы или иной, планетарной. Кстати, когда она, по-твоему, должна произойти?

— Локальные очаги уже сегодня происходят в разных точках Земли. Человечество уже давно всё подготовило с избытком для своего же уничтожения.

— А когда глобально, когда будет апофеоз?

— Примерно это может случиться в две тысячи втором году. Но её можно предотвратить или отодвинуть, как в девяносто втором году.

— Так что же, она могла произойти в девяносто втором году?

— Да, но они её отодвинули.

— Кто — они? Кто предотвратил? Отодвинул?

— Катастрофа планетарного масштаба девяносто втором году не состоялась благодаря дачникам.

— Что?!

— По всему миру много разных людей противостоят катастрофе Земли. Катастрофа девяносто втором году не состоялась в основном благодаря дачникам России.

— И ты... Значит ты!.. Ещё в шесть лет понимала их значимость? Предвидела? Действовала неустанно. Помогала им.

— Я знала значимость дачников, Владимир.

**День дачника
и праздник всей Земли!**

— Но почему благодаря дачникам и именно России? Почему? Какая взаимосвязь здесь?

— Понимаешь, Владимир, Земля хоть и большая, но Она очень, очень чувствительная.

Вот ты тоже большой по сравнению с комариком, а сядет комарик на тебя, и ты чувствуешь его прикосновение. И Земля всё чувствует. Когда в бетон и асфальт Её закатывают, когда вырубают и жгут растущие на Ней леса, когда ковыряют недра Её и сыплют в Неё порошок, называемый удобрениями.

Ей больно бывает. Но Она всё равно любит людей, как мать любит детей своих.

И старается Земля забрать в недра свои злобу людскую, и только когда не хватает сил у Неё сдерживать, прорывается злоба вулканами и землетрясениями.

Земле помогать нужно. Силы Ей придаёт ласка и бережное обращение. Земля большая, но самая чувствительная. И чувствует Она, когда к Ней с лаской прикасается хотя бы одна человеческая рука. О, как чувствует и ждёт Она этого прикосновения!

В России некоторое время Землю считали достоянием всех и ничьим конкретно. Люди не воспринимали Её как свою. Потом произошли перемены в России. Стали людям давать маленькие участки Земли под дачи.

Не случайно произошло так, что эти участки очень, очень маленькими были и невозможно на них механизмы всякие применять. Но истосковавшиеся по Земле россияне с радостью брали их. И бедные брали, и богатые. Потому что ничто не может разорвать связь человеческую с Землёй!

Получив свои маленькие участки, люди почувствовали интуитивно... И миллионы пар рук человеческих с любовью прикоснулись к Земле. Именно руками своими, не механизмами, люди трогали ласково Землю на своих маленьких участках. И Она чувствовала. Чувствовала прикосновение каждой руки в отдельности. И нашла в себе силы Земля, чтобы ещё продержаться.

— Так что же получается? Каждому дачнику памятник ставить нужно, как спасителю планеты?

— Да, Владимир, они спасители.

— Но памятников столько не сделать. Лучше для них учредить праздник всеобщий, ну выходной или два выходных, “День дачника” или “День Земли” назвать в календаре.

— Ой! Праздник! — всплеснула руками Анастасия.— Как здорово ты придумал. Праздник! Обязательно нужен весёлый и радостный праздник.

— Вот ты и посвети своим Лучиком по правительству нашему, да по депутатам Государственной Думы, пусть они закон такой издадут.

— Я не смогу пробиться к ним. Они в суете повседневной. Им решений много принимать приходится, думать совсем некогда. Да и смысла особого не имеет осознанность их повышать. Тяжело им будет осознавать, видеть полную реальность. Решения более верные, чем сейчас принимаются, им не позволят принять.

— Кто же правительству, президенту может не позволить?

— Вы. Массы. Большинство. Непопулярными мерами назовёте правильные решения.

— Да, правильно говоришь. У нас демократия. Наиболее важные решения принимаются большинством. Большинство всегда право.

— Наибольшей осознанности всегда достигали сначала единицы, Владимир, а большинство лишь через некоторое время постигало её.

— Если так, зачем тогда демократия, референдумы?

— Они нужны как амортизаторы, чтобы резких толчков не было. Когда амортизаторы не срабатывают, происходит революция. Период революции всегда тяжёл для большинства.

— Но праздник дачников — не революция, что в этом плохого?

— Праздник такой, это хорошее. Он нужен. Обязательно нужен. Надо его сделать быстрее. Буду думать, как быстрее.

— Я помогу тебе. Я лучше знаю, какие рычаги в нашей жизни эффективно срабатывают. Я в газете... Или нет, в книге твоей о дачниках напишу и попрошу людей, чтоб они телеграммы в правительство и Государственную Думу направляли: “Просим учредить Праздник дачника и праздник Земли”. Только вот какого числа?

— Двадцать третьего июля.

— Почему — двадцать третьего?

— День подходящий. И потому, что это день твоего рождения. Ведь идея эта прекрасная — твоя.

— Хорошо. Значит, пусть в телеграммах люди пишут: “Двадцать третьего июля узаконьте Праздник дачника и праздник всей Земли”.

Как только в правительстве и в Госдуме читать начнут и задумаются: “К чему бы это люди телеграммы такие шлют?” — ты тут своим Лучом как шарахни!..

— Шарахну! Изо всех сил шарахну! И праздник будет светлый и прекрасный. Все! Все люди будут радоваться и Земле всей радостно будет!

— А все почему радоваться должны? Только для дачников этот праздник.

— Надо так сделать, чтобы все радовались. Всем чтобы хорошо было. Этот праздник начнётся в России. И станет самым прекрасным праздником на всей Земле. Праздником Души.

— И как же он проходить будет самый первый раз в России? Никто ж не знает, как праздновать его.

— Сердце каждому подскажет в этот день, что ему делать нужно. А в общем, я смоделирую сейчас.

Далее Анастасия заговорила, чётко произнося каждую букву. Она говорила быстро и вдохновенно! Необычен был и ритм её речи, построение фраз, произношение:

— Пусть в этот день Россия проснётся на рассвете. Все люди семьями, с друзьями и одни к Земле придут и встанут на Неё босыми ногами. Те, у кого есть свои маленькие участочки, где они своими руками выращивают плоды, пусть встретят первый Солнца луч среди своих растений. Потрогают руками каждый вид.

А Солнышко взойдёт, пусть разных ягод по одной сорвут и их съедят. И есть им ничего не нужно больше до обеда.

Пусть до обеда уберут участки. Подумает пусть каждый о жизни, радость в чём и в чём его предназначенье.

О близких вспомнит каждый пусть с любовью, о друзьях. О том, зачем растут его растения, и каждому пусть даст своё предназначенье.

И каждый до обеда должен поиметь хоть час один уединенья. Неважно, где и как, но обязательно, чтоб быть в уединении. Хоть час один в себя попробовать смотреть.

В обед пусть соберётся вся семья. Живущих вместе и издалека пришедших в этот день. Обед пусть приготовят из того, что родила Земля к обеденному часу. Пусть каждый то на стол поставит, что пожелает сердце и Душа. И ласково в глаза друг другу посмотрят члены всей семьи. И стол благословит пусть самый старший вместе с младшим самым. И за столом спокойная беседа пусть звучит. О добром разговор быть должен. О каждом, рядом кто.

Необыкновенно, ярко вырисовывались картины, описываемые Анастасией. И сам я ощущал себя, сидящим за столом, и рядом люди. Увлёкшись праздником, поверивший в него, ещё верней сказать, он будто бы уже происходил, и я добавил:

— Надо первый тост сказать перед обедом. Бокалы всем поднять. За Землю выпить, за Любовь. — Казалось, я уже держал бокал в руке.

И вдруг она:

— Владимир, пусть не будет на столе хмельной отравы.

— Из рук моих исчез бокал. И вся картина праздника исчезла.

— Анастасия, прекрати! Не порти праздник!

— Что ж, раз хочешь ты, пусть на столе вино из ягод будет и мелкими глотками нужно пить его.

— Ну ладно, пусть вино. Чтоб сразу не менять привычек. А что после обеда будем делать?

— Пусть возвратятся люди в города. Собрав плоды участочка своей Земли, везут в корзинках и угощают плодами тех, кто не имеет их.

О, сколько положительных эмоций в этот день! Они болезни многих победят. И те, что смерть болезни предрекали, и те, которых годы не изгнали, уйдут. Пусть тот, кто болен неизлечимо иль слегка, в этот день встречать придёт поток людей, с участочков своих вернувшихся. Лучи Любви, Добра и привезённые плоды излечат, победят болезни. Смотри! Смотри! Вокзал. Людей поток с корзинками цветными. Смотри, как светятся покоем и добром глаза людей.

Анастасия словно вся сияла, всё больше воодушевляясь идеей праздника. Глаза её уже не просто радостно блестели, они словно искрились голубоватым светом. Выражение её лица менялось разными, но всегда радостными нюансами, словно в мозгу её бурным потоком неслись картины Великого Праздника.

Вдруг она замолчала, потом, согнув одну ногу в колене и подняв правую руку вверх, одной ногой оттолкнулась от земли и взлетела, как стрела, поднялась над Землёй. Почти до первых сучков Кедров допрыгнула. Когда опустилась, взмахнула рукой, хлопнула в ладоши — на поляне голубоватое свечение разлилось над всем. И далее говоримое Анастасией словно повторяла каждая малюсенькая травинка и букашка и каждый величественный Кедр. Фразы Анастасии словно усиливала невидимая сила. Они не были громкими, но создавалось впечатление, что слышит их каждая жилочка необъятной Вселенной.

И я тоже вставлял свои фразы. Потому что невозможно было удержаться, как начала она:

— В Россию в этот день приедут гости! Все те, кого рождала Атлантами Земля! Как блудные, вернутся сыновья! И пусть по всей России в этот день проснутся на рассвете люди. И пусть весь этот день Вселенской арфы струны мелодией счастливою звучат. Все барды пусть на улицах и во дворах играют на гитарах. И тот, кто слишком стар, пусть в этот день побудет очень юным, как много, много лет тому назад.

— И я, Анастасия, буду юным?

— И мы с тобой, Владимир, будем юны, как будут люди юны в первый раз. И старики напишут детям письма. И дети все родителям своим. И малыши совсем, свой первый в жизни сделав шаг, в мир радостный, счастливый пусть войдут. И в этот день детей ничто не огорчит. Пусть взрослые на равных будут с ними.

И Боги всех опустятся на Землю. В день этот Боги всех пусть воплотятся в образах простых.

И Бог, един, Вселенский, будет счастлив. Пусть в этот день ты будешь очень счастлив! Любовью, засветившейся Землёй!

Анастасия увлеклась картинами праздника. Она кружилась по поляне, словно в танце, всё больше воодушевляясь.

— Стой! Стой! — крикнул я Анастасии, вдруг осознав, что она воспринимает всё всерьёз. Она не просто говорит слова. Я понял, она моделирует каждым своим словом и странным построением фраз! Моделирует картины праздника! И с присущим ей упорством будет их моделировать, мечтать о нём, пока не воплотятся её мечтания в реальность. Как фанатичная, будет мечтать! Для своих дачников стараться, как двадцать лет до этого старалась. И крикнул я, чтобы остановить её: — Ты что, не поняла? Ведь это шутка, с праздником! Я пошутил!

Анастасия вдруг остановилась. Я на неё как посмотрел, так сразу в Душе словно защемило что-то от выражения её лица. Лицо её растерянным, как у ребёнка, было. И с болью, сожалением смотрели на меня её глаза. Как будто разрушитель я какой-то. И почти шёпотом она заговорила:

— Я приняла всерьёз, Владимир. Я смоделировала уже всё. И в цепь событий предстоящих телеграмм людских вплелось звено. Без них нарушится событий череда. Я приняла твоё, поверила в него, произвела. Я чувствовала, искренне ты говорил о празднике, о телеграммах. Не забирай обратно сказанного слова. Ты только помоги мне телеграммами, чтоб я, как ты сказал, могла своим помочь Лучом.

— Ладно, попробую, только успокойся, может, эти телеграммы никто отправлять не захочет...

— Найдутся люди, те, которые поймут. Почувствуют в правительстве и в Думе вашей тоже. И будет праздник! Будет! Посмотри...

И снова праздника картины понеслись.

Вот и написал я об этом, дальше поступайте, как сердце велит и Душа.

Звенящий меч барда

— Ты что это, Анастасия, фразы как-то странно строила, когда о празднике говорила? И слова произносила так, что прямо буква каждая в отдельности звучала...

— Старалась я картину праздника в деталях, в образах подробных воспроизвести.

— Ну а слова при чём? Какое в них значение?

— За каждым словом множество событий, радостных картин воспроизвела. И все они теперь в реальность воплотятся. Ведь мысль и слово — главный инструмент Великого Творца. И этот инструмент из всех кто во плоти лишь человеку дан.

— Так почему тогда не всё, что люди говорят, сбывается?

— Когда с Душой и словом разрывают нить. Когда пуста Душа и образ вялый, тогда слова пусты, как хаотичный звук. И ничего собой не предрекают.

— Фантастика какая-то. И надо же, всему ты, как ребёночек наивный, веришь.

— Какая же фантастика, Владимир, ведь массу же примеров можно привести из жизни вашей и твоей конкретно, какую силу слово возымеет, если за ним сформировать присущий образ?!

— Так приведи понятный мне пример.

— Пример? Пожалуйста. На сцене человек стоит перед залом и говорит слова. Актёр, к примеру, одни и те же будет говорить слова, их люди слышали не раз, но только одного с дыханьем затаённым будут слушать люди. Другого — не воспринимать. Слова одни и те же, но разница огромная. Как ты считаешь? Почему такое происходит?

— Так то ж актёры. Их учат долго в институте, одни отличники, другие так себе. Потом, они на репетициях заучивают тексты, чтоб с выражением их говорить.

— Их учат в институтах, как в образ вжиться, что стоит за словом. Потом, на репетициях, они стараются его воспроизвести. И если актёру удаётся сформировать за десятью процентами произносимых слов невидимые образы, то зал с вниманьем будет его слушать. А если в половину говоримых слов кому-то образ удаётся вставить, то гениальным вы того актёра назовёте. Ибо его Душа с Душами, сидящих в зале, напрямую говорит. И будут плакать или смеяться люди, почувствовав Душою всё то, что хотел передать им актёр. Вот что такое инструмент Великого Творца!

— А ты, когда что-либо говоришь, во сколько слов способна образы вложить? В десять процентов или в пятьдесят?

— Во все. Прадедушка так научил меня.

— Во все? Ну надо же! Во все слова?!!

— Прадедушка сказал, что можно образ вкладывать и во все буквы. И я научилась за буквой каждой строить образ.

— Зачем за буквой? Буква смысла не имеет.

— Имеет буква смысл! За каждой буквой, на санскрите, — фразы, слова. В них тоже буквы, дальше много слов, так бесконечность скрыта в каждой букве.

— Ну надо же. А мы вот просто так лопочем все слова.

— Да, часто просто так говорятся и те слова, которые прошли тысячелетия. Прошли, пронизывая время и пространство. И образы забытые, стоящие за ними и по сей день, стремятся к Душам нашим достучаться. И охраняют Души наши, и сражаются за них.

— И что же это за слова такие? Хотя б одно из них известно мне?

— Известно. Думаю, как звук. Но что стоит за ним — забыли люди.

Анастасия опустила ресницы и некоторое время молчала. Потом совсем тихо, почти шёпотом, попросила:

— Произнеси, Владимир, слово “Бард”.

— Бард, — сказал я.

Она вздрогнула, словно от боли, и сказала:

— О, с каким безразличием и обыденностью ты произнёс это великое слово! Забвением и пустотой ты дунул на трепещущий огонёк свечи. Огонёк, пронесённый через века и, быть может, адресованный тебе или кому-то из живущих сегодня далёкими родителями. Забвение Истоков — опустошение сегодняшнего дня.

— Чем тебе не понравилось моё произношение? И что я должен помнить, связанное с этим словом?

Анастасия молчала. Потом тихо зазвучавшим голосом стала произносить фразы, идущие словно из вечности:

— Ещё задолго до Рождества Христова на Земле жили люди, наши прародители, которые назывались кельтами. Своих мудрых учителей они называли друидами. Перед знаниями материального и духовного миров друидов преклонялись многие народы, населявшие тогда Землю. В присутствии друида воины кельтов никогда не обнажали оружие. Чтобы получить звание начальной ступени друидов, нужно было двадцать лет индивидуально обучаться у Великого Духовного Наставника — жреца-друида. Получивший посвящение — назывался “Бард”. Он имел моральное право идти в народ и петь. Вселять в людей Свет и Истину своей песней, формируя словами образы, исцеляющие Души.

На кельтов напали римские легионы. Последняя битва происходила у реки. Римляне увидели, что среди воинов-кельтов ходят женщины с распущенными волосами. Римские военачальники знали, когда ходят эти женщины, то для победы над кельтами нужно превзойти их по численности в шесть раз! Ни опытные римские военачальники, ни сегодняшние исследователи-историки не могут понять — почему? А всё дело в этих безоружных женщинах с распущенными волосами.

Римляне выставили войско в девять раз превосходящее кельтов по численности. Прижатая к реке, погибала последняя сражающаяся семья кельтов.

Они стояли полукругом, за их спинами молодая женщина кормила грудью крохотную девочку и пела. Пела молодая мать светлую, негрустную песню, чтобы не вселились в Душу девочки страх и печаль, чтобы были с ней образы светлые.

Когда девочка отрывалась от соска материнской груди, их взгляды встречались, женщина прерывала песню и всякий раз ласково называла девочку “Барда”.

Уже не было обороняющегося полукруга. Перед римскими легионерами на тропе, ведущей к кормящей женщине, стоял с мечом в руках окровавленный молодой Бард. Он повернулся к женщине, и, встретившись взглядами, они улыбнулись друг другу.

Израненный Бард смог удерживать римлян, пока женщина, спустившись к реке, не положила крохотную девочку в лодку и не оттолкнула лодку от берега.

Обескровленный Бард последним усилием воли бросил к ногам молодой женщины свой меч.

Она подняла меч. Она в течение четырех часов непрерывно сражалась на узкой тропе с легионерами, не подпуская их к реке. Легионеры уставали и сменяли друг друга на тропе.

Римские военачальники в недоумении молча наблюдали, но не могли понять, почему опытные и сильные солдаты не могут нанести даже царапину на тело женщины?

Она сражалась четыре часа. Потом сгорела. Её легкие высохли от обезвоживания, не получив глотка воды, из потрескавшихся красивых губ дымилась кровь.

Медленно опускаясь на колени и падая, она смогла ещё раз послать слабую улыбку вслед уносимой течением реки лодке с маленькой будущей певуньей — Бардой. И уносимому сквозь тысячелетия для сегодня живущих спасённому ею слову и образу его.

Не только во плоти суть человеческая. Неизмеримо большее и значимое — невидимые чувства, стремления, ощущения лишь частично отображаются в материальном, как в зеркале.

Девочка Барда стала девушкой, потом женщиной и матерью. Она жила на Земле и пела. Её песни дарили только светлые эмоции людям, как Луч всеисцеляющий, помогали они разгонять пасмурность Души. Многие житейские невзгоды и лишения пытались загасить источник этого Лучика. Невидимые тёмные силы пытались пробраться к нему, но не могли преодолеть единственного препятствия — стоящих на тропе.

Суть человеческая не во плоти, Владимир. Обескровленное тело Барда послало в вечность улыбку света его Души, отображая Свет невидимой сути человеческой.

И сгорали лёгкие молодой матери, держащей меч, дымилась кровь из трещинок её губ, подхвативших светлую улыбку Барда...

И сейчас, поверь мне, Владимир. Пойми. И услышь звон невидимого меча Барда, отражающего натиск злобного и тёмного на тропе к Душам его потомков. Пожалуйста, произнеси ещё раз слово — Бард, Владимир.

— Не смогу... Пока ещё не смогу сказать его с должным значением. Потом я обязательно произнесу его.

— Спасибо за непроизношение, Владимир.

— Скажи, Анастасия, ты ведь можешь сказать. Кто из сегодня живущих является прямым потомком той кормящей женщины и девушки — певуньи Барды? Сражающегося на тропе воина Барда. Кто мог забыть такое, чей это род?

— Подумай, Владимир, почему возник в тебе такой вопрос?

— Хочу взглянуть на него или на них, непомнящих такое. Непомнящих своего родства. Нечувствующих.

— Может быть, ты хочешь удостовериться, что это не ты — непомнящий?

— При чём здесь... Я понял, Анастасия, не отвечай. Пусть каждый подумает.

— Хорошо, — ответила она и замолчала, глядя на меня.

И я молчал некоторое время под впечатлением нарисованной Анастасией картины, потом спросил у неё:

— Почему именно это слово для примера ты привела?

— Чтоб показать тебе, как образы, стоящие за ним в реальном мире, вскоре воплотятся. Тысячи струн гитарных трепещут сейчас под пальцами сегодняшних бардов России. Ещё когда я помечтала обо всём там, в тайге, они первыми почувствовали. Их Души... Сначала только в одной загорелся трепещущий огонёк и вздрогнула тоненькая струна гитары, потом подхватили, откликнулись Души других. Скоро их песни услышат многие люди. Они — Барды — помогут увидеть новую зарю. Зарю просветления Душ людских. Ты услышишь их песни. Новые песни, рассветные.

Крутой разворот

После трёхдневного пребывания у Анастасии, вернувшись на теплоход, я несколько дней вообще не в состоянии был вникнуть в дела фирмы. Не мог принять решение ни по маршруту дальнейшего продвижения теплохода, ни отвечать на радиogramмы, приходившие из Новосибирска. И наёмные работники, и часть команды, словно заметив моё пренебрежение к делам, стали поворовывать. Милиция Сургута, где стоял теплоход, охрана задерживали воров, составляли протоколы, но мне и в эти ситуации до конца вникать не хотелось.

Трудно сейчас сказать, почему общение с Анастасией так сильно повлияло на меня.

Раньше ко мне в фирму приходили многие представители из самых разных духовных конфессий. Рассказывали, будто бы хотят сделать для общества что-то там хорошее, и всегда просили денег. Иногда давал, чтобы отвязались, не вникая особенно в их дела. А зачем было вникать, если всегда разговор заканчивался просьбой денег.

Анастасия, в отличие от всех “духовных”, денег не просила. И вообще невозможно было представить, что ей можно дать. Внешне у неё вроде бы ничего нет, а создавалось впечатление, что она обладает всем. Я распорядился следовать теплоходу прямым ходом в Новосибирск. Запираясь в каюте, размышлял.

Более десяти лет бизнеса, руководства коллективами научили многому. Взлёты и неудачи выработали умение искать и находить выход в различных ситуациях. Однако в этот раз ситуация складывалась хуже некуда. Одновременно навалились все беды. Крах фирмы казался неминуем. Кто-то из “доброжелателей” уже запустил в фирму всё разрастающийся слух: “С ним что-то случилось. Потерял способность принимать эффективные коммерческие решения”. Дескать, “спасайся кто может”. И спасались. По возвращении я увидел, как спасались. Даже родственники руку приложили, растаскивая фирму: “А, всё равно всё прахом пойдёт!” — считали они.

Лишь небольшая группка из старых работников тщетно пыталась противостоять развалу. Но и они по прибытии штабного теплохода, увидев, какую я стал читать литературу, испугались за моё психическое состояние.

Я абсолютно трезво оценивал сложившуюся ситуацию. Прекрасно понимал, что с этим коллективом выправить положение уже не смогу. Даже те, кто раньше в рот заглядывал, будут подвергать сомнению любое принятое мною решение.

Рассказать кому-либо про Анастасию очень хотелось, да возможным, что поймут, не представлялось. Можно и в дурдом угодить. И так в семье о лечении поговаривать стали.

Окружение негласно требовало от меня коммерческих проектов, и непременно эффективных. Мои новые увлечения расценивались как сумасшествие или психический надлом. Я действительно много стал думать о разном в нашей жизни:

“Что же происходит в ней? — думал. Провернёшь одну коммерческую операцию, заработаешь, а удовлетворения нет. Сразу большего хочется. И так уже на протяжении более десяти лет! Где гарантия, что не будет эта гонка продолжаться до конца дней, а удовлетворения так и не наступит? Одному на бутылку рубля не хватает, и он расстраивается. Миллиардеру миллиарда на какое-то иное приобретение не хватает — тоже расстраивается. Может, дело не в количестве денег?”

Однажды утром в фирму ко мне пришли двое из старых знакомых коллег-предпринимателей, они были руководителями крупных коммерческих фирм. Я с ними стал разговаривать о сообществе предпринимателей с чистыми помыслами, о цели нашей деятельности. Хотелось поделиться всё же с кем-то. Они разговор поддерживали, кое с чем соглашались. Мы долго разговаривали, я ещё подумал: неужели они сразу всё поняли, раз столько времени на разговор потратили. Потом мне водитель мой и говорит:

— Они, Владимир Николаевич, к вам по просьбе пришли. Их пригласили те, кто беспокоится за ваше здоровье. Узнать хотели, о чём вы думаете всё время? Что беспокоит? Ну, одним словом, нормальный или нет. Вызывать врачей или подождать, пока пройдёт.

— А ты каким меня считаешь?

Он помолчал некоторое время, потом произнёс тихо:

— Десять лет вы нормально работали. Про вас в городе многие говорили — удачливый. А теперь в фирме все боятся вообще без зарплаты остаться.

И тут я понял, как далеко обо мне зашла забота, сказал водителю:

— Давай разворачивай машину.

Я вернулся в фирму. Собрал экстренное совещание. Назначил руководителей по разным направлениям. Предоставил полную свободу действий в моё отсутствие. Сказал водителю, чтобы приехал за мной рано утром для поездки в аэропорт. В аэропорту он вручил мне тёплый свёрток. Я спросил:

— Что это?

— Пирожки.

— Значит, из жалости ты мне, ненормальному, пирожки даёшь?

— Это жена моя, Владимир Николаевич, спать не ложилась. Всю ночь стряпала. Раньше не пекла, молодая ещё, а тут взялась. Настаивала, чтоб отдал. В полотенце их завернула, тёплые ещё. Говорит, не скоро вы вернётесь. Если вообще вернётесь... Прощайте.

— Ладно, спасибо тебе.

Через несколько дней он уволился из фирмы...

КТО ОПРЕДЕЛЯЕТ КУРС?

В кресле самолёта я закрыл глаза. Курс самолёта определён чётко. Он направлялся в Москву. Курс своей дальнейшей жизни мне ещё предстояло определить. А думалось больше о предпринимателях.

Сейчас многие всё ещё продолжают считать предпринимателей людьми, непременно торгующими, скопившими первоначальный капитал каким-то нечестным путём и преумножающими его за счёт окружающих. Конечно, как и среди разных слоёв нашего общества, есть разные люди и среди предпринимателей. Однако, находясь в гуще событий предпринимательской жизни с самого начала перестройки, смею утверждать, что предприниматели первой волны в своём большинстве делали первоначальный капитал за счёт поиска нестандартных решений в выпуске новых или дефицитных товаров, услуг, более рациональной организации производственных процессов.

Способности большинства советских и российских предпринимателей — делать деньги с нуля и даже без кредитов. Ведь заводов приватизированных, как у последующей волны, у первых предпринимателей не было. Вот и вынуждены были первые предприниматели головой думать да на везение надеяться. И делались деньги с нуля. В качестве доказательства приведу примеры из собственной практики.

ДЕНЬГИ С НУЛЯ

Ещё до перестройки я руководил небольшой бригадой фотомастеров. В неё входили лаборанты фотоателье, разъездные фотографы. Зарплата и приработок были у всех и позволяли иметь средний по тем временам достаток. Все получали процент от выручки. Хотелось большего. Но для этого необходимо резко поднять выручку, увеличить количество клиентов. Мне удалось найти решение. Им и сейчас желающие могут воспользоваться. Однажды на загородной трассе спустилось колесо моего горбатого “Запорожца”. Пока камера вулканизировалась, я смотрел на проходящие одну за другой машины и думал: “Какая была бы колоссальная выручка, пожелай владельцы этих машин сфотографироваться!” Через несколько минут в голове созрел план, который впоследствии был осуществлён и увеличил выручку коллектива в четыре раза. Происходило это так — у трассы вставал фотограф с фотоаппаратом. У него были два помощника с зелёными повязками на рукавах и с эмблемой на них — “СБ” (служба быта). В руках жезл Госавтоинспекции. Водители останавливались, думая, что это

“зелёный” или ещё какой-либо патруль. Узнав, что им всего лишь предлагается бытовая услуга и никто не собирается придирается, нака- зывать, проверять, с удовольствием вставляли у передних номеров своих машин фотографироваться. Сообщали адреса, куда фотографии высылать наложенным платежом. Нужно было вставать у номеров, чтобы адрес потом не спутать.

Такой услугой были перекрыты все крупные трассы, ведущие к Новосибирску, в течение полугода. Потом машины стали часто попадаться, уже получившие такую услугу. Но за эти полгода бригада успела заработать довольно приличную сумму денег.

Потом я придумал операцию фотосъёмки частных домов с текстом, как на открытках: “Мой дом родной”, “Отчий дом” и т.п.

Бригада перефотографировала огромное количество домов. Спрос был очень большой. Поэтому фотограф не спрашивал желания; приехав в населённый пункт, просто шёл по улице и фотографировал все дома.

Потом почтальоны разносили фотографии и собирали деньги. Люди отправляли эти фотографии своим детям. Многие говорили, что они вызывают желание у детей приехать погостить.

У объединения “Новосибоблфото” возникали проблемы с выплатой зарплаты бригаде, так как она, по мнению администрации того времени, превышала все разумные пределы, но поделаться ничего не могли, так как процент от выручки был у всех одинаков.

С первых дней перестройки наша бригада отделилась от объединения. Из неё и образовался самостоятельный кооператив. Меня избрали председателем.

Теперь можно было работать более свободно, сформировать первоначальный капитал и заняться более масштабным делом. Я стал думать, чтобы ещё такого предпринять для увеличения дохода фирмы?

Однажды разговорился со своим знакомым из Института теоретической и прикладной механики. Он жалуется:

— Зарплату задерживают, лабораторию хотят расформировать. Куда идти, что делать? Никому мы теперь не нужны.

— А что твоя лаборатория делала раньше? — спросил я.

— Плёнку термоиндикаторную, теперь и она никому не нужна.

— Для чего эта плёнка?

— Для разного, — отвечает. И достаёт из кармана кусочек чёрной плёнки. — На, — говорит.

Я взял кусочек этой плёнки, а он, кусочек, вдруг весь позеленел под моим пальцем. Я его даже отбросил.

— Что за гадость такая? Зеленеет. Надо руки помыть, — говорю я ему. А он мне и отвечает:

— Не беспокойся, она просто под воздействием температуры твоей руки цвет поменяла. Она так реагирует на изменение температуры. Если бы температура была выше нормы, плёнка бы покраснела. При нормальной температуре тела плёнка имеет вот такой зеленоватый окрас.

Идея созрела быстро. Фирма стала выпускать плоские термометры и стрессиндикаторы. На красиво разрисованной картонке с квадратиками разных цветов, напротив которых стояли цифры градусов, соответствующие цвету, наклеивали кусочек плёнки, и получалось изделие.

Реализовывали мы свою продукцию через систему государственной торгпосредконторы по многим регионам тогда ещё не развалившегося Советского Союза.

Коллектив кооператива расширился. Зарплата у всех получалась очень приличная. Начал скапливаться тот самый первоначальный капитал в кооперативе. Лаборатория институтская тоже в накладе не осталась, так как деньги стала приносить институту.

Мы две машины для кооператива приобрели, аппаратуру. А тут случай помог сделать невероятный рывок.

Как-то прихожу днём в контору кооператива и вижу: на одном телефоне секретарша моя слушает и что-то записывает, на другом — уборщица. В конторе всего два телефона и было. Они только трубку на рычаг, как снова звонок. Потом секретарша говорит:

— Третий час звонки не прекращаются! Один за другим, без перерыва. Все просят наши термометры и стресс-индикаторы. А один ругался, говорил, что мы жлобы доперестроечные. Если хотим цену повысить, он готов по повышенным ценам партию закупить. Все просят большими партиями. Готовы даже предоплату нашему кооперативу делать.

В начале перестройки в нашей стране, как вы помните, был расцвет китчевой продукции. Спросом пользовались разные пластмассовые клипсы, плакаты, календарики с полуобнажёнными девушками. Все хватали это как полоумные.

Наша продукция на таком фоне, конечно, выглядела суперновинкой. Но ведь выпускали мы её уже полгода, а тут вдруг такое резкое увеличение спроса, прямо ажиотаж. Что-то произошло, но что?

Оказалось, накануне этого дня, вечером, по Центральному телевидению комментатор-международник Цветов, рассказывая о Японии, сказал: “Японцы — народ изобретательный”, а потом в качестве примера показал японский стресс-индикатор. Он был похож на наш. Так я впервые на практике узнал о значении рекламы, и понял что такое — везение!

Цех нашего кооператива работал в три смены. Упаковку, обрезку, доработку продукции делали на квартирах наёмные работники. Доход неуклонно возрастал. Приобрели прогулочный теплоходик. Я решил выпускать ещё и сеялки для фермерского хозяйства. Зафрахтовали большой пассажирский теплоход для организации бизнес-туров, торговых экспедиций в районы Крайнего Севера.

РАЗРУШАЮЩАЯ СИЛА

Возглавляя свой первый кооператив, я смог убедиться на практике, какой разрушительной силой, сокрушающей любое материальное благосостояние, может стать нарушение человеческих взаимоотношений, нетерпимость друг к другу. Потом узнал, что именно по этой причине распадаются многие коллективы. А начаться всё может из-за пустяка.

Так это и произошло в моём первом кооперативе. Раскололо его, заодно разрушив и несколько семей. До сих пор не могу понять, как противостоять этой силе, возникающей спонтанно и не поддающейся здравому смыслу!

Началось всё с того, что я решил приобрести загородный дом с усадьбой. Поручил сделать это исполняющему обязанности завхоза и снабженца кооператива Алексею Мишунину. Он оформил все необходимые документы купли-продажи. Я поехал, посмотрел. Большой дом, двадцать соток земли, баня, гараж, теплица. Лишними, правда, были овцы и корова, но Мишунин сказал, что хозяевам нужно было уезжать и они хотели продать всё сразу. Корм для коровы есть, с женщиной из посёлка, которая будет приходиться доить, он уже договорился.

Через день я собрал собрание членов кооператива. Сообщил о приобретении. Пояснил цель приобретения. Этот дом предназначался для приёма гостей, отдыха членов кооператива, проведения праздников. Необходимо было всем вместе всё благоустроить в хозяйстве, сделать ремонт в доме, модернизировать кухню.

Мужская половина кооператива поддержала идею с большим воодушевлением. Но женщины стали о чём-то шушукаться между собой. Неизвестно, кто из них зародил крамолу. Их шушуканье подытожила, взяв слово от имени женщин, моя жена, сказав, что я и мужчины кооператива переступили все мыслимые границы приличия по отношению к женщинам.

— Мы, наравне с вами в кооперативе работаем, — выступала она, — потом: по дому уборка, на кухне у плиты каждый день, с детьми. Вам этого мало? И теперь вы хотите, чтобы мы ещё и в этом загородном хозяйстве ишачили, ремонт делали, а потом приёмы ваши, попойки обслуживали?

И понеслось... Женщины выплескивали на мужчин кооператива свои личные семейные и иные неудовлетворённости. Это я понял, когда одна из них выкрикнула:

— Вам только в домино стучать да в телевизор пялиться.

А в кооперативе нашем никто из мужчин вообще в домино не играл. Это её муж, пожарник, играл. У нас он не работал. Но особенно “понесло” жён работников кооператива. Одна вообще с дуру прямо при всех выпалила своему супругу:

— От тебя потом да дешёвыми сигаретами всегда воняет (он “Приму” любил курить), так теперь ещё и навозом будет вонять!

Наступила пауза. Муж сдавленно воздух глотает, покраснел и произнёс:

— Я специально навозом пропахну. Специально, чтоб ты, похотливая, не лезла ко мне.

Она в слёзы. Женщины — утешать тут же, обиженную. И ещё сильнее их “понесло”. Разные обидные слова стали выкрикивать. Женя Колпаков у нас работал. Изобретал разные приспособления, увеличивающие производительность, ремонтировал всё что угодно. А они ему:

— Изобретатели тут у нас есть, да после таких изобретателей — уборки на год!

Они и до политики добрались:

— Горбачёв выступает, а Раиса Максимовна за него всё решает.

Я объявил перерыв. Думал, что все как-то образумятся. После перерыва все расселись, внешне сдержанные, но внутренне чувствовалось напряжение. Моя жена от имени женщин с напускным спокойствием, с ехидцей сделала заявление-ультиматум.

— Конечно, если вам хочется загородную резиденцию, пожалуйста, но ни одна женщина туда и ногой не ступит. Значит, она будет только ваша. А так как деньги общие и без нас вы не имеете права их тратить, в компенсацию отдайте нам одну из легковых машин с водителем, специально для домашнего хозяйства. Мы по очереди ею будем пользоваться.

— Отлично, — раздалось со стороны мужчин, — подавитесь! Да что угодно отдадим, лишь бы вы там не появлялись!

— Они Мань колхозных найдут в деревне.

— Да пусть ищут. Маньки быстро разбегутся. Кому они нужны!

Никто из мужчин, чьи жёны работали в кооперативе, домой в этот раз не поехал. Была пятница, и мы отправились на нашу “фазенду”.

Всё там осматривали, строили планы по благоустройству. В субботу баньку затопили. Женщина местная по просьбе Мишунина пришла корову подоить. Мы смотрели, как она это делает. Приятно было. Корова спокойная, не вертлявая. Наша теперь. Женщина предупредила, что приходить доить сможет не всегда. Надо ещё кого-то подыскать.

К вечеру в баньке мы помылись, сами себе ужин приготовили. Стол получился отличный! Мишунин рыбу пожарил. Выставили пиво, водку. Сели ужинать. И вдруг слышим: “Му-у-у”. Это корова. Встали и пошли в сарай. Время доить, а женщины-доярки нет. Стоим мы, восемь мужчин, перед коровой и не знаем, что делать.

Вообще, кто бы объяснить смог, что иногда с людьми происходит при виде животных. Живёшь-живёшь нормально, ни на каких там зверюшек внимания не обращаешь. И вдруг попадаешь в ситуацию, когда появляется в доме зверюшка, кошка, собака или ещё кто-то, и вдруг возникают к ней чувства у человека, словно к ребёнку. Беспokoишься, переживаешь. Откуда это? Может, действительно первый человек Адам, когда Бог поручил ему определить предназначение всех тварей, смотрел на них, когда определял, с любовью, и осталась эта любовь в наследство, сидит где-то глубоко и проявляется время от времени. Так или нет, неизвестно. Только у всех у нас возникло к этой корове какое-то чувство, да и она к нам тоже что-то почувствовала. А от этого вот что получилось. Серёжа Ходоков говорит:

— Ей, наверное, молоко вымя разрывает. Надо что-то делать.

На Мишунина набросились. Зачем, мол, корову приобрёл! И в то же время продавать её жалко: за день как-то привыкли к ней, как к родной.

Корова смотрит на нас грустными глазами, молчит. Потом голову в мою сторону вытянула и промычала: “Му-у-у”. Как-то просяще промычала, и я сказал Мишунину:

— Приступай к доению немедленно, раз приобрёл!

Мишунин быстро принёс подойник, платком повязался, женщиной-дойкой оставленным, и полез через загородку к корове. Нас попросил не уходить. А то мало ли что. Она его подпустила, позволила доить. Мы корове попить принесли, сена подкладываем, хлеба даём. Мишунин доит. Сначала плохо у него это получалось, струйки слабые были, мимо ведра иногда попадали, потом получше стало получаться. Минут пятнадцать прошло, а струйки всё не кончаются. Мишунин почему-то шёпотом сообщает:

— Пот. Пот мешает.

Собрали мы носовые платки у кого были, и Серёжа Ходоков полез за загородку, пот у Мишунина со лба вытирать. На корточки рядом с ним присел, смотрит, как доение идёт и вытирает время от времени пот со лба Алексея. И вдруг, слышим возмущённый шёпот Сергея:

— Ты что же это делаешь? Ты же корову портишь! С правой руки у тебя хорошая струя, а от левой в три раза меньше. Ты же ей вымя так можешь скособочить

— Пальцы, — шепчет Мишунин, — пальцы на левой руке немеют. Ты бы помог лучше.

Серёжа Ходоков подобрался к корове с другой стороны, и они стали выдаивать корову вместе.

Примерно через полчаса, может больше, они надоили целый подойник.

Мы пили за ужином парное молоко, и оно казалось нам лучшим молоком, которое мы пробовали за всю нашу жизнь.

Рано утром нас разбудила женщина-дойрка и удивлённо сообщила, что пыталась подоить утром корову, но та её непонятно почему не подпускает.

Мы опять пошли все в сарай. Сделали всё, как вечером, и корова стала доиться.

— Надо же, — говорит женщина, — раз уж вы понравились корове, теперь сами и доите её. Такое бывает. Одних коровы подпускают, других — нет.

А наша корова оказалась очень привередливой. Мало того что она не подпускала никого из нанимаемых нами доярок, так она ещё всё время требовала во время дойки, чтобы кто-либо из нас у её морды стоял и подкармливал, разговаривал с ней, а доить должны были сразу двое. Следовательно, на каждую дойку мы по трое должны ходить. Так и распределились — по трое. Думали, пока не продадим. Но по посёлку быстро разнеслась молва, что корова наша привередливая. Покупатели придут, подоить попробуют — не получается. И отказываются брать её, даже за бесценок. Правда, я ещё условие ставил, чтобы не убивали её на мясо.

Мы пригласили ветеринара, а он говорит:

— Такое, мужики, бывает. Животное к кому-то привыкнет, другого долго может не подпускать. И что вас угораздило приручить её к такому?

Ничего он нам толкового не посоветовал, да ещё сообщил, что наша корова стельная, беременная значит. Надо, когда время подойдёт, подготовиться к приёму родов. Время ветеринар указал примерное. Признаком его приближения будет отсутствие молока.

Так как мужчины вынуждены были дежурить по трое, мы много времени проводили на “фазенде”. И ночевать там приходилось.

Убедиться в существовании проблем с коровой наши жёны не могли, так как дали слово, что на “фазенду” ни ногой, и считали рассказы про корову отговоркой. Женщины и жёны, работавшие в кооперативе, совсем потеряли над собой контроль. Стали отпускать шуточки непристойные. Та, что говорила о плохом запахе своего мужа, сказала:

— Только таким извращенцам могла попасться такая извращённая корова.

Он ей ответил:

— Лучше буду всю жизнь доить молчаливую корову, чем слушать твои дурные речи.

А потом совсем переехал жить на “фазенду”, позже развёлся. Женился на деревенской молодой женщине с ребёнком, стал неплохим фермером.

Корова перестала давать молоко. Мы, по совету ветеринара, всё приготовили к родам. Но корова родила самостоятельно и без проблем. Родила бычка. Красивого очень. Когда пригласили ветеринара, он посмотрел и сказал:

— Надо же. Делать ничего не надо. Она сама всё сделала. Теперь чистоту только поддерживайте. Кормите хорошо.

Впоследствии нам удалось отдать в хорошие руки корову и бычка. Мы ходили смотреть, каким красавцем он стал, наш бычок. И с коровой всё определилось. И сейчас о ней вспоминается. Интересно, вспоминает ли она нас. С коровой-то определилось, а вот взаимопонимание в кооперативе восстановить не удалось.

Тогда я разделил кооператив, организовав ещё одну фирму. Сам на зафрахтованном теплоходе стал уходить в длительные коммерческие рейсы по реке Оби на север. В перерывах между рейсами проводил бизнестуры для российских и иностранных предпринимателей.

Для себя отметил, что непременным залогом успеха являются, среди прочего, взаимопонимание в коллективе, вера в способности не только свои, но и каждого. Вера в окружающих умножает любые способности.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ-ГЕРБАЛАЙФЩИКИ

Лишь по прибытии в Московский аэропорт “Внуково” я осознал, что в моём бумажнике всего пять миллионов рублей и нет конкретного плана действий. Работники моей фирмы и семья вряд ли справятся с образовавшимися долгами, и им придётся распродавать имущество, а значит, никакой помощи из дома ждать мне не следует. Конечно, выправить положение мог бы я сам, оставшись в Новосибирске. Но для этого необходимо было сосредоточиться на повседневных делах фирмы, что оказалось невозможным после событий в тайге и данного то ли Анастасии, то ли самому себе слова.

Трудно сейчас определить — воздействие Анастасии или собственная осознанность и желания руководствовали моими действиями.

Я осознавал, что разорён. По многочисленным примерам своих коллег мне было известно, в такой ситуации нечего надеяться ни на родственников, ни на друзей, ни на бывших работников. От тебя все будут шарахаться как от чумы. Можно побеждать в течение десяти лет и лишь один раз, совершив ошибку, получить презрение и забвение своего окружения. Так было со многими известными предпринимателями. В данной ситуации необходимо надеяться исключительно лишь на себя и уметь в, казалось бы, безвыходной ситуации, найти выход.

Бросив в гостинице сумку со свитером, несколькими рубашками и ещё кое-какими мелкими вещами, я отправился бродить по Москве. Пытался осознать значимость сказанного Анастасией относительно предпринимателей России.

Первое, что бросилось мне в глаза в Москве в этот раз — активность гербалайфщиков.

Аккуратно одетые люди на станциях метро в центре столицы усиленно предлагают работу. Как они говорят, в одну иностранную фирму. Прохожих завлекают обещаниями больших заработков, возможностью продвижения по службе. О том, что речь идёт о гербалайфе, они не говорят. Вероятно, потому, что в газете: “Из рук в руки”, в рубрике “Ищу работу”, почти каждое объявление заканчивается словами: “Гербалайф не предлагать”.

Но они, с табличками “Работа для вас”, с помощью раздачи небольших листовок от какой-то иностранной фирмы упорно приглашают на собеседование. Впоследствии я выяснил, что пришедшие на собеседование подвергаются серьёзнейшей психологической обработке. Акценты делаются на два важнейших для среднего россиянина фактора. Во-первых ораторы со сцены объясняют и доказывают на собственном примере и примере родственников, что они якобы получили с помощью заморского гербалайфа чудодейственное исцеление. Тем самым, внушая будущим распространителям, что они тоже будут заниматься благородным делом — лечить людей. Система столь чудодейственна, утверждают они, что не надо быть медработником, просто 2 и 3 занятия, будь ты даже маляром-штукатуром, и, пожалуйста, консультируй больных потребителей.

Второй акцент заключается в рассказах с примерами, как можно разбогатеть, занимаясь распространением гербалайфа. Для этого нужно купить сначала за свои деньги хотя бы один комплект, найти человека и в устной доверительной форме доказать ему необыкновенную благодать, если он будет принимать гербалайф. И продать ему комплект подороже. Так же нужно привлекать параллельно новых распространителей. От каждого привлечённого будешь иметь свой процент. И чем больше людей привлечёшь, тем выше будет твой уровень в иерархии, тем больше денег будет на тебя сыпаться. Уже можно самому распространением не заниматься.

Мне как предпринимателю сразу стало ясно: деньги действительно сыплются золотым дождём, но только на того, кто сидит на самом верху этой пирамидальной системы, и на его ближайших сподвижников. Вся длинная цепочка распространителей, разделённых на так называемые уровни, живёт за счёт того, что каждый уровень делает свою накрутку на цену, а за всё платит самый последний — поверивший в чудодейственность данного продукта потребитель.

В отдельных случаях цена повышается в двенадцать раз!!! Система же распространения с помощью огромного количества агентов, в устной и доверительной форме убеждающих россиян в чудодейственности гербалайфа на примере собственного исцеления, действует безотказно. С её помощью можно продавать золу из печи, а заявившему, что она не помогает, сообщить о некоем нарушении системы приёма и несоблюдении специального режима.

Эта система наиболее эффективно срабатывает именно в нашей стране, так как именно мы привыкли наиболее достоверную информацию получать друг от друга, а не по официальным каналам.

Абсолютно бессмысленно касаться пользы или вреда, приносимого людям гербалайфом. Это длинный разговор. Скажу лишь одно с полной уверенностью — весь пыл рассказчиков-распространителей об их собственном исцелении пропадёт, как только уйдёт возможность получения ими от вас денег. Тогда вы услышите от них же множество примеров прямо противоположных: “Какая это зараза!”. Система распространения разработана на Западе. Руководят ею с Запада, вовлекая безработных россиян, но это не наши предприниматели. А вот ещё одна премудрость западных бизнесменов.

БЕСПЛАТНЫЙ ОТДЫХ НА ГАВАЙЯХ

Если вас остановят в людных местах Москвы элегантные молодые люди, иногда с акцентом, и очень вежливо предложат посетить презентацию одной иностранной фирмы, где для вас заказан будет столик и где будет разыгрываться бесплатная лотерея, по которой вам предоставляется возможность выиграть золотые часы или даже бесплатную путёвку на Гавайи, можете быть уверены: бесплатная путёвка вам обеспечена. Но все же не стоит забывать поговорку: “Бесплатный сыр бывает только в мышеловке”.

Не трудно разобраться, как срабатывает мышеловка в данном случае.

Итак, вы “бесплатно” получаете возможность проживания в великолепных апартаментах. По приезду убедитесь, что они соответствуют фотографиям на буклетах. Билет на самолёт, питание и прочее обслуживание за ваш счёт.

Прожив всего несколько дней, поймёте, что день “бесплатного” проживания обходится вам значительно дороже, чем если бы вы приобрели путёвку за полную её стоимость на другой равноценный курорт. Всё очень просто: ваше бесплатное проживание компенсируется множеством наценок на комплекс услуг и питание. К тому же в эти наценки входит и оплата стоящих на улице агентов, и так называемая бесплатная презентация, и буклетики, вам вручённые, и прибыль компании.

Конечно, для тех, у кого денег достаточно, это ничего не значит. Разве только неприятное ощущение одураченности может возникнуть. Ужасно другое, когда наш средний россиянин с небольшим достатком, собрав всё накопленное к отпуску за год, клюет на этот блеф и, вместо того чтобы поехать к своей матери или на один из курортов России, отдаёт заморским “умникам” накопленное и проводит в качестве дурака две недели в апартаментах для дураков. Откуда же у вас такое неуважение к нам, господа заморские? Я смотрел на коммерческие киоски, заполненные импортными товарами, где даже вода продаётся привозная. Вспоминал, что и на моих теплоходах было то же самое, но почему-то не задумывался, что за этим стоит. Я слушал по радио о сомнительном качестве заполонивших всю страну куриных окорочков, о бутылках с водой, где за красивыми этикетками целебности и минеральности, для наших магазинов готовят обыкновенную воду из-под крана с сомнительными добавками. Смотрел на огромное количество вывесок, предлагающих подкрепиться хот-догом, будто бы вся Москва и Россия сделала эти резиновые сосиски своим национальным блюдом, и думал: почему раньше не бросалось всё это мне в глаза?

Я вспоминал, с каким уважением и подобострастием встречали мы в начале перестройки иностранных предпринимателей. Как устраивал я для них на своём теплоходе бизнес-туры по Оби, как сибирские предприниматели старались помочь обеспечить для них сервис. Конечно, среди них разные были люди, но в итоге что же получилось? Так где же вы, предприниматели России? Те, кто должен сделать нашу страну процветающей!?

Начало перестройки

В самом начале перестройки, когда вышел первый закон “О кооперативах в СССР”, для многих людей он послужил как бы призывом к действию. И много людей, молодых и не очень, но обязательно энергичных и желающих действительно что-то сделать для себя и страны, словно кинулись в бой. И сразу оказались в окружении недоброжелательной толпы. “Ату их,— кричали. — Буржуи, наглецы! За что боролись?” И несмотря на то что труд большинства первых предпринимателей требовал круглосуточной работы, колоссального количества энергии, смекалки и находчивости, как бы ты ни работал, что бы ты ни делал, “спасибо” ни от кого не услышишь. Требовалась хотя бы минимальная поддержка, а она могла быть только при общении и взаимодействии друг с другом. Тогда и возникла, словно из воздуха, идея создания Союза кооператоров СССР. Организацией этого союза первых предпринимателей и занимались в числе инициативной группы мы с Артёмом Тарасовым (известным в России предпринимателем).

Большинство из нас тогда были коммунистами. На первом съезде предприниматели выбрали меня секретарём партгруппы съезда. Я пытался тогда объяснить курирующему нас инструктору

ЦК КПСС Колосовскому, что предпринимателям при подобной травле невероятно трудно. Требуется прежде всего моральная поддержка. Но вскоре понял, что мы ещё долго будем один на один с недоброжелательством и травлей со стороны как части простых людей, так и больших и малых чиновников. Высшее руководство ЦК не будет выступать за нас открыто, боясь потерять популярность, да и сил у него не было таких, как раньше. Началась, по-видимому, внутренняя борьба.

А на предпринимателя всё больше и больше стал давить ещё и налоговый прессинг. Сегодня ни одно (ну, может быть, за редким исключением) предприятие не сможет продержаться на плаву, если будет исправно платить все налоги. Понимая это, многие с помощью всевозможных ухищрений выскальзывали из-под налогового прессинга. Но тут же попадали в ещё более страшную ситуацию — становились вне закона. Многочисленные попытки объяснить на разных уровнях абсурдность существующего налогообложения успехом не увенчались. И не могли увенчаться, так как те, кто вводил эти налоги (пусть это будет лишь моим предположением), лучше других понимали невозможность их выплат, но это, именно это, и нужно было им. Для чего? Для власти! Для ракеты!

Любого, кто посмеет высунуться, можно в одно мгновение стереть в порошок, с помощью налоговой инспекции или полиции поставить вне закона.

Мне стало обидно за первых предпринимателей перестройки и за сегодняшних бизнесменов России. Решил что-либо сделать для них, на что хватит сил. Я пришёл в Лигу кооператоров и предпринимателей России, которую возглавлял выбранный нами ещё в начале перестройки академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов. Сохранилось помещение, где базировался президиум Лиги, но многие кабинеты пустовали. Владимир Александрович умер полтора года назад. Там же мне рассказали, что полгода назад был отравлен председатель “круглого стола” бизнеса России Иван Кивилиди, отравлена и его секретарша. Артём Тарасов из Лиги ушёл. Членство в Лиге резко уменьшилось.

Меня знал один из трёх оставшихся работников аппарата Лиги, потому и был предоставлен по моей просьбе один из свободных кабинетов, два телефона, компьютер и факс. Никаких средств в Лиге на оргработу не было, и действовать необходимо было самостоятельно. В этом кабинете я и ночевал, чтобы сэкономить время и деньги на гостиницу. Приход уборщицы поднимал меня в шесть часов утра. Отсутствие телевизора позволяло работать до двенадцати ночи. Резкий переход в условиях быта от комфортабельной каюты (в которую по звонку могли принести всё что угодно из еды и спиртного) к непригодному для проживания кабинету абсолютно никак не смущал и даже создавал большие возможности для работы.

Я продумывал и писал положения о сообществе предпринимателей, составлял письма-обращения и отправлял факсы по утрам, когда связь на предприятиях не загружена. Разными путями, используя объявления в газетах и случайные встречи, собрал секретариат из москвичей разных профессий, осознавших значимость предстоящего сообщества предпринимателей России. В секретариат вошли и три московских студента. Сначала пришёл Антон Николайкин, чтобы отремонтировать сломавшийся компьютер. Он же потом, узнав о работе по организации сообщества, привёл своих друзей — Артёма Семёнова и Алексея Новичкова. Они начали работать над электронной версией “Золотого каталога России” и смогли сделать программу на высокопрофессиональном уровне.

СООБЩЕСТВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИИ

Идея сообщества заключалась в том, что в него должны были войти предприниматели фирм, проработавшие на российском рынке не менее года, искренне стремящиеся к честному партнёрству, как по отношению друг с другом, так и с теми, для кого они работают, а также со своим коллективом. Представители разных общественных формирований пытались убедить меня, что на сегодняшний день предприниматели стали - пассивны ко всякого рода объединениям, что эйфория веры прошла и что в разного рода объединениях, куда любой запросто может вступить, заплатив небольшие взносы, всё же членство катастрофически уменьшается. Тем самым доказывали, что организовать сообщество, при вступлении в которое повышаются требования как к личности предпринимателя, так и к самому предприятию, идея вообще абсурдная.

Узнав о моём приезде в Москву и о затеянном, пришёл на один из “круглых столов” мой старый знакомый — Артём Тарасов. Он подключился к работе над документами, сам написал обращения к предпринимателям России. Выложил несколько тысяч долларов, чтобы достойно оформить документы и раздать их на собираемом ассоциацией съезде малых предприятий.

Но организаторы съезда решили не допустить раздачу таких материалов о сообществе, боясь, вероятно, конкуренции с нашей стороны. Тогда секретариат и студенты рассредоточились у входа в гостиницу Россия, стараясь вручить делегатам папки с документами. Они упорно стояли на холоде, отгоняемые милицией, решившей, что идёт какая-то торговля. Артём Тарасов всё же пронёс в Кремлёвский Дворец папку с документами, но, к сожалению, лишь небольшую часть.

Операция, на которую возлагались надежды, сорвалась. Организация сообщества становилась невозможной. Дело в том, что для доведения информации до предпринимателей российских регионов об организации сообщества, его принципах и структуре, требовалась сумма на типографские и почтовые расходы порядка полмиллиарда, так как положительная реакция на предложение была у десяти процентов от получивших материалы. Такой суммы не было. Из поступивших взносов руководство Лиги забрало часть суммы себе на аренду помещений, так как другого источника доходов у них не было. Видя, что происходит какая-то заминка, Лига вообще прекратила выдачу денег на орграсходы, несмотря на то что перечисляемые предпринимателями суммы предназначались именно для финансирования орграсходов.

Поступающие от предпринимателей средства руководство Лиги вынуждено использовать на хозяйственные нужды. Стала задерживаться зарплата секретариата сообщества. Мне пришлось уйти из Лиги, оставив там второй компьютер, приобретённый на средства предпринимателей, вступивших в сообщество. “Как же так? — недоумевали студенты, фактически за свой счёт подготовившие ряд компьютерных программ. — Мы делаем работу, которую и должна выполнять согласно своему уставу, эта общественная организация, а нас расценивают как арендаторов, и плевать им на предпринимателей”. У аппарата Лиги были свои аргументы: “За аренду помещения нужно платить”.

Я попытался с остатками секретариата продолжить работу от профсоюзов предпринимателей, но ситуация повторилась.

И тогда я, познакомившись с рядом общественных объединений, вдруг увидел, что все они имеют названия, но не имеют членства, похожи на “диванные партии” и заняты лишь нуждами самого аппарата. Это не относится к ассоциации фермерских и крестьянских хозяйств, возглавляемой В. Башмачниковым. Может быть, ещё к кому-то, но в основном это так.

В России нет на сегодняшний день общественной организации, объединяющей серьёзное количество предпринимателей, а существующие похожи на “диванные партии”. Причины? Среди прочих считаю и обезличенность взносов.

Почему-то каждый раз создаётся какой-то руководящий орган, который впоследствии начинает выступать от имени предпринимателей, при этом не советуясь с большинством.

Я ушёл из профсоюзов, остался без средств связи и каких-либо средств к существованию. К этому времени Артём Тарасов уехал в Лондон. Он пытался баллотироваться в президенты России. Ещё при сборе подписей затратил несколько миллиардов рублей, но, когда Центризбирком забраковал большую часть подписей, Артём вынужден был заняться поправкой собственных дел.

Москвичи, работавшие в секретариате и не получающие никакой заработной платы, вынуждены были покинуть его.

Я остался один. Вернее будет сказать, подумал, что остался один. Но начатое дело не собирались оставлять три москвича студента: Антон, Артём и Лёша. Антон из своих средств, собираемых к отдыху на каникулы, оплатил месячную квартплату снятой для меня квартиры. Они ждали и хотели, чтобы я искал и нашёл выход из создавшегося положения и продолжил работу над созданием сообщества. Их захватила сама идея. Они верили в неё. Но я видел лишь тупик. В такое время и подоспела весть из Новосибирска.

Приехавший по своим делам в Москву человек из Новосибирска пришёл ко мне вечером. Он принёс бутылку водки, закуски. Мы сидели на кухне, снимаемой мной однокомнатной квартиры, и он рассказывал о положении дел в моей семье и фирме.

Они были плачевны. Фирме моей пришлось отказаться из-за нехватки средств на арендную плату от одного из офисов в центре города. Прекратил функционировать магазин запчастей для автомобилей, работники фирмы попытались заниматься торговлей обувью, но итог их деятельности — увеличение долгов. Ответственность вся ложилась на меня.

— А ты тут занимаешься неизвестно чем. Многие считают, что ты с ума сошёл. Сначала нужно было как-то положение дел в фирме выправить, потом уж заниматься этим своим непонятным делом. В тебя там уже никто не верит.

Когда мы допивали бутылку, он спросил у меня:

— Хочешь, я тебе честно скажу, чего, по-моему мнению, ждут от тебя?

— Говори, — ответил я.

— Чтобы ты покончил с собой или исчез навсегда. Ты сам посуди, без начального капитала сейчас вообще никакого дела начать невозможно, а у тебя теперь не то что начального капитала нет, питаться не на что. Да и долги скопились. В мире нет аналога, чтобы из такой ситуации кто-то выкарабкался. А не станет тебя, всё и спишется со смертью, а остатки имущества твоего они разделят. Жена твоя говорит, что ты по гороскопу Лев и всё время жизнь расточительную вёл, а умереть должен в нищете, как в гороскопе. Ну зачем ты пошёл во вторую экспедицию? Никто понять не может.

Несмотря на то что мы были изрядно выпившими, проснувшись утром, я всё же в подробностях вспомнил разговор. Его аргументы были весомы и убедительны. Тупик в Новосибирске, тупиковая ситуация здесь, в Москве. Везде страдают работавшие рядом со мной люди, страдает семья. Найти выход и исправить всё я не могу, потому что выхода не существует. Прекратить эти страдания может моя смерть. Конечно, самоубийство — это нехорошо. Но логика происшедшего говорит: моё самоубийство облегчит жизнь других, и если это так, то он прав, жить я не имею права. И я решил покончить с собой. Это даже успокоило меня. Отпала необходимость мучительного поиска выхода из создавшейся ситуации, так как я согласился с тем, что смерть и есть выход.

Я слегка убрал в квартире, написал хозяйке записку, что не вернусь. Решил пойти в профсоюзы, привести в порядок бумаги по сообществу. Кто-либо пусть не сейчас, позднее, может, продолжит эту работу. Вот только как покончить с собой, если нет денег даже на отраву? Потом надумал: чтобы самоубийством не выглядело, пойду вроде бы купаться, словно морж, в прорубь нырну и утону. И пошёл. На станции метро “Пушкинская”, в переходе, вдруг услышал знакомую мелодию. Её выводили на скрипках две молодые девушки. Перед ними лежал раскрытый футляр, куда люди бросали деньги. Так подрабатывают музыканты во многих переходах метро. Но эти две девушки, их скрипки, плывущая в грохоте поездов и шума перехода мелодия заставляли замедлять шаг многих людей. Меня же она вообще заставила остановиться. Смычки скрипок выводили мелодию, которую... пела в тайге Анастасия.

Когда там, в тайге, я попросил её спеть что-то своё, а не из известных мне песен, я и услышал эту необыкновенную, странную, чарующую мелодию без слов. Анастасия сначала вскрикнула, как кричит новорождённый ребёнок. Потом её голос зазвучал тихо-тихо и очень ласково. Она стояла под деревом, прижав руки к груди, и казалось, что она голосом баюкает и ласкает совсем маленького ребёнка и что-то говорит ему. Совсем тихий голос её заставил всё вокруг замереть и слушать. Потом она словно обрадовалась проснувшемуся ребёнку, и голос её ликовал. Невероятно высокие по тональности звуки плавно и с переливами то парили, то взлетали ввысь, заполняли пространство, радовали всё окружающее...

Я спросил у девушек:

— Что вы играли?

Они переглянулись и одна из девушек ответила:

— Я как-то сымпровизировала.

Вторая добавила:

— А я подыграла.

Здесь, в Москве, захваченный идеей создания сообщества предпринимателей, ставшей уже как бы моим главным в жизни шагом, я почти не вспоминал Анастасию. И вот в последний день моей жизни, словно прощаясь, она напомнила о себе.

— Сыграйте, пожалуйста, ещё так же, как играли, — попросил я девочек.

— Попробуем, — ответила мне старшая.

Я стоял в переходе метро, слушал чарующую мелодию скрипок, вспоминал таёжную поляну и думал:

“Анастасия! Анастасия! Слишком уж сложно в реальной жизни осуществить задуманное тобой. Одно дело — мечтать, и совсем другое — воплощать мечту в реальность. Ошиблась ты, выстраивая свой план. Организовать сообщество предпринимателей, книгу написать...”

Меня словно током ударило. Повторяя и повторяя в себе эти слова, я чувствовал, что есть в них какая-то неточность, что-то нарушено. Там, в тайге... в тайге... немножко по-другому говорилось, но как... как по-другому? Продолжая повторять, я переставил местами слова и получилось: “Книгу написать, организовать сообщество предпринимателей”.

Ну конечно же! Надо было книгу писать сначала. Книга должна была решить все проблемы и, главное, распространить информацию о сообществе! Эх, столько времени зря потеряно, думал я, и ситуация в личной жизни осложнилась. Ну хорошо, буду действовать. Теперь ясно по крайней мере, как действовать. Конечно, невероятно написать книгу не умеющему писать, да ещё чтобы читали её. Но Анастасия верила, что получится. Всё убеждала меня в этом. Ладно. Надо, надо пробовать, надо действовать до конца!

ЗВЕНЯЩИЕ КЕДРЫ РОССИИ

Я возвращался в квартиру. Москву уже ласкала весна. На кухне осталось полбутылки подсолнечного масла и сахар. Необходимо было пополнить запасы продуктов, и я решил продать свою зимнюю шапку из норки. Шапка настоящая, не формовка, стоит за миллион. Конечно, сейчас уже не сезон, но тысяч двести пятьдесят за неё получить смогу, думал я, направляясь к одному из многочисленных московских рынков. Я подходил то к продавцам фруктами, то к торговцам вещами. Они смотрели на шапку, но покупать не спешили. Я уже решил сбавить цену до ста пятидесяти тысяч, но тут ко мне подошли двое мужчин. Они повертели шапку в руках, потрогали мех.

— Надо бы померить. Ты зеркальце попроси у кого-нибудь — сказал один из них своему товарищу и предложил мне отойти в сторону.

Мы зашли в укромное место в конце ряда прилавков и стали ждать его товарища с зеркальцем. Ждать пришлось недолго. Он тихо подошёл сзади, и от удара по затылку у меня в глазах сначала вспыхнули искры, потом всё стало мутнеть. Оперевшись о забор, я всё же не упал, но когда пришёл в себя, моих покупателей уже не было, и шапки тоже не стало. Лишь две женщины участливо охали:

— С вами всё в порядке? Ну и сволочи. Вы посидите, вот ящик.

Я немножко постоял у забора и медленно пошёл с рынка. Моросил весенний дождик. Пытаясь перейти дорогу, я остановился на обочине тротуара, чтобы осмотреться. Голова болезненно шумела. Я зазевался, и пронёсшаяся близко от меня машина грязными брызгами из лужи обильно окропила мои брюки и полы куртки. Пока я соображал, не двигаясь с места, что делать дальше, колёса грузовика из той же лужи добавили брызг, долетевших до моего лица. Я отошёл от обочины дороги и укрылся от дождика под козырьком коммерческого киоска, пытаюсь определить свои дальнейшие действия.

В метро, конечно, в таком виде не пустят. Три остановки до квартиры, где я живу, пройти можно, но и на улице в таком виде может милиция забрать, приняв за пьяницу, бомжа или просто подозрительную личность. Отдувайся потом, оправдывайся, пока будут выяснять. Да и что я им скажу? Кто я теперь?

И тут я увидел этого человека. Медленно ступая, он нёс сразу два ящика с пустыми бутылками и был похож на бомжа или алкаша, которые часто вертятся рядом с коммерческими киосками со спиртным в розлив. Наши взгляды встретились, и он остановился, поставил свои ящики на асфальт, заговорил со мной.

— Что стоишь, высматриваешь? Это моя территория. Марш отсюда, — спокойно, но властно сказал он мне.

Не желая, да и не имея сил с ним спорить или пререкаться, я ответил:

— Не нужна мне твоя территория, сейчас приду в себя и уйду. — Но он продолжил разговор:

— Куда уйдёшь?

— Не твоё дело куда. Уйду, и всё.

— А дойдёшь?

— Дойду, если не помешают. Отстань.

— В таком виде ни стоять, ни идти тебе долго не придётся.

— Тебе-то какое дело?

— Бомжуешь?

— Что?

— Начинаящий, значит. Ладно, отдохни пока здесь.

Он поднял свои ящички и ушёл. Вернулся со свёртком и снова заговорил со мной:

— Следуй за мной.

— Куда это?

— Погостишь часа три или до утра. Обсохнешь. Потом своим путём и последуешь.

Идя за ним, я спросил:

— Далеко твоя квартира?

Он ответил, не поворачиваясь:

— До моей квартиры уже до конца жизни не дойти. Нет у меня здесь квартиры. Есть место моей дислокации.

Мы подошли к двери, ведущей в подвал многоэтажного дома. Он приказал мне постоять в сторонке, огляделся и, когда никого из жильцов не было поблизости, чем-то похожим на ключ открыл замок.

В подвале было теплее, чем на улице. Его обогревали специально оголённые, наверное бомжами, от теплоизоляции трубы, по которым подавалась горячая вода. В одном углу валялось какое-то тряпье. На него падал тусклый свет, проникающий через запылённое стекло подвального окна. Но мы прошли в дальний, пустой угол.

Он достал из своего свёртка бутылку с водой, открыл пробку и, набрав в рот воды, разбрызгал её вокруг, словно из пульверизатора. Пояснил:

— Это чтоб пыль не поднималась.

Потом он чуть отодвинул в сторону, стоящую в углу доску. Из образовавшейся между стеной дома и перегородкой щели вытащил два листа фанеры, закрытой большим куском целлофана, потом ещё несколько кусков картона, тоже закрытых целлофаном. Устроил из них на полу две импровизированные лежанки. Взял из угла консервную банку, зажёл поставленную в неё свечку. Не до конца отрезанная крышка банки была чистой, слегка согнутой в полусферу, и служила отражателем. Этот нехитрый прибор осветил края фанеры и полуметровое пространство между ними, на котором, расстелив газету, он стал выкладывать из пакета кусок сыра, хлеб, два пакета кефира. Аккуратно разрезая сыр, проговорил:

— Что стоишь? Присаживайся. Куртку сними, на трубу повесь, когда высохнет, почистишь. У меня щётка есть. Брюки пусть на тебе сохнут. Старайся поменьше мять их.

Ещё он достал два стограммовых запечатанных стаканчика с водкой, и мы сели ужинать. Кругом грязь подвальная, а уголок им оборудованный получился каким-то чистеньким и уютным.

Когда чокались, он представился:

— Называй меня Иваном. Здесь без отчеств все.

Его действия с импровизированными лежанками, аккуратно разложенной на газетке пищей, несмотря на грязный пол подвала, создавали атмосферу чистоты и уюта в его подвальном уголке.

— А чего-нибудь помягче подстелить у тебя нет? — спросил я после ужина.

— Нельзя тряпье здесь всякое держать, грязь от него будет, запах потом. Вон в том углу соседи... Двое их, иногда приходят. Развели со своим тряпьем гадюшник.

Разговаривая с ним, отвечая на его вопросы, сам того не заметив, я рассказал ему про встречу с Анастасией, о её образе жизни и способностях. О лучике её, мечтах и устремлениях.

Он был первым человеком, кому я рассказал об Анастасии! И сам не понимаю, почему я рассказывал ему о странностях Анастасии, о её мечте и о том, как дал слово помочь ей. Сообщество предпринимателей с чистыми помыслами организовывать пытался, да ошибся. Надо было сначала книжку написать.

— Теперь буду писать, пытаться издавать. Анастасия говорила, что сначала нужна книжка.

— Ты что же, уверен, что написать сможешь, а потом ещё и издать, не имея средств?

— Уверен или не уверен, не знаю. Но действовать буду в этом направлении.

— Значит, цель существует, и ты будешь идти к ней?

— Буду идти.

— И уверен, что дойдёшь?

— Я буду идти.

— Да... Книжку... Надо художника хорошего, чтобы оформил обложку. От Души, чтобы оформил. Смыслу соответствуя, цели. А где тебе художника найти, без денег?

— Придётся без художника. Без оформления.

— Нужно делать как следует, и с оформлением и по смыслу как следует. Мне б бумагу, кисти да краски хорошие. Помог бы тебе. Только дорого сейчас это стоит.

— Ты что же, художник? Профессионал?

— Офицер я. А рисовать ещё с детства любил. В кружки ходил разные. Потом, когда время выкраивал, писал картины, дарил друзьям.

— А офицером зачем тогда стал, если рисовать всё время хотел?

— Прадед был офицером, дед тоже, отец. Отца я любил и уважал. Знал, чувствовал, каким он хочет видеть меня. Таким и постарался стать. Дослужился до полковника.

— Каких войск?

— В основном в КГБ служил. Оттуда и уволился.

— По сокращению или выгнали?

— Сам рапорт подал, не выдержал.

— Чего?

— Песня, знаешь, есть такая. Слова там: “Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом”.

— На тебя покушаться стали? На твою жизнь? Стреляли в тебя, мстили за что-то?

— В офицеров часто стреляют. Во все времена шли офицеры на встречу с пулями. На защиту тех шли, кто за ними. Шли, не подозревая, что их сердца под прицелом и выстрел смертельный будет произведён с тыла. С точностью. Разрывной. И прямо в сердце.

— Как это?

— Помнишь времена доперестроечные... Праздники — Первое мая, Седьмое ноября; огромные колонны людей, кричащих “ура”, “слава”, “да здравствует”... Я и другие офицеры, не только из КГБ, гордые были тем, что являемся щитом для этих людей. Оберегаем их. В этом заключался смысл жизни большинства офицеров.

Потом перестройка, гласность. Другие возгласы стали раздаваться. И оказывается, сволочи мы, офицеры КГБ, палачи. Не тех и не то защищали. Те, кто в колоннах под красными знамёнами раньше шли, в другие колонны построились, под другими знамёнами ходить стали, а виновниками нас определили.

Жена у меня, на девять лет младше, красавица... Любил её... Да и сейчас люблю. Она гордилась мной. Сын у нас родился, единственный. Что называется — поздний ребёнок. Семнадцать ему сейчас. Он тоже мной вначале гордился, уважал.

Потом, когда началось всё это, жена молчаливой стала. В глаза не смотрит. Стыдиться жена меня стала. Я рапорт подал, в охрану коммерческого банка перешёл. Форму подальше спрятал. Но немые вопросы висели всё время в воздухе и у жены, и у сына. А на немые вопросы ответить невозможно. Ответы они видели на страницах газет, с экрана телевизора. Оказывается, кроме как дачами собственными да репрессиями, мы — офицеры ничем и не занимались.

— Но ведь шикарные дачи военачальников по телевизору действительно показывали, натуральные, нерисованные.

— Да, показывали, натуральные, ненарисованные дачи. Только дачи эти курятником жалким покажутся по сравнению с тем, что теперь имеют многие из кричавших обвинения в адрес владельцев этих дач. Ты вон теплоходом владел. И намного большим, чем дача генеральская. А ведь этот генерал сначала курсантом был, окопы рыл. Потом лейтенантом из казармы в казарму кочевал. А дачу, дом ему, как и всем, для своих детей хотелось иметь. И кто знает, сколько раз

ему приходилось вскакивать ночью из тёплой постели той самой дачи, чтобы оказаться в полевых условиях.

Раньше на Руси ценили офицера. Поместья жаловали. Теперь решили, что и дачки с пятнадцатью сотками земли для генерала много!

— Раньше по-другому все жили.

— По-другому... Все... Но обвиняли среди прочих в первую очередь непременно офицеров.

На Сенатскую площадь офицеры вышли. О народе думали. Офицеров этих на виселицу потом, в рудники, в Сибирь. Никто на их защиту не встал.

За царя, за Отечество в окопах с германцами сражались. А в тылу уже готовили для них встречу революционные патриоты, вгоняя в затворы пули для их сердец, пострашнее свинцовых. “Белогвардейцы, изверги”, — так называли вернувшихся с войны офицеров, попытавшихся навести порядок. Кругом хаос, всё рушится. Все прежние ценности — материальные и духовные — сжигают, топчут. Трудно им, тем офицерам, было. Вот и шли они, надев форму офицерскую на чистое бельё, в психическую атаку шли. Знаешь, что такое психическая атака?

— Это когда пытаются испугать противника. Я в кино видел. В фильме “Чапаев” белогвардейские офицеры строем идут, а по ним из пулемётов строчат. Они падают, но ряды снова смыкают и идут в атаку.

— Да. Падают и идут. Но дело в том, что они не атаквали.

— Как это, зачем же тогда шли?

— В военной практике итогом, целью любой атаки является захват или физическое уничтожение противника, и, желательно, с наименьшими потерями атакующих. Идти на пулемёты укрывшихся в окопах можно было только в том случае, когда сознательно или подсознательно поставить иную цель.

— Какую?

— Может быть, действуя вопреки логике военного искусства, ценой своей жизни показать, призвать стрелявших одуматься, убивая их, идущих, понять и не стрелять в других.

— Но тогда их смерть похожа на смерть распятого на кресте Иисуса Христа?

— Похожа. О Христе мы ещё как-то помним. Безусых корнетов и генералов, идущих в этом строю, забыли. Может быть, и сейчас их Души, одетые в чистое бельё и форму офицерскую, стоят перед выпущенными нами пулями и просят, взывают одуматься.

— Почему к нам взывают? Нас, когда в них стреляли, ещё и не было.

— Тогда не было. Но пули и сегодня летят. Новые пули. Кто, если не мы, их выпускает?

— Действительно. Летят же пули и сегодня. И чего они столько лет всё летят? А из дома ты зачем ушёл?

— Не выдержал взгляда.

— Какого?

— Телевизор смотрели вечером. Жена на кухне была. Мы с сыном вдвоём смотрели. Потом одна из этих политических передач началась, о КГБ говорить стали. Понятно, поливали смело. Я газету специально взял. Вид сделал, что читаю, будто не интересно это мне. Хотел, чтобы сын переключил на другую программу. Политикой он совсем не увлекался. Музыка любит. А он не переключает. Я газетой пошелестел, украдкой на него смотрю. И вижу — сын мой в кресле сидел, руки его в подлокотники вцепились так, что белыми стали. Сам не шелохнётся. Я понял — он не переключит. Ещё сколько мог, держался закрывшись газетой. Потом не выдержал, смял газету, отбросил её в сторону, резко встал и сказал, выкрикнул: “Ты выключишь наконец? Выключишь?” Сын мой тоже встал. Но к телевизору он не пошёл. Стоит мой сын напротив меня, смотрит мне сын в глаза и молчит. А по телевизору продолжают... А мой сын смотрит на меня.

Ночью я им записку написал: “Ухожу на некоторое время, так, мол, надо”. И ушёл навсегда.

— Почему навсегда?

— Потому...

Мы долго молчали. Я попытался поудобнее устроиться на фанерке и вздремнуть. Но он снова заговорил:

— Значит, Анастасия говорит: “Перенесу людей через отрезок времени тёмных сил? Перенесу, и точка”!

— Да, говорит. И верит сама, что это получится у неё.

— Полк бы ей отборный. Я солдатом пошёл бы служить в этот полк.

— Какой полк? Не понял ты. Она же насиле отрицает. Она убедить как-то хочет людей. Лучиком своим пытается что-то сделать.

— Думаю, чувствую, она сделает. Многие захотят быть лучиком её обогретыми. Да не многие поймут, что самим тоже нужно немного мозгами шевелить. Помогать Анастасии нужно. Она одна. Даже взвода у неё нет. Тебя вот призвала, попросила, а ты в подвале, как бомж, валяешься. Тоже мне, предприниматель!

— Ты тоже вот, кагэбэшник, валяешься тут.

— Ладно, спи солдат.

— Холодновато в казарме твоей.

— Что ж, бывает и такое. Сожмись в комочек, тепло сохраняй.

Потом он встал, достал из проёма пакет целлофановый, укрыл меня чем-то вытащенным из пакетика. В тусклом свете свечи блеснули рядом с моим лицом три звезды на погоне кителя. Стало теплее под кителем, и я уснул.

Сквозь сон слышал, как пришли бомжи в свой угол с тряпьем и требовали у полковника бутылку за мой ночлег, он обещал им днём расплатиться, но они настаивали, чтобы он немедленно расплачивался, угрожали. Полковник перенёс свою фанеру-лежанку, положив её между мной и пришедшими бомжами, заявил: “Тронете только через мой труп”. И лёг на свою фанерку, заслонив меня от бомжей. Потом всё стихло. Мне стало тепло и спокойно. Проснулся я, когда полковник стал трясти меня за плечо.

— Вставай. Подъём. Выбираться надо. За тусклым подвальным окном едва начинался рассвет. Я сел на фанерку. Сильно болела голова и трудно дышалось.

— Рано ещё. Не рассвело даже.

— Ещё немного, и будет поздно. Они вату подожгли с порошком. Старый фокус. Ещё немного и одуреет от удушья.

Он подошёл к окну и какой-то железкой стал выковыривать раму. Дверь бомжи заперли снаружи. Вытащив раму, он разбил стекло и полез по ней в оконный проём. Подвальное окно выходило в бетонное углубление, закрытое решёткой. Он стал возиться с решёткой, пытаясь её вытащить из креплений, но что-то не получалось у него. Я стоял, прислонившись к стене. Голова кружилась. Полковник, высунувшись в оконный проём, скомандовал: “Присядь на корточки. Внизу дыма меньше. Старайся не шевелиться. Меньше воздуха вдыхай”.

Он выдавил решётку, упёршись в неё своими плечами. Сдвинул её и помог выбраться мне.

Мы сидели на бетонной отмостке у подвального окна, молча дышали предрассветным воздухом просыпающейся Москвы. Головокружение постепенно проходило, становилось холодно, каждый молча думал о своём.

Потом я сказал:

— Соседи твои не очень-то дружелюбные, они что ли тут главные?

— Здесь каждый сам себе главный. У них промысел такой. Новичка приведут, за постой с него плату взимают. Если отказывается платить, подсыпают чего-нибудь ему в стакан или обдымят во сне, как нас пытались, потом себе что захотят возьмут, если есть чего брать.

— А ты, значит, кагэбэшник, смотришь на всё это равнодушно. Двинул бы им хорошенько за такие дела. Или ты только в кабинетах, как чиновник, с бумагами сидел всё время, приёмов не знаешь?

— В кабинетах сидеть приходилось и не в кабинетах бывать приходилось. Приёмы знать — это одно, применять их — совсем другое. Одно дело — противник, враг. Другое — человек. А я не рассчитать могу, излишнее получится.

— Это они-то человеки? Пока ты так рассуждаешь, они людей гробят. На убийство готовы.

— Готовы и на убийство. Но физическими приёмами этого не остановить.

— Философствуешь, а мы чуть не погибли. Еле выкарабкались, а другие могут не выкарабкаться.

— Другие могут и не выкарабкаться...

— Ну, вот, видишь. Так чего же философствуешь, а не действуешь?

— Не могу я людей бить. Говорю же, не рассчитать могу. Давай двигай к своему месту дислокации. Рассвело уже.

Я встал, пожал ему руку и пошёл.

Через несколько шагов он окликнул меня:

— Погоди! Вернись на минутку.

Я подошёл к сидящему на бетонной отмостке полковнику-бомжу. Он сидел, опустив голову и молчал.

— Зачем звал? — спросил я.

Через паузу он заговорил:

— Значит, ты думаешь, что сможешь дойти?

— Думаю, смогу. Тут недалеко. Три остановки всего. Дойду.

— Я имею в виду — к цели дойти сможешь? Уверен? Книгу написать, издать её?

— Я буду действовать. Сначала попробую писать.

— Анастасия, значит, сказала, что у тебя должно получиться?

— Да, она так сказала.

— Так что ж ты сразу этим не занялся?

— Другое считал более важным.

— Значит, приказы в точности выполнять не можешь?

— Анастасия не приказывала. Она просила.

— Просила... Она, значит, и тактику и стратегию сама разработала. А ты по-своему, значит, решил и только усложнил всё.

— Так получилось.

— Получилось... Надо внимательнее к приказам относиться. На вот, возьми.

Он протянул мне что-то завернутое в маленький целлофановый пакетик. Я развернул его и увидел сквозь целлофан золотое обручальное колечко и серебряный крестик на цепочке.

— Перекупщики за полцены у тебя это купят. Ты и отдай им за полцены. Может, поможет продержаться. Жить негде будет, приходи сюда. Разберусь я с ними...

— Ты что? Не возьму я этого!

— Не рассуждай. Тебе пора. Иди. Ну же! Вперёд!

— Говорю тебе, не возьму! — Я попытался вернуть ему колечко и крестик, но наткнулся на властный и в то же время умоляющий взгляд.

— Кругом. Вперёд! Шагом марш! — произнёс сдавленным, не терпящим возражения шёпотом и через паузу, уже вслед мне, просяще: — Только дойди.

Придя на квартиру, я хотел лечь спать, даже прилёг. Да бомж-полковник никак из головы не выходил.

Оделся я в чистое и пошёл к нему. Думал по дороге: “Может, согласится он со мной пожить. Приспособленный он ко всему. Практичный и аккуратный. К тому же — художник. Может быть, картинку для обложки книжки нарисует. Да и на оплату квартиры вместе с ним легче будет подработать. За следующий месяц платить уже нечем”.

При подходе к подвальному окну, из которого мы выбирались на рассвете, я увидел группу людей — жильцов дома, милицейскую машину и “скорую помощь”.

Полковник-бомж лежал на земле с закрытыми глазами и улыбкой на лице. Он был испачкан мокрой землёй. Мёртвая рука сжимала кусок красного кирпича. У стены стоял сломанный деревянный ящик.

Судмедэксперт записывал что-то в блокнот, стоя у трупа другого человека, в мятой, затасканной одежде и с искажённым лицом.

В небольшой толпе, наверное из жильцов дома, всё тараторила возбуждённо женщина:

— ... Я собачку выгуливала, он, тот, что улыбается, на ящике стоял к стене лицом, а они, трое, бомжи по виду, мужчины два и женщина с ними, сзади к нему подошли. Мужчина ящик как дёрнет, он и рухнул с ящика на землю. Они его ногами бить стали, ругаться. Я закричала на них. Бить они перестали. Этот улыбающийся встал. Тяжело он вставал. И говорит им, чтобы уходили и больше на глаза ему никогда не попадались. Они снова ругаться стали, на него пошли. Когда подошли, он резко так, прямо и не размахиваясь, ладонью, ребром ладони по горлу тому, кто ящик выдёргивал, ударил. И не размахивался вроде, а как ударил, то тот и скрючился, задыхаться стал. Я закричала снова. Двое сразу побежали. Сначала женщина, потом мужчина за ней побежал. Улыбающийся этот за сердце держится. Ему бы присесть или прилечь тут же, раз сердце прихватило, а он снова к ящику своему подошёл. Медленно так подошёл, к стеночке его подвинул. Сам за стену держится и лезет на ящик. Встал на него. Да совсем плохо ему, видно, стало. Вниз оседать начал. Оседает и всё чертит кирпичом красным по стене, так до земли

дочертил, лёг лицом кверху у стеночки. Я подбежала, смотрю, а он не дышит. Не дышит, а улыбается.

— Зачем он на ящик полез? — спросил я у женщины.

— Да, зачем он лез, раз сердце прихватило? — переспросили из толпы.

— Так он же рисовать всё хотел. И когда эти трое бомжей к нему сзади подкрались, рисовал он. Потому, наверное, и не заметил их. Я с собачкой своей долго гуляла, а он всё время на своём ящике стоял и рисовал. Ни разу не повернулся от своего рисунка. Вот же рисунок, повыше, — показала женщина рукой на кирпичную стену дома.

На серой стене дома красным кирпичом был нарисован круг солнышка, в середине его кедровая веточка, а по краям круга-солнышка, по кругу, буквы какие-то неровные.

Я подошёл поближе к стене, прочитал: “ З в е н я щ и е К е д р ы Р о с с и и ” . Ещё лучики шли от солнышка. Их было только три. Больше бомж-полковник не успел нарисовать. Два коротких лучика, третий тянулся, искривляясь и затухая, до самого основания стены к земле, где лежал, улыбаясь, мёртвый бомж-полковник.

Я смотрел на его запачканное землёй улыбающееся лицо и думал: “Может быть, успела Анастасия в последнее мгновение его жизни прикоснуться к нему своим Лучиком, обогреть. Хоть немножко обогреть Душу этого человека и унести её в светлую бесконечность”.

Я смотрел, как грузили в машину тела погибших. “Моего” полковника бросили небрежно. Его голова ударилась о дно кузова. Я не выдержал. Сорвал с себя куртку, подбежал к машине, стал требовать, чтобы подложили под голову ему куртку. Один санитар выругался на меня, но второй молча взял куртку и положил под сидящую голову полковника. Машины ушли. Стало пусто, словно и не произошло ничего. Я стоял и смотрел на освещаемый утренним солнцем рисунок и надпись. Мысли смешивались. Что-то, хоть что-то я должен сделать для него, для этого кагэбэшника, погибшего здесь офицера России! Ну что? Что? Потом решил: “Я помещу твой рисунок, офицер, на обложку своей книжки. Я обязательно напишу её. Хоть пока ещё не умею писать, всё равно напишу, и не одну. И на всех буду помещать твой рисунок как эмблему. И обращаюсь в книжке ко всем россиянам:

“Россияне, не стреляйте в сердца своих офицеров невидимыми, разрывными пулями, пулями жестокости и бездушия.

Не стреляйте с тыла ни в белых, ни в красных, синих или зелёных своих солдат, прапорщиков и генералов. Пули, которые в них выпускаются с тыла, страшнее свинцовых. Не стреляйте в своих офицеров, Р о с с и я н е ! ! ! ”

Писал я быстро. Время от времени приходили Антон, Артём и Лёша, студенты-программисты, что-то приносили поесть. Они ещё не знали про Анастасию. Но я им объяснил, что решить вопрос по организации сообщества можно с помощью книги, которую я должен написать. И они взялись набирать текст книги на компьютерах. В основном эту работу делал Лёша Новичков. Он приходил раз в три дня, приносил отпечатанный текст и забирал рукопись с новой главой. Так длилось два месяца.

Однажды Лёша принёс последнюю отпечатанную главу первой книги, дискету с полным набором текста, две бутылки пива, сардельки, ещё что-то из еды и двадцать тысяч рублей принёс, на кухонный стол всё это выложил. Я удивлённо спросил у него:

— Это откуда же у тебя, Лёша, богатство такое?

Жил он вдвоём с мамой, в средствах весьма ограничен, на метро и бутерброды не всегда хватало.

— Сессия у нас идёт, Владимир Николаевич, — ответил Алексей, — я некоторым студентам чертежи делаю, программы разные, тем, кто сам ленится или не может. Вот оплату получил.

— А сам ты сессию сдаёшь?

— Сдаю. Ещё один экзамен у меня остался, а через два дня меня на сборы военные на месяц заберут, в Кинешму. Хорошо, что вы “Анастасию” успели написать. Теперь, если что-нибудь исправлять будете, Артём допечатает, а Антон уже на сборах.

— Как же ты, Лёша, успевал экзамены сдавать, чертежи другим чертить, программы делать и ещё “Анастасию” каждый день набирать и распечатывать?

Лёша молчал. Я повернулся к кухонному столу, чтобы поставить на стол сварившиеся сардельки. Лёша, положив руки и голову на лежавшие на столе печатные листки с текстом рукописи об Анастасии, крепко спал...

Разгадать тайну

Стоя на кухне в небольшой московской квартире перед столом с остывающими сардельками и спящим на листках с текстом книги об Анастасии Лёшей Новичковым, я дал себе слово — найти способ снова скопить капитал, вернуть свой теплоход, для того чтобы отправить его по тому же маршруту, на котором произошла встреча с Анастасией. Но не торговать, как раньше. Отправить теплоход в период белых ночей, чтобы могли на нём в самой лучшей каюте нормально отдохнуть Лёша Новичков, Антон и Артём и все те, кто стремились, несмотря на неурядицы, часто пренебрегая собственными материальными благами, организовать сообщество предпринимателей с более чистыми помыслами.

И что же это за идея такая, почему захватывает она людей? Почему стала она так близка и мне? Что за тайна кроется в ней? Необходимо разобраться в этом и конкретизировать, попытаться разгадать тайну её и предназначение. И почему так загораются люди мечтой таёжной отшельницы? Что в ней скрыто? Как разгадать тайну?

Журналист “Московской правды” Катя Головина пыталась это сделать, спрашивая у студентов: “Что движет вами, в чём личный интерес?” Но они не смогли ответить внятно, лишь сказали: “Дело стоящее”. Значит, и они действуют интуитивно. Но что же стоит за этой интуицией?

В московской типографии номер одиннадцать за счёт типографии была напечатана двухтысячным тиражом первая тоненькая книжка об Анастасии. Почему генеральный директор этой типографии Грузя Геннадий Владимирович решился напечатать книжку неизвестного автора? Почему он сделал это и, несмотря на финансовые трудности, использовал не газетную, а улучшенную офсетную бумагу?

Первые книжки я продавал сам у выхода из метро “Таганская”. Потом мне стали помогать первые читатели. Пожилая женщина ежедневно продавала её у метро “Добрынинская”. Она каждому подошедшему к ней подробно объясняла, что книжка хорошая. Почему? Потом читатели стали продавать её ещё и в подмосковных домах отдыха, сами писали объявления и организовывали встречи с читателями — отдыхающими. Потом коммерческий директор Московского издательско-реализационного концерна Никитин Юрий Анатольевич вдруг решил внести в типографию предоплату ещё за две тысячи экземпляров. Его действия были странными.

Он приехал ко мне на машине и сказал: “Я сегодня уезжаю с сыном за рубеж на соревнование по теннису. Самолёт вечером. Надо успеть внести предоплату”.

Он оплатил новый тираж. Когда настало время его получать, Никитин сообщил:

— Летом вообще-то мы книжками не торгуем, я возьму себе несколько пачек, остальными распоряжайся сам. Если деньги появятся, отдашь”.

Много “почему” с момента начала работы над рукописью и по сей день связаны с этой книжкой. Она, словно живая, сама притягивала к себе людей и с их помощью пробивалась в жизнь. Я относил события, связанные с ней, как случайно происходящее. Да только случайности стали складываться в звенья последовательно выстраиваемой цепи. Теперь и не знаю, где случайность, где закономерность происходящего? Они стали трудноотличимыми.

Отец Феодорит

Настал момент, когда я посчитал возможным, встретиться с отцом Феодоритом. Там, в тайге, на мой вопрос: “Есть ли в нашем мире люди с такими же, как у тебя способностями, знаниями? Но живущие не так далеко, как ты?” Анастасия ответила:

— В разных уголках земли есть люди, образ жизни которых отличается от технократического. Разные у всех способности. Но и в вашем мире есть человек, к которому не трудно тебе будет добраться и зимой, и летом. Сила Духа его велика.

— Ты знаешь, где живёт он, его можно увидеть, разговаривать с ним?

— Да.

— Кто он?

— Этот твой отец, Владимир.

— Что? Эх, Анастасия, Анастасия... Так хотел я от тебя доказательств правоты твоей услышать, а получилось наоборот всё. Мой отец умер восемнадцать лет назад и похоронен в небольшом городке Брянской области.

Анастасия сидела на траве, прислонившись спиной к дереву, поджав колени, и молча смотрела мне в глаза. Взгляд её был чуть грустным и сожалеющим. Потом молча опустила голову на колени. Я подумал, что Анастасию расстроила ошибка в отношении моего отца, и попытался утешить ее:

— Ты, Анастасия, не расстраивайся так уж сильно. Ты потому, наверное, ошиблась, что, как сама говорила, сил в тебе мало осталось.

(Этот разговор происходил после того, когда она теряла сознание, спасая мужчину и женщину от расправы. Я описывал эту ситуацию в первой книге.)

Анастасия помолчала ещё некоторое время, потом подняла голову и снова, посмотрев мне в глаза, сказала:

— Сил стало меньше во мне, но не настолько меньше, чтобы я могла ошибаться.

Далее она стала излагать события двадцатишестилетней давности. Излагать с точностью и в деталях прошлое, и даже передавала при этом нюансы внутренних ощущений.

Ещё как-то можно понять, что по внешнему едва заметному выражению лица, позы, глаз можно определить мысли собеседника. Но каким образом она просматривает, словно документальную киноплёнку, прошлое, так и осталось загадкой.

Сама Анастасия нормальным, понятным языком объяснить этого так и не смогла. А изложила она вот что.

Недалеко от города Москвы есть Троице-Сергиева Лавра. Располагается она в городе, который называется Сергиев Посад. За толстыми древними стенами Троице-Сергиевой Лавры есть духовная семинария, академия, храмы и монастырь. Храмы доступны для людей, и всякий желающий может прийти, помолиться в этом святом месте Руси. Даже в дни гонения верующих не были разрушены, действовали за этими стенами семинария, академия, монастырь, в котором служили Богу сподвижники-монахи.

Двадцать шесть лет назад, как раз в день моего появления на свет, в ворота Троице-Сергиевой Лавры вошёл юноша. Он посетил музей, потом проследовал в большой храм. В храме читал проповедь высокий седой монах. И рост, и сан его были высоки. Это был Отец Феодорит — благочинный монастыря Троице-Сергиевой Лавры. Юноша прослушал проповедь и, когда Отец Феодорит удалился, проследовал за ним в сокровищницу. Юношу не остановили служители храма. Подойдя к Отцу Феодориту, он заговорил с ним о проповеди. И Отец Феодорит долго беседовал с ним. Юноша был крещёным, но достаточной веры в нём не было, он не соблюдал посты, не причащался, не ходил регулярно в церковь, но в тот день началась дружба Отца Феодорита и юноши.

Юноша приходил в монастырь, и с ним беседовал Отец Феодорит, показывал ему те святыни, доступа к которым у простых прихожан не было. Монах дарил юноше книги, а он терял их. Монах одел на шею юноши крестик, но и он был утерян. Монах дал юноше второй крестик, необыкновенный — крестик раскрывался как ларчик, — но и он был утерян. Монах приводил юношу даже в трапезную и сажал за один стол с монахами монастыря, каждый раз давал юноше немного денег, никогда ни в чём не упрекал и всегда ждал его прихода.

Так длилось год. Юноша бывал в монастыре каждую неделю, но однажды он ушёл и не пришёл через неделю. Монах ждал. Но юноша не пришёл и через месяц, и через год. Монах ждал. Сейчас прошло уже двадцать пять лет. Монах ждёт. Двадцать пять лет, Владимир, ждёт тебя твой духовный Отец — Великий Монах России — Отец Феодорит.

— Я уехал далеко от монастыря. В Сибирь. Я иногда вспоминал Отца Феодорита, — ответил я, словно оправдываясь перед собой или ещё кем-то.

— Но не написал ему ни одного письма, — заметила Анастасия.

— Я хочу увидеть его.

— И что же ты расскажешь ему? Может быть, о том, как деньги делал, был счастлив в любви и просто блудил? Как много раз был на краю гибели, но в последний момент уходила беда от тебя? Он и сам всё это увидит, взглянув на тебя. Он, замаливающий грехи твои и столько раз спасавший тебя молитвами своими, всё верит, как и двадцать пять лет назад. Он хотел бы много от тебя.

— Чего, Анастасия? Что знает Отец Феодорит, чего хочет?

— Я не могу пока разобраться в этом, он чувствовал интуитивно. Скажи, Владимир, ты помнишь беседы с ним, помнишь, что видел в монастырских сокровищницах?

— Всё очень смутно вспоминается, ведь давно это было, могу вспомнить лишь отдельные эпизоды.

— Попробуй вспомнить их, я помогу тебе.

— Отец Феодорит каждый раз беседовал со мной в разных местах монастыря. Я помню какие-то подземные или полуподземные помещения. Помню трапезную, длинный стол, за ним монахи ужинают, и я вместе с ними. Это было во время какого-то поста. Пища вся была постная, но мне понравилась.

— Были ли у тебя необычные ощущения, чувства при посещении монастыря?

— Однажды после ужина я вышел через монастырскую проходную во внутренний двор Лавры и направился к выходу. Ворота её были уже закрыты для прихожан. Двор был пуст. Толстые высокие стены не пропускали внешнего шума города. Вокруг возвышались одни храмы, стояла тишина. Я остановился. Казалось, зазвучала величественная музыка. Мне нужно было уходить. У ворот стоял дежурный монах, чтобы выпустить меня и закрыть засов на воротах. Но я всё стоял и слушал эту музыку, а потом медленно пошёл к воротам.

— Ты больше никогда не слышал этой музыки? Не испытывал этого ощущения.

— Нет.

— Ты пытался когда-нибудь ещё услышать эту музыку, вызвать в себе это ощущение?

— Да, но мне этого не удавалось. Я даже вставал на то же место, когда пришёл в следующий раз, но увыв...

— Вспомни ещё хоть что-нибудь, Владимир.

— Ты допрашиваешь меня. Всё так точно рассказала, что было со мной двадцать шесть лет назад, сама расскажи и что я чувствовал тогда.

— Это невозможно. Отец Феодорит не строил конкретных планов, он на что-то надеялся интуитивно. А сделал для тебя что-то большое и значимое. Ведомое только ему. И я только чувствую интуитивно: он думал о значимом и делал для этого много. Очень много. Но почему он связал желаемое с тобой, не обладающим элементарными способностями к быстрому приходу к вере, остаётся загадкой. И почему двадцать пять лет твоей беспутной жизни не сломили эту веру — тоже загадка. И почему ты, получивший столь многое, всё ещё бездействуешь? Почему? Я не могу понять этого. Ведь ничто во Вселенной не исчезает бесследно. Вспомни, пожалуйста, ещё хотя бы отдельные эпизоды из встреч и бесед со своим Отцом.

— Я помню зал или какую-то сокровищницу в духовной академии или семинарии, а может быть, это было в одном из подземных помещений монастыря. Какой-то монах открыл перед Отцом Феодоритом дверь, но сам он не вошёл туда. Мы вошли вдвоём с Отцом Феодоритом. На стенах какие-то картины, на полочках вещи...

— Ты там два раза удивился, чему?

— Удивился? Да, конечно, это удивило меня. Поразило...

— Что?

— Одна картина. Она была чёрно-белая, как бы карандашом написана. Это был очень чётко прописанный портрет какого-то человека.

— Так что же так удивило тебя?

— Не помню.

— Вспомни, Владимир. Попробуй, пожалуйста, вспомнить, я помогу тебе. Небольшой зал, вы вдвоём с Отцом Феодоритом стоите перед этой картиной, ты чуть впереди, отец говорит тебе: “Подойди к картине поближе, Владимир”. Ты сделал шаг вперёд, потом ещё шаг...

— Я вспомнил! Анастасия!

— Что?

— Эта картина, изображающая какого-то человека, была написана только одной линией. Пульсирующей линией-спиралью. Писавший её как будто поставил в середине белого листа карандаш или ещё что-то, чем пишут картины, и не отрываясь повёл свой инструмент по спирали, то нажимая им и тем самым утолщая линии, то едва касаясь листа, отчего линия становилась совсем тоненькая, но не прерывалась. Линия-спираль заканчивалась на краю листа, и в итоге получилась удивительная картина, портрет какого-то человека.

— Эту картину нужно выставить для обозрения всем желающим. Кто-то сможет расшифровать заложенную в ней информацию. Через пульсирующую линию, изображающую человека, люди должны что-то осознать.

— Каким образом?

— Ещё не знаю. Ну, например, точки и тире могут быть похожи на какую-то азбуку или нотные знаки, я только предполагаю, возможно и то, и другое или что-то ещё. Ты, когда вернёшься, попроси, чтобы выставили её на всеобщее обозрение или опубликовали где-то. Найдётся тот, кто расшифрует эту линию-спираль.

— Да кто меня послушает?

— Тебя послушают. Но в тот раз ты испытал ещё одно очень необычайное впечатление. Ты можешь вспомнить — какое?

— В этом зале или в соседнем помещении... Да, совсем в маленьком помещении стоял на возвышении красивый деревянный резной стул, или это было кресло, похожее на трон. Мы стояли с Отцом Феодоритом и смотрели на него. Отец Феодорит сказал, что к нему никто не прикасается.

— Но ты прикоснулся к нему. И даже сел на него.

— Мне это предложил сделать сам Отец Феодорит.

— И что-то произошло с тобой в этот момент.

— Ничего. Я сидел, смотрел на Отца Феодорита, а он стоял и молча смотрел мне в глаза. Просто смотрел.

— Вспомни, пожалуйста, Владимир попытайся вспомнить свои ощущения внутренние. Они являются самым важным.

— Да ничего такого особенного... Знаешь, только мысли какие-то в голове неслись, быстро-быстро, как будто бы плёнка магнитофонная на ускоренную перемотку поставлена и слова сливаются в непонятные звуки.

— А ты никогда не пробовал?.. Тебе, Владимир, впоследствии никогда не хотелось остановить эту плёнку, как бы прослушать её при нормальной скорости, понять звучащее?

— Как это?

— Задумавшись над сущностью бытия...

— Нет, не пробовал. Ты говоришь непонятно.

— А из того, что говорил тебе твой Отец Феодорит, ты всё понимал? Ты можешь вспомнить с точностью хотя бы одну его фразу, пусть даже без связи со всеми остальными?

— Да, но я действительно не могу вспомнить, с чем она связана.

— Произнеси её.

— "...Ты покажешь им..."

До сих пор сидевшая под деревом Анастасия вдруг встала, лицо её сияло. Она положила ладони на ствол Кедра, прижалась к нему щекой.

— Да! Конечно же! — воскликнула Анастасия. Она всплеснула руками и радостно заговорила:

— Воистину ты велик! Монах России! Знаешь, Владимир, одно я теперь могу сказать точно в отношении Отца Феодорита. Он сделал смешными множество учений мира, указав на главное.

— Мы с ним ни о каких учениях вообще не говорили. Рассуждали на обычные житейские темы.

— Да! Конечно! На обычные! Отец Феодорит говорил с тобой о том, что тебя волновало. Он показывал тебе святые творения, с уважением относясь к ним, но не с подобострастным показным преклонением. Наделённый высоким саном, он был простым, а главное, размышляющим, может быть, специально прямо при тебе. И не высказал ни одной догмы. И разве не будут смешными перед ним нахлынувшие в Россию проповедники, говорящие догмы и

уводящие от главного. Он так прочно оградил тебя от догм, что и меня ты воспринимаешь как наивную отшельницу. И не важно, кто я. Важно не уйти тебе от главного.

— От чего главного?

— От того, что есть в каждом человеке.

— Но как же может знать каждый человек учения мудрецов Запада или Востока, Индии и Тибета, если никогда о них не слышал даже?

— В человеке, Владимир, в каждом человеке изначально заложена абсолютно вся необходимая информация. Ему дана она сразу при рождении его. Как рука, нога, сердце, волосы. Все учения мира, все открытия взяты только через этот Источник. Как родители каждому своему ребёнку стремятся дать всё, так и Великий Творец каждому даёт всё сразу. Ничто рукотворное: ни множество книг, ни самые современные и будущие компьютеры, все вместе взятые, никогда не смогут вместить даже часть информации, содержащейся в одном человеке. Надо только уметь ею пользоваться.

— Почему же тогда не все открытия делают? И не каждый учения пишет?

— Кто-то из всего объёма достаёт крупицу Истины. И восхищённо твердит о Ней, считает, что Она дарована лишь ему. И что Она содержит в себе основное. Он твердит о Ней остальным, пытается заставить их думать только о Ней как об основной и единственной, тем самым закрывает в себе весь основной комплекс информации. *Знание Истин не в произношении их, а в образе жизни.*

— А какой образ жизни характерен для наиболее знающих Истину?

— Счастливый!

— А чтобы познать Истину, нужна осознанность и чистота помыслов.

— Мистика! Фантастика! — засмеялась заливисто Анастасия и добавила сквозь смех: — Ты читаешь мои мысли?

— Нет здесь никакой мистики, это просто внимательное отношение к человеку. Ты всегда всё сводишь к чистоте помыслов и осознанности.

— Мистика! Мистика! — смеясь, повторяла Анастасия. — Ты читаешь мысли мои. О, как это фантастично!

И я не выдержал её счастливого смеха, тоже рассмеялся. Потом спросил:

— Как ты думаешь, Анастасия, примет меня мой духовный Отец Феодорит, если я приду к нему? Будет говорить со мной? Не расстроится?

— Конечно примет и обрадуется приходу твоему! Он примет тебя любого. Только большей радость будет у него, если бы ты сделал хоть что-нибудь, используя имеющуюся у тебя информацию, осознал её. Приостанови ускоренно вращающуюся плёнку, Владимир, и ты многое поймёшь.

— Мой Отец живёт всё в том же монастыре? В Троице-Сергиевой Лавре?

— Твой Отец, этот великий старец Руси, сейчас живёт в маленьком монастырском Ските в лесу, неподалёку от Троице-Сергиевой Лавры. Устав Скита более строг, чем монастырский, и твой Отец — настоятель этого Скита. Скит расположен в лесу, в необыкновенно красивом месте. Там всего несколько домиков с кельями. В этом лесном Ските есть маленькая деревянная церковь. Она не крашена и купола её не позолочены, но она очень, очень красивая, уютная и чистенькая, в ней две печки для отопления. В ней не продаются и не покупаются, как обычно, церковные свечи. И ничего в ней не продаётся и не покупается, как во многих других церквях. Она ничем и никем не осквернена, доступа нет прихожанам в Скит. В этой церкви и сейчас молится твой духовный Отец Феодорит. Молится за спасение Душ всех людей и тебя. Молится за чад, забывших своих родителей, молится за родителей, забытых детьми. Приди к нему и поклонись. Попроси отпущение грехов. Велика сила Духа его. И от меня поклонись Отцу Феодориту.

— Хорошо, Анастасия... Поклонюсь... И знаешь, я, наверное, сначала попробую сделать то, о чём просила ты меня.

Приехав в Сергиев Посад, подмосковный городок, который раньше назывался Загорск, я, как и двадцать семь лет назад, вошёл в ворота Троице-Сергиевой Лавры. Сразу направился к - проходной действующего монастыря. Раньше, представившись, я мог легко вызвать Отца

Феодорита. Но теперь дежурный монах ответил, что в сани отца благочинного не Отец Феодорит. Отец Феодорит есть в монастыре, он живёт в лесу, за территорией монастыря. Прихожане туда не ходят. Я сказал монаху, что был знаком с Отцом Феодоритом и назвал для убедительности монастырские святыни, которые показывал мне Отец Феодорит.

Мне сообщили, где расположен лесной скит. С непонятным волнением подходил я к небольшой деревянной лесной церквушке. Необыкновенно красивой, гармонично вписывающейся в окружающую природу. От неподалёку расположенных вокруг церквушки нескольких деревянных домиков-келий вели к церкви тропинки.

С Отцом Феодоритом встретились мы на деревянном крыльчке лесной церкви. Я растерялся... “Только ты не смущайся и постарайся не удивляться при встрече со своим Отцом”, — вспомнил слова Анастасии. Однако непонятное чувство смятения не проходило. Отец Феодорит был сед и стар, но не старше, чем двадцать семь лет назад. Мы сидели на деревянных чурбачках, на крыльчке лесной церквушки и молчали. Я пытался что-то говорить, да не получалось как-то нужное сказать. Казалось, он и так всё знает и слова бессмысленно произносить. Словно и не прошло двадцать семь лет с момента нашей последней встречи, казалось, расстались мы только вчера.

Я принёс Отцу Феодориту книжку про Анастасию. И не доставал её, чтобы передать ему. Я показывал книжку разным священнослужителям, одни смотрели её и говорили, что таких книг они не читают. Другие спрашивали, о чём она, и после краткого рассказа заявляли, что Анастасия — язычница. Мне не хотелось огорчать Отца Феодорита и не хотелось, чтобы и он отверг её. Всякий раз, когда кто-то пытался говорить об Анастасии плохо, во мне возникало чувство противостояния. Я даже поругался со служителем Новоспасского монастыря. Он мне показывает на двух женщин в чёрных платках и тёмной одежде и говорит:

— Вот какими должны быть богопослушные женщины.

Я ему ответил:

— Если Анастасия весёлая и жизнерадостная, так, может, Богу так угодно. Смотреть приятнее на жизнерадостных, чем на таких понурых.

С волнением достал я свою книжку и протянул её Отцу Феодориту. Он спокойно взял её, положил на ладонь.

Медленно погладил ладонью второй руки, словно чувствовал что-то своими руками, и сказал:

— Ты хочешь, чтобы я прочитал? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Хорошо, оставь мне её.

Через два дня, утром, я снова пришёл к Отцу Феодориту. Мы сидели в лесу на совсем маленькой лавочке, около кельи Отца Феодорита. И разговаривали обо всём. Его манера разговора была такой же, как и двадцать семь лет назад, но только одно, очень странное обстоятельство не давало мне покоя: Почему Отец Феодорит выглядит даже чуть моложе, чем двадцать семь лет назад? И вдруг он, прервав свои размышления, произнёс:

— Владимир, твой Отец Феодорит умер.

Я сначала растерялся, потом спросил:

— А вы тогда кто?

— Я Отец Феодорит, — и, едва заметно улыбаясь, смотрит на меня. Я снова спрашиваю:

— Скажите, где его могила?

— На кладбище старом.

— Я хочу увидеть её. Как найти? Он не ответил про могилу, сказав лишь:

— Ты приходи ко мне, как время будет.

И дальше стало происходить совсем непонятное.

— Обедать пора, — сказал Отец Феодорит. — Пойдём, я покормлю тебя. В маленьком домике — трапезной я сел за стол. На столе был борщ в кастрюле, картошка-пюре с рыбой, компот. Он налил мне борщ и я стал есть. Сам Отец Феодорит не ел. Он просто сидел за столом. Когда я начал есть картошку, она мне очень понравилась. И напомнила... Вкус картошки был точно таким же, как в монастырской трапезной двадцать семь лет назад. Я на всю жизнь запомнил его. Голова шла кругом. С одной стороны со мной рядом другой Отец Феодорит, с другой — он говорит и ведёт себя точно так же, как раньше. Я вспомнил, что однажды, много лет назад, когда мы были в одном из монастырских помещений, Отец Феодорит предложил мне сфотографироваться с ним. Я согласился. Он вызвал какого-то монаха с фотоаппаратом и мы сфотографировались. Теперь я решил внести ясность в ситуацию с помощью вот чего. Мне было

известно, что монахи не любят позировать. И подумал, что сейчас предложу сфотографироваться Отцу Феодориту и церквушку лесную заснять на цветную плёнку. Если откажется, значит это не тот Отец Феодорит, не мой. И предложил:

— Давайте сфотографируемся с Вами.

Отец Феодорит не отказался и мы сфотографировались. И церквушку я заснял, красивую. Хорошо она получилась, хоть аппарат у меня был простенький.

Когда я уезжал, Отец Феодорит дал мне небольшую дорожную Библию. Написано в ней было не стихами, как во всех Библиях, а просто текстом, как в книгах, и пояснил:

— Когда в своей книге на Библию ссылаешься, надо указывать точно главу, на которую ссылаешься.

На мою просьбу принять и поговорить с людьми, желающими встретиться с Анастасией, чтобы им не ехать так далеко в Сибирскую тайгу, Отец Феодорит ответил:

— Ты знаешь, я ещё сам в себе до конца не разобрался. Приходи пока один, когда время будет.

Меня разочаровал отказ Отца Феодорита, но настаивать я не стал. Разговаривая с ним о разном, я сделал для себя следующий вывод: в монастырях России есть старцы, чья мудрость и простота изъяснения намного превосходит многочисленных проповедников духовных конфессий наших и импортных.

Только что же Вы молчите, умудрённые старцы России!? По собственному молчите уразумению, или есть какие-то силы тёмные, не дающие Вам говорить. В церковь на службу придёшь — она на языке, который не понимают. И тогда идут люди толпами, деньги платят, чтобы послушать на понятном языке говорящих проповедников. Может быть, потому едут Россияне толпами к заморским святыням, забывая свои. Мне всегда очень хорошо становилось на Душе после общения с Отцом Феодоритом. Проще, яснее и понятнее говорит он, чем множество проповедников, которых я слушал после встречи с Анастасией, чтобы осознать сказанное ею. Хочу, чтобы и другим хорошо было. Но когда же заговорите Вы, мудрые старцы России?

Пространство любви

После продажи первого тиража книжки об Анастасии, мне выплатили авторский гонорар. Я поехал на ВДНХ, теперь Всесоюзный выставочный центр ВВЦ. Почему-то я любил бывать там. В этот раз я шёл вдоль множества закусовых и открытых шашлычных, манящих вкусными запахами и боролся с желанием закупить всей этой вкуснятины. Хоть и были в моём кармане несколько сот тысяч рублей, я решил расхотать их экономнее. И вдруг произошло невероятное. Негромким, но абсолютно чётким, я услышал голос Анастасии:

— Купи себе поесть, Владимир. Что захочешь купи. Теперь тебе не нужно так сильно ограничиваться в питании.

Я прошёл ещё несколько шагов мимо открытых закусовых, и снова голос:

— Что же ты проходишь? Поешь, пожалуйста, Владимир.

— Надо же, какое наваждение, — подумал я. Отошёл к скамейке на аллее, подальше от людей. Сел и тихо прошептал, наклонившись, чтоб не подумали, будто сам с собой разговариваю.

— Анастасия, неужели я слышу твой голос? — в ответ тут же чётко и ясно:

— Ты слышишь мой голос, Владимир.

— Здравствуй, Анастасия. Почему же раньше ты не говорила со мной? Столько вопросов накопилось. Читатели на встречах задают вопросы, а я на многие ответить не могу.

— Я говорила. Всё время говорить старалась с тобой. Но ты не слышишь меня. Однажды, когда ты решил покончить с собой, я даже закричала от волнения. Не помогло. Ты не слышал меня. Потом догадалась, запела. Эту песню и заиграли на скрипках две девушки в метро. Они слышали её и заиграли. Ты как мелодию услышал той песни, что в тайге тебе пела, вспомнил обо мне. Я так волновалась тогда, чуть молоко не пропало.

— Какое молоко, Анастасия?

— Грудное молоко. Молоко для нашего сына. Я ведь родила его, Владимир.

— Родила... Анастасия... Тебе трудно? Как же ты там одна с ребёнком в тайге. Как он... Ты говорила, я помню, ты говорила: “Только не вовремя это будет...”

— Всё хорошо. Природа проснулась раньше, теперь мне помогает. И сыну нашему хорошо. Он крепыш. Улыбается уже. Только кожа у него немножечко сухая, как у тебя. Но это ничего, пройдёт. Всё будет хорошо. Вот увидишь. Тебе труднее, чем нам сейчас. Но сделай ещё шаг. Допиши. Я знаю, как трудно тебе было, и впереди ещё придётся нелегко. Но ты иди. Иди путём своим.

— Да, Анастасия... — Я хотел рассказать ей, что писать книжку труднее, чем заниматься бизнесом. Про ситуацию в своей семье и с фирмой хотел рассказать. Вообще про все перипетии последнего года. И что дома у меня теперь нет, семьи, как в дурдом чуть не попал. Про мечту её хотел так высказаться, чтоб больше не замахивалась своими мечтами, не увлекала ими людей. Но подумал: зачем расстраивать кормящую мать, молоко её может подпортиться. И сказал ей:

— Да ты не беспокойся по пустякам, Анастасия. Никаких трудностей особенных у меня нет. Подумаешь, книжку написал. Да это полегче, чем бизнес-план составить. Когда бизнес-план составляешь, очень много нужно разных нюансов заранее предвидеть. А тут сиди себе да описывай то, что уже произошло. Как в анекдоте про чукчу: “Что вижу, то и пою”.

И ещё... Ты знаешь, Анастасия... Казавшиеся лишь фантазией, твои мечты сбываются. Невероятно это, а они сбываются. Вот и книга написана. Ты помечтала о ней, и теперь она существует. Её действительно читают люди с интересом. О ней теперь и в газетах столичных печатают. Стихи о тебе, о природе, о России сочиняют читатели. Я картину нашёл в хранилищах Троице-Сергиевой Лавры, о которой мы с тобой говорили. Картина сохранилась, называется “Единый единою”. Опубликую её. И, представляешь, барды... Ты помнишь, о бардах мне говорила?

— Да. Я помню, Владимир.

— Так надо же, и это тоже начинает сбываться. На одной читательской конференции ко мне подошёл русоволосый мужчина, протянул аудиокассету и коротко, по-военному, сказал: “Песни для Анастасии. Прошу, примите”.

Эту кассету прослушали в молчании, приехавшие на конференцию журналисты, читатели, сотрудники Московского исследовательского центра — Александр Солнцев и Александр Закоцкий. Потом её стали переписывать разные люди. Переписывать и разыскивать русоволосого мужчину небольшого роста, внешне непримечательного, как-то неожиданно появившегося и также неожиданно ушедшего. Им оказался офицер-подводник из Санкт-Петербурга, учёный Александр Коротынский. Он мне рассказал потом, как поднялась их терпящая аварию подводная лодка. Как уверенно вела его цепь случайностей вместе с этой вручённой мне кассетой. Вела, чтобы вручить её. Александр Коротынский оказался ещё и бардом. А в его песне “Храм” звучат целые фразы, сказанные тобой. Вот эти, помнишь?

Не верь чужим словам,
Коль скажут, всё пройдёт.
Из тех, кто видит храм,
Не всяк в него войдёт.

Пусть наша жизнь, как бег
По разным этажам,
Но каждый человек
Свой выбор сделал сам.

И ещё, у Коротынского нет голоса певца. Почти речитативом поёт. Но именно это и подтвердило твои слова о силе слов, связанных невидимыми ниточками с Душой. Бард Коротынский реально показал это.

— За светлую радость, которую несёшь ты людям, за очищение Душ спасибо тебе, Бард, спасибо, — сказала Анастасия.

— Ты представляешь, снова офицер! И Грузца офицер, он книжку первый напечатал. И бомж-полковник картинку к ней нарисовал. И лётчик, командир полка, продавать помогал книжки. Теперь вот песни первым тоже офицер принёс. И что это твой Луч так Души офицеров зажигает? На них ты светишь больше, чем на других?

— Ко многим прикасался Луч, но загораются лишь там стремления, где есть чему гореть.

— Твоя мечта, Анастасия, всё же воплощается в реальности. Люди её подхватывают, понимают. И бож-полковник понял. Я познакомился с ним случайно, жалко его, погиб он. Я видел, как он мёртвым лежал. Лицо всё в земле испачкано, но улыбался. Мёртвый, а улыбался. Это ты что-то сделала своим Лучом? Что означает, когда с улыбкой умирает человек?

— Тот человек, что был с тобой... Он сейчас с бардом, на тропе невидимой. От пуль, что пострашней свинцовых, его улыбка многие спасёт сердца.

— Твоя мечта, Анастасия, входит в наш Мир, и Он словно начинает меняться. Люди некоторые чувствуют тебя, понимают, силы откуда-то в них появляются, они и меняют. Мир чуть лучше становится. Но ты... Ты по-прежнему там, в тайге, на своей полянке. Я не смогу жить в таких условиях, как ты живёшь. И ты не сможешь жить в нашем мире. Зачем тогда нужна твоя любовь? Бессмысленна твоя любовь, и я до сих пор не пойму своего отношения к тебе. А зачем понимать, когда и так ясно: мы никогда не будем вместе. Рядом.

— Мы вместе, Владимир. Рядом.

— Вместе?! Где же ты? Когда любят, стремятся быть всегда рядом. Обнять, приласкать. Ты слишком необычна. Тебе этого не нужно.

— Мне это нужно. Как и всем. И я это делаю.

— Но как?

— Вот сейчас. Разве ты не чувствуешь ласковое прикосновение ветерка, его ласковое объятие? И солнечного лучика прикосновение тёплое. Как поют для тебя радостно птицы и шелестит листва на дереве, под которым ты сидишь! Прислушайся, ведь это необычный шелест!

— Но оно — всё, что ты назвала, — для всех. И разве это всё ты?

— Любовь, растворённая в Пространстве для одного, может прикоснуться к Душам многих.

— Зачем Любовь растворять в Пространстве?

— Чтобы рядом с любимым всегда было Пространство Любви. В этом суть Любви, её предназначение.

— Непонятно как-то всё это. И голос твой... Раньше не слышал на расстоянии, теперь слышу. Почему?

— На расстоянии не голос звучит. Не ушами, а сердцем слышать нужно, ты научись сердцем...

— Зачем учиться, ты говори всегда, как сейчас, голосом.

— Всегда не смогу.

— Но ведь сейчас говоришь. Я же слышу.

— Дедушка сейчас помогает нам. Ты с ним поговори, мне идти нужно кормить нашего сына, и других дел множество. Так хочется успеть всё.

— У дедушки, значит, получается, у тебя нет. Почему?

— Потому что дедушка где-то рядом сейчас. Совсем рядом с тобой.

— Где?

Дедушка Анастасии

Я оглянулся по сторонам... Дедушка Анастасии стоял почти рядом с лавочкой, палочкой подталкивая к урне кем-то брошенную на газон бумажку. Я вскочил. Мы поздоровались с ним за руку. Глаза его весёлые, добрые, и в общении он простой. Не то что прадед. Прадед, когда в тайге его видел, молчал всё время, и глаза его в пространство смотрят, словно сквозь человека.

Мы сели с дедушкой на лавочку, я спросил его:

— Как же вы добрались и меня нашли?

— Не такая уж проблема добраться и тебя найти с помощью Анастасии.

— Надо же, родила она... Сказала, что родит — и родила... Одна, в тайге, не в больнице. Больно, наверное, было ей? Кричала?

— Это с чего же больно должно было ей быть?

— Ну, женщины когда рожают — им же больно. Некоторые даже умирают при родах.

— Больно бывает только тогда, когда зачат человек греховно. Вследствие утех плотских. За это женщина и расплачивается болью при родах и муками жизни в последующем. Если же - зачатие с иными устремлениями произошло, боль лишь усиливает у рожавшей ощущение великой радости творения.

— Куда же боль девается? Как она может радость усиливать?

— Женщину когда насилуют, она что испытывает? Конечно же боль, отвращение. А когда сама отдаётся, то та же боль в другие ощущения переходит. Такая же разница и при родах бывает.

— Значит, Анастасия без боли родила?

— Конечно без боли. И день выбрала подходящий, тёплый, солнечный.

— Как выбрала? Рожают ведь неожиданно.

— Неожиданно, когда зачинают нечаянно. На несколько дней мать всегда может задержать или ускорить появление младенца.

— И вы не знали, когда она родить должна? Не стремились ей помочь?

— В этот день мы почувствовали. День прекрасен был. Пошли мы на её полянку. На краю полянки медведицу увидели. Ревела медведица от обиды. Ревела и лапой по земле изо всех сил колотила. Анастасия лежала на том месте, где мать её родила, и комочек маленький, живой у неё на груди. Волчица его облизывала.

— А медведица почему ревела? На что обиделась?

— Волчицу Анастасия подозвала, а не её.

— Так сама бы подошла.

— Без приглашения они никогда не подходят. Представь себе, какое столпотворение получится, если они без приглашения будут подходить, когда сами захотят.

— Интересно, как она сейчас справляется с ребёнком?

— Поехал бы и посмотрел, раз интересно.

— Она же сказала, что я не должен общаться с ним, пока не очишусь от чего-то там. Надо по святым местам проехать сначала. А достаточного количества денег нет.

— Мало ли чего она, алогичная, сказала, ты же отец. Действуй сам, как нужным считаешь. Накупил бы ползунков разных, пелёнок, распашонок, погремушек да потребовал одеть ребёнка по-нормальному, не мучить его. А то ведь голенький совсем в лесу.

— У меня такое желание и возникло, как услышал о сыне. Я так и сделаю. А про алогичность вы точно подметили. Наверное, потому у меня к ней и чувства какие-то непонятные. Сначала удивление, теперь уважение всё же появилось и ещё что-то непонятное. Но не такое, как любовь к женщине. Я помню, какое чувство было, когда влюблялся раньше в женщину. Сейчас что-то другое. Наверное, её и невозможно любить обычной любовью. Что-то мешает. Может, как раз её алогичность и мешает.

— Алогичность Анастасии, Владимир, — не глупость. Кажущаяся её алогичность духовные забытые законы из глубин Вселенной извлекает, а может, и новые создаёт.

Светлые силы и тёмные замирают иногда от её кажущейся алогичности, а потом вдруг ярче вспыхивает уже известная всем простая Истина бытия. Не всегда и мы нашу Анастасию можем понять. Хоть и внучка она наша. На глазах росла. А раз не всегда понимаем, то и помочь существенно не можем. Потому часто одна она остаётся со своими устремлениями. Совсем одна. С тобой вот встретила, открылась вся тебе и другим через книжку. Воспрепятствовать хотели мы. Любви её воспрепятствовать хотели. Непонятен и абсурден выбор её казался.

— Мне и сейчас её выбор непонятен. Читатели тоже вопросы задают. “Кто вы такой? — спрашивают. — Почему вас выбрала Анастасия?” Я ответить не могу. Понимаю, по всей логике рядом с ней должен был оказаться какой-нибудь учёный или духовный человек. Он бы и понять её смог и полюбить. Пользы они вместе больше бы принесли. А мне свою жизнь менять приходится, разбираться со многими вопросами, которые для других, более просвещённых, уже давно ясны и понятны.

— Жалеешь теперь, что жизнь поменялась твоя?

— Не знаю. Осознать всё пока пытаюсь. А на вопрос, почему она меня выбрала, людям так и не могу ответить. Ищу и не нахожу ответа.

— И как же ты ответ ищешь?

— В себе разобраться пытаюсь — кто я такой.

— Может быть, в чём-то выдающийся. Да?

— Может, думаю, есть что-то. Говорят же, подобное притягивается подобным.

— Владимир, тебе Анастасия о гордыне, самости говорила? Говорила о последствиях этого греха?

— Да, говорила, что это смертный грех, уводящий человека от Истины.

— Не выбрала она тебя, Владимир. Не выбрала, а подобрала. Как никому ненужное и отжившее подобрала. Мы это тоже не сразу определили. Обиделся?

— Не совсем согласен я с вами. У меня семья была — жена, дочь, дела в бизнесе шли неплохо. Ну пусть я не выдающийся, только и не из последних, чтоб подбирать, как бомжа или что-то ненужное, брошенное.

— С женой у тебя в последнее время любви не было. У тебя своя жизнь и интересы, у неё своя. Только быт и объединял вас, а скорее, инерция прошлых чувств, со временем всё более затухающих. Дочери с тобой говорить тоже было не о чем. Бизнес твой её не интересовал. Только тебе и казался он значительным. Доход материальный приносил. Сегодня доход — завтра ничего или убыток, разорение. Да и болен ты был. Чуть совсем не загубил желудок. С твоим образом жизни разгульным тебе было не выкарабкаться из болезни твоей. Всё было кончено. И не было ничего.

— А вам-то что? Ей я зачем? Для эксперимента? Расчёт какой-то сделала?

— Она просто полюбила, Владимир. Искренне, как во всём. И счастлива, что не взяла из вашей жизни никого, способного принести радость другой женщине. Не поставила себя в привилегированное положение. Рада тому, что она как все женщины.

— Значит, это блажь её? Хочет, чтоб как у всех женщин было: курил, гулял... Надо же, какое самопожертвование для блажи.

— Её любовь искренняя. Без блажи и расчётов. Казавшаяся поначалу алогичной светлому и тёмному, нам и другим, она ярко в реальности высветила понятие и смысл Любви. Не словами, поучениями и нравоучениями, а реальными свершениями в вашей, твоей жизни. Силы света, Творца говорят через её Любовь. И не просто говорят, показывают явью, как до сих пор ещё ни разу не показывали: смотрите, какова сила женщины, сила чистой Любви. За мгновение до смерти она может дать новую жизнь. Поднять любимого человека, вырвать его из цепких лап темноты и унести в светлую бесконечность. Окружить Пространством Любви и дать вторую жизнь, жизнь вечную.

Её Любовь, Владимир, вернёт тебе любовь твоей жены, уважение дочери. Тысячи женщин пылающими взорами любви будут смотреть на тебя. У тебя будет полная свобода выбора. И если из всего многообразия внешнего проявления любви тебе удастся увидеть и понять ту одну, она будет счастлива. Но в любом случае ты будешь знаменит и богат, тебя невозможно будет разорить. Написанная тобой книга будет разлетаться по миру и приносить тебе доход, и не только материальный, она тебе и другим будет давать силу большую, чем физическая, материальная.

— Книжка действительно начинает хорошо раскупаться. Но я сам написал её, хоть некоторые люди говорят, что Анастасия тоже каким-то образом помогала. Как вы считаете, это только моя книжка или с её участием написана?

— Ты совершил все действия, присущие писателю. Брал бумагу, водил ручкой, описывая произошедшее. Некоторые свои умозаключения изложил своим, присущим только тебе языком. Организовал издание книги. Твои действия ничем не отличались от обычных действий писателя.

— Значит, книжка только моя? Анастасия ничего этого не делала?

— Да, не делала. Ручкой по бумаге она не водила.

— Вы так говорите, будто бы она всё же как-то способствовала. Если это так, скажите яснее. Что она сделала?

— Анастасия, Владимир, чтобы ты смог написать эту книжку, отдала свою жизнь.

— Ну вот. Совсем непонятным всё стало. Зачем? Как она может, живя в лесу, жизнь отдать за какую-то книжку? Кто она? Сама говорит: “человек”. Другие инопланетянкой её называют, Богиней. Можно окончательно запутаться. Хоть как-то определиться для себя хочется.

— Всё очень просто, Владимир. Человек — единственное существо во Вселенной, которое живёт сразу на всех планах бытия. В земной своей сущности большинство видит только земное, материализованное проявление. Есть те, кто ощущают сущности и другие, невидимые. Люди,

называющие Анастасию Богиней не грешат перед Истиной. Главное отличие человека от всего сущего в том, что человек наделён способностью творить настоящее и будущее своими мыслями, создавая формы и образы, которые и материализуются впоследствии. От яркости, гармоничности, скорости мысли, чистоты помыслов Человека-Творца и зависит будущее. И в этом смысле Анастасия — Богиня. Ибо скорость мысли её, яркость и чистота образов формируемых таковы, что одна она оказалась способной противостоять всей тёмной громаде противоположностей. Одна. Только неизвестно, сколько времени сможет она выдержать. Всё ждёт, верит, что осознают люди, помогут ей. Перестанут производить тьму и ад.

— Кто производит тьму и ад?

— Предсказатели, верящие и говорящие о катастрофе, конце света, сами и производят мысли и формы конца света. Множество учений, предрекающих всеобщую кончину человечества, своими мыслями и формами приближают её. Их много, очень много. И не подозревают эти люди, ища спасения для себя, ища земли обетованной, что им-то уж точно уготован ад.

— Но те люди, которые говорят о страшном суде, о катастрофе, верят в них, они ведь искренне молятся за спасение своих Душ.

— Не вера в свет, в любовь, чем Бог является, движет ими, а страх. И это страшное они себе готовят сами. Подумай, Владимир. Представить себе попробуй. Вот мы сейчас сидим с тобой на этой скамейке. Ты видишь перед собой множество людей. Вдруг часть из них начнут корчиться в судорогах от страшной боли, грешники якобы они. Вокруг нас на земле много разлагающихся трупов, а мы сидим с тобой нетронутыми и наблюдаем. Наша скамейка находится как бы в раю. Но не разорвётся ли твоя Душа от ужасающей картины происходящего? Не лучше ли умереть, уснуть за мгновение до такого созерцания?

— Ну а если все спасённые праведники будут в земле обетованной, где трупов разлагающихся вокруг не будет, картин страшных?

— Когда с другого края земли к тебе приходит известие о смерти близкого или родственника, разве не ощущаешь ты печаль, горе в Душе своей?

— Каждый в этом случае, наверное, расстраивается.

— Так как же можно помыслить для себя Рай, осознавая, что большая часть твоих соотечественников, друзей и родственников уже погибли, другие умирают в страшных муках! До какой степени должна очерстветь Душа, в какую пучину мрака погрузиться, чтобы, осознавая происходящее, радоваться? В царстве света такие Души не нужны. Ибо они и есть производное тьмы.

— А великие учителя человечества, написавшие и пишущие разные учения, для чего тогда о конце света, о страшном суде говорят? Кто же тогда они? Куда людей ведут? Зачем так говорят?

— Трудно определить конечность их помыслов. Возможно, собрав вокруг себя массы людские, за счёт притягательности представлений они осуществляют поворот в осознанности.

— Поворот могут осуществить ныне живущие. А те, кто были раньше, учения свои оставили?

— И они могли готовить поворот в надежде, что последователи его осуществят, откроют Истину. Может быть, ждут они, когда событийности бытия укажут большинству тупиковость пути, помогут событийности им повернуть к свету идущих с ними и верующих в них.

— Если вы всё это знали, то почему сидели в лесу и молчали столько лет? Почему не пытались раньше пояснить кому-нибудь? Анастасия говорила, что ваш род из поколения в поколение на протяжении тысячелетий ведёт такой своеобразный образ жизни, сохраняя Истины Первоистоков.

— В разных концах земли есть люди, сохранившие отличный от технократического образ жизни, сохраняя присущие только человеку способности. В разные времена ими делались попытки поделиться своей осознанностью. И всегда пытавшиеся погибали, не успев сказать существенного. Производимые их мыслями формы и образы были сильны, но противостоящих было великое множество.

— Значит, и Анастасию они сомнут, растопчут?

— Анастасия непонятным образом смогла им противостоять. По крайней мере, пока противостоит. Может быть, за счёт своей алогичности или... — Старик замолчал, задумчиво вода палкой по земле, рисуя непонятные знаки.

Я размышлял. Потом я у него спросил:

— Зачем же она мне твердила всё время: “Я — человек, женщина”, если она — Богиня, как вы говорите?

— В земной, материализованной жизни своей она просто человек, просто женщина. И хотя образ жизни её несколько необычен, она так же, как и все люди, может радоваться и печалиться, любит и хочет быть любимой. Всё, чем она владеет, присуще человеку. Человеку в своём первозданном виде. Казавшиеся необычными её способности теперь не покажутся тебе фантастичными, когда ты узнал о том, что говорит о них ваша наука. И ещё многим, внешне непонятным её способностям будут найдены объяснения. И все они будут доказывать, что она просто человек, просто женщина. Лишь столкнувшись с одним явлением — и тебе это предстоит, — ты не сможешь его понять. Не сможет наука объяснить его. Не знает и мой отец, что это такое. Подобное у вас называют “аномальным явлением”. Но я прошу тебя, Владимир, не отождествляй это явление с Анастасией. Оно бывает рядом с ней, но оно не в ней. Попробуй найти в себе силы увидеть, почувствовать в ней просто человека. Она старается быть как все. Для чего-то ей это нужно и важно доказать, что она человек. Это трудно даётся ей, потому что принципы свои не может она нарушить при этом. Но ведь свои принципы есть у каждого?

— А что это за явление, которому вы определение не даёте и в котором наука никак не разберётся?

Аномальное явление

Когда мы хоронили родителей Анастасии, она была совсем маленькой. Ещё совсем ходить не умела и разговаривать. Мы с отцом и с помощью зверей разрыли землю. Уложили на дно ямки веточки, положили на них тела родителей Анастасии, прикрыли их травой и землёй присыпали. Мы стояли молча над холмиком могильным. Маленькая Анастасия сидела невдалеке на поляне, рассматривала букашку, ползающую по её руке. “Хорошо, что она не способна ещё осознавать, какое горе постигло её”, — думали мы. Потом тихо ушли.

— Как ушли? Вы что же, бросили ещё несмышлёную девочку одну?

— Не бросили, а оставили её в том месте, где родила её мать. Есть понятие у вас — Шамбала, Родина. Всё абстрактнее осмысливание понятий этих становится. Родина — это “РОД, И НА”. Мать. Родители до появления на свет дитя должны ему сформировать Пространство. Мир Доброжелательности и Любви. И дать кусочек Родины, которая, как материнская утроба, и тело сохранит, и Душу обласкает. Даст мудрость мироздания и Истину поможет обрести. А что даёт своему ребёнку, рождающемуся среди каменных стен, женщина? Какой мир она ему уготовила? Да и думала ли вообще о мире, в котором предстоит жить её ребёнку? И мир поступает с ним, как сам захочет. Стремится подчинить себе маленькое человеческое существо, сделать из него винтик, раба. И мать становится всего лишь наблюдателем, ибо не подготовила она для своего ребёнка Пространство Любви.

Понимаешь, Владимир, к матери Анастасии, как и к любому человеку, живущему так, как она жила, Природа окружающая её, большие и маленькие звери относились как к другу, мудрому и доброму Божеству, сотворившему вокруг себя мир Любви. Родители Анастасии были весёлыми и добрыми людьми, они очень любили друг друга, любили землю, и окружающее их Пространство отвечало им Любовью. В Пространстве этой Любви родилась и стала центром его маленькая Анастасия. Многие звери не трогают новорождённых. Кошка может выкармливать щенка собаки и наоборот. Многие дикие звери способны выкормить и вынянчить человеческого детёныша. Но эти звери стали дикими для вас. Для матери и отца Анастасии они являлись в ином своём предназначении. Звери относились по-иному к ним. Мать рожала Анастасию на полянке, и многие звери наблюдали за родами. Они видели, как ими почитаемый человек-женщина становится матерью, рождает ещё одного человека. Когда они наблюдали за родами, их чувства к человеку-другу, их любовь к нему переплеталась с собственным материнским инстинктом, рождая новое возвышенное и светлое. Всё, абсолютно всё окружающее Пространство, от маленькой букашки и травинки до внешне грозного зверя, готово отдать, не задумываясь, жизнь за это маленькое существо. И ничто не может угрожать ему в этом окружающем Пространстве Родины, сотворённой и подаренной матерью его. Все будут нянчить и лелеять это человеческое существо.

Маленькая полянка для Анастасии — словно материнская утроба. Маленькая полянка — её живая Родина. Могущественная и добрая. И неразрывно связанная живой нерукотворной нитью со Вселенной. Со всем творением Великого Творца.

Полянка маленькая — живая Родина её. От матери она и от отца. И от Единого от Первого Отца. Мы не смогли бы заменить её. Потому, похоронив родителей Анастасии, мы ушли. Через три дня на подходе к полянке, мы почувствовали напряжение в воздухе, услышали подвывание волков. Потом увидели...

Маленькая Анастасия тихо сидела на могильном холмике. Одна щека её была запачкана в земле. Мы поняли: она и спала на могилке. Из её глаз скатывались слезинки и падали на холмик. Плакала она беззвучно, лишь всхлипывала иногда. И всё гладила и гладила своими ручками могильный холмик.

Не умеющая говорить, она произнесла свои первые слова у этого холмика. Мы услышали их. Сначала она выговорила по слогам: “Ма-ма”, потом: “Па-па”. Она повторила их несколько раз. Потом сложнее слова произнесла: “Ма-моч-ка, па-почка, ма-мочка, па-почка. Я Анастасия. Я теперь без вас буду. Да? Только с дедушками буду? Да?”

Отец первым понял: маленькая Анастасия, ещё когда мы закапывали её родителей, сидя на поляне и рассматривая букашку, понимала всю глубину постигнутого её горя. Она усилием воли не показывала своих чувств, чтобы нас тем самым не расстраивать. С молоком матери вошли в неё мудрость и сила Первоистоков. Есть такая возможность у кормящих матерей, Владимир. Передавать младенцу при кормлении грудью вместе с молоком материнским и осознанность, и мудрость веков, вплоть до Первоистоков.

Мать Анастасии знала, как это делается, и воспользовалась этим способом в полной мере. В самой полной мере воспользовалась.

Раз Анастасия не хотела, чтобы мы видели её плачущей, мы и не выходили на полянку, не подходили к могилке, но и с места сдвинуться не смогли. Так и стояли, наблюдая за происходящим.

Маленькая Анастасия, опираясь на могильный холмик ручками, пыталась встать на ножки. Не с первого раза у неё это получилось, но она всё же смогла встать на ножки. Она стояла покачиваясь, расставив ручки чуть в стороны, и наконец сделала свой первый, робкий шаг от могилы своих родителей, потом ещё один. Маленькие ножки запутались в траве, и тельце, потеряв равновесие, стало падать. Но падение... оно было необычным.

В момент падения вдруг едва видимое голубоватое свечение разлилось по поляне, локально изменив гравитацию Земли. Какой-то благодатной истомой коснулось оно и нас. Тельце Анастасии не падало, а медленно и плавно опускалось на землю. Когда она снова встала на ножки, голубоватый свет исчез, и гравитация стала прежней.

Анастасия, осторожно ступая и останавливаясь, подошла к лежащей на полянке маленькой веточке, сумела поднять её. Мы поняли: она решила убирать полянку, как делала её мама. Совсем ещё крохотная девочка несла сухую веточку к краю полянки. Но снова потеряла равновесие, стала падать и выронила веточку.

Во время её падения снова вспыхнул голубоватый свет, изменив гравитацию Земли, а веточка отлетела к кучке лежащих на краю поляны сухих веток.

Анастасия, встав, искала глазами веточку и не могла найти её. Потом она, расставив ручки и покачиваясь, медленно подошла к другой веточке. Ещё не успела над ней наклониться, ветка стала подниматься, словно ветерок её отбросил. Отбросил сухую веточку к краю поляны. Но достаточного для такого действия ветра вокруг не было. Кто-то невидимый исполнил желаемое маленькой Анастасией.

Но она хотела делать всё сама, как делала её мама. И, наверное, протестуя против помощи невидимого союзника, подняла вверх свою маленькую ручку, слегка помахав ею.

Мы посмотрели вверх и увидели его. Над поляной висел, пульсируя и светясь голубоватым светом, небольшой шаровидный сгусток. Множество огненных разрядов, словно молний разноцветных, сплеталось внутри его прозрачной оболочки. Он был похож на большую шаровую молнию. Но он был разумен!

Непонятно было, из чего состоял его разум и что представлял собой.

В нём ощущалась какая-то неведомая и невиданная мощь. Страх перед этой мощью не было. Наоборот, от него исходила приятная истомная Благодать, не хотелось двигаться. Хотелось только быть.

— А почему вы решили, что он обладает небывалой мощью?

— Мой папа заметил. Несмотря на то что день был ясным и светило солнышко, листочки деревьев и лепестки цветов поворачивались в его сторону. В его голубоватом свечении было больше силы, чем в лучах солнца. И гравитацию Земли он менял в момент падения тельца Анастасии локально и точно. Настолько точно менял, что падающее тельце плавно опускалось, но не отрывалась от Земли.

Анастасия долго убирала веточки, она то ползала, то, медленно ступая, ходила по полянке, пока сама не убрала всё. А огненный шар, пульсируя, метался над крохотным ребёнком. Но больше не помогал убирать веточки. Могущественный огненный шар словно понял жест маленькой детской ручки и подчинился ему.

Расширяясь и растворяясь в Пространстве, сжимаясь и производя внутри себя разряды, похожие на вспышки какой-то неведомо из чего производимой энергии и неведомо чем гасящейся, он на мгновение исчезал и снова появлялся, словно волновался, и от волнения метался во Вселенском Пространстве с немыслимой скоростью.

Подошло время, в которое обычно засыпала Анастасия. Мы никогда не заставляем детей спать, укачивая их до головокружения. В это время мама Анастасии просто ложилась на краю полянки в одном и том же месте и как бы засыпала, показывая пример. Маленькая Анастасия подползала к ней и, прижавшись к её тёплому телу, спокойно засыпала.

И в этот раз Анастасия подошла к тому месту, где обычно спала днём с матерью. Она стояла и смотрела на то место, на котором всегда в это время спала с мамой, но теперь её мамы не было.

Не известно, о чём думала в тот момент, только снова на щеке маленькой Анастасии блеснула в лучике солнышка слезинка. И сразу запульсировало по поляне, неравномерно мигая, голубоватое свечение.

Анастасия подняла головку вверх, увидела пульсирующий световой сгусток, села на травку и стала неотрывно смотреть на него. Он замер под её взглядом. Некоторое время она не отрываясь смотрела на него. Потом протянула в его сторону обе ручки, как делала, когда подзывала кого-нибудь из зверей. И тут огненный шар вспыхнул множеством мощных молний, вырвавшихся за пределы голубой оболочки, и... огненной кометой рванулся к маленьким ручкам. Казалось, имея возможность всё разнести на своём пути. Он, в одно мгновение оказавшись у лица Анастасии, завращался и сорвал своей молнией блестящую на её щеке слезинку. И тут же загасил все разряды, став голубым, слегка светящимся шаром в руках маленького, сидящего на траве ребёнка.

Анастасия некоторое время держала его, рассматривала и гладила. Потом встала, подняла голубой шар, осторожно ступая, понесла и положила на то место, где спала с мамой. Снова погладила его.

Он лежал и словно засыпал, как делала мама Анастасии. И Анастасия легла рядом с ним. Уснула. Она спала на траве, свернувшись клубочком, а он то мгновенно взлетал, исчезая в небесной выси, то растворялся низко над поляной, словно прикрывая её собой. Потом, снова сжавшись в маленький пульсирующий шар, оказался рядом со спящей на траве Анастасией и гладил её волосы. Странное, необычное это было поглаживание. Тончайшими, светящимися и подрагивающимися лучиками-молниями он брал каждый волосок в отдельности, приподнимал и поглаживал.

Впоследствии, приходя к Анастасии на её полянку, мы ещё несколько раз видели его. Мы понимали, для Анастасии он был чем-то естественным — как солнце, луна, деревья и животные, её окружающие. Как со всем, её окружающим, она и с ним разговаривала. Но она и отличала его от всего окружающего. Внешне мало чем это отличие выражалось. Было ощущение, что она относится к нему чуть с большим уважением, чем к другим, а иногда немножко капризничала. Ни перед кем никогда не капризничала, а с ним почему-то позволяла себе. Он реагировал на её настроение и исполнял капризы.

Когда Анастасии исполнилось четыре годика, в её день рождения, на рассвете, мы стояли у края поляны и ждали, когда она проснётся. Хотелось тихонько понаблюдать, как она будет радоваться нарождающемуся весеннему дню.

Он появился за мгновение до её пробуждения. Слегка сверкнул своим голубоватым свечением и то ли рассыпался, то ли растворился во всём пространстве поляны. И мы увидели нерукотворную живую картину, чарующую и прекрасную.

Преобразилась вся поляна, окружающие деревья, трава, букашки. Разными мягкими цветами засветились иголки Кедров. Прыгающие на ветках белки оставляли за собой световые тающие шлейфы-радуги. Нежным зелёным цветом светилась трава. Ещё более яркое, разноцветное свечение исходило от множества снующих в траве букашек, и все они составляли необыкновенной красоты живой переливающийся ковёр, постоянно меняющий замысловатые прекрасные узоры. Пробуждающаяся Анастасия открыла глаза, увидела необыкновенную живую картину, полную очарования, вскочила, оглядываясь вокруг.

Она улыбнулась, как улыбалась всегда утром, и на её улыбку отреагировало окружающее более ярким свечением и ускорением движения. Потом Анастасия осторожно опустилась на коленки и стала внимательно рассматривать траву и светящихся разным цветом снующих букашек. Когда она подняла голову, выражение на её лице было сосредоточенным и немножко тревожным. Она посмотрела вверх и, несмотря на то что ничего сверху не было, протянула к небу свои ручки. Мгновенно зашевелился застывший воздух и в её руках возник голубоватый шар. Она подержала его у своего лица, положила на траву, ласково погладила. И мы услышали их диалог. Говорила только Анастасия, но было полное ощущение, что он понимает её слова и пытается беззвучно отвечать. Анастасия говорила с ним ласково и чуть грустно:

— Ты хороший. Ты очень хороший. Ты хотел обрадовать меня красотой. Спасибо тебе. Но верни, пожалуйста, верни всё, как раньше было. И не меняй больше никогда.

Голубой шар запульсировал, слегка приподнялся над землёй, сверкнули внутри него разряды молний. Но светящаяся картина не исчезала. Анастасия внимательно смотрела на него и снова заговорила:

— У каждой букашечки, жучка, муравья есть мама. У всех есть мамы. Мамы любят своих детей такими, какими родились они, не важно сколько у них ножек и какого цвета их тела. Ты всё изменил. Как теперь мамы узнают своих детей? Верни всё, как было, пожалуйста.

Шар мигнул слегка, и на поляне всё стало прежним. Он снова опустился у ног Анастасии. Она погладила его и поблагодарила: “Спасибо тебе!” Потом помолчала, внимательно глядя на шар, а когда заговорила, слова её поразили нас. Она говорила ему:

— Ты не приходи больше ко мне. С тобой мне хорошо. Ты всегда всем стараешься сделать только хорошее, помогать стараешься. Но ко мне не приходи. Я поняла, у тебя есть своя очень большая полянка. Но ты очень быстро думаешь, так быстро, что я не могу понять сразу. Только потом чуть-чуть понимаю. Ты быстрее всех двигаешься. Намного быстрее птицы и ветерка. Ты очень быстро и хорошо всё делаешь, я поняла, это потому так надо, чтобы всё успевать, хорошее делать на своей очень большой полянке. Но когда ты со мной, значит, тебя нет там. Значит, когда ты со мной, некому делать хорошее на другой полянке. Уходи. Тебе нужно смотреть на большую полянку.

Голубой шар сжался в маленький комочек, взлетел ввысь. Заметался в пространстве, вспыхнул ярче обычного и снова ринулся пылающей кометой к сидящей Анастасии, замер рядом с её головой, множество дрожащих лучиков потянулись к длинным волосам Анастасии и погладили каждый волосок в отдельности до самого кончика.

— Ну что же ты медлишь? Спешу к тем, кто ждёт тебя, — тихо сказала Анастасия. — А я здесь сделаю сама всё хорошо. И мне приятно будет знать, что на большой полянке тоже всё хорошо. Я тебя буду чувствовать. И ты обо мне вспоминай, но только иногда вспоминай.

Голубой шар не с лёгкостью, как обычно, взмывал ввысь, он поднимался от Анастасии неравномерными рывками, исчезая в пространстве. Но он оставил что-то невидимое вокруг неё. И каждый раз, когда что-то происходит отрицательное, нежелаемое Анастасией, окружающее пространство замирает, словно парализованное. Вот и ты сознание потерял, когда пытался прикоснуться к ней вопреки её воле. Она поднятием вверх руки останавливает это явление, когда успевает. Она по-прежнему всё хочет делать только сама.

Мы задавали вопрос маленькой Анастасии, спрашивали: “Что опускалось на полянку светящееся, как ты его называешь?” Она недолго думала и коротко ответила:

— Это назвать можно “Хорошим”, дедулечки.

Старик замолчал. Но мне хотелось ещё услышать, как жила маленькая Анастасия в лесу, и я спросил его:

— Что же она потом делала, как жила?

— Так и жила, — ответил старик. — Росла, как все люди. Мы ей предложили дачникам помогать. С шести лет она уже могла видеть на расстоянии людей, чувствовать и помогать им. Увлечлась она дачниками. Считает теперь, что явление дачников — есть плавный переход к осмысливанию сути земного бытия. Вот и светила она неустанно двадцать лет своим лучиком. Растения на маленьких участках обогревала. Людей лечила. Пояснить старалась людям ненавязчиво, как нужно с растениями обращаться, и получалось у неё здорово. Потом и другие аспекты жизни людской наблюдать стала. С тобой вот судьба свела. Да ещё эту мысль создала: “Перенести людей через отрезок времени тёмных сил”.

— И что же, может получиться у неё? — спросил я.

— Анастасия, Владимир, знает силу мысли Человека-Творца и просто так не позволила бы себе заявлять. Значит, есть в ней сила такая. Теперь она не свернёт с этого пути, не отступит. Упорная она. От отца это у неё.

— Значит, она действует. Мыслеобразы свои производить старается, а мы тут все только рассуждаем о духовном. Словно сопли, как дети, размазываем. Некоторые вообще спрашивают у меня: “Существует Анастасия или я всё придумал?”

— Люди такого спрашивать не могут. Люди её сразу почувствуют, соприкоснувшись с книгой. Она и в ней. Такие вопросы могут задавать иллюзорные люди, не настоящие.

Иллюзорные люди

А я говорю о самых настоящих, таких вот, как эти две девушки. Видите, — показал я на двух стоящих метрах в пяти-шести от скамейки девушек.

Старик внимательно в них всмотрелся и сказал:

— Думаю, одна из них, та, что курит, не настоящая.

— Как это — не настоящая? Я сейчас подойду к ней да врежу по заднему месту — визг или мат более чем настоящий услышите.

— Понимаешь, Владимир, ты видишь сейчас перед собой всего лишь образ. Образ созданный постулатами технократического мира. Посмотри внимательно. Девушка обута в неудобные туфли на высоких каблуках. К тому же они ей немножко жмут. Она обута именно в такие туфли, потому что кто-то другой диктует, какую обувь сейчас нужно носить. На ней короткая юбка из материала, похожего на кожу, но не кожа, она вредна для тела, но она её носит, подчиняясь диктату, создавая желаемый им образ. Посмотри, она ярко накрашена и надменна. Внешне независима. Но только внешне. Вся её внешность не соответствует ей, настоящей. Продиктованный чужими мыслями и формами образ “забил” её, настоящую, он, иллюзорный, не имеющий Души, заслонил собой живую Душу. Её Душа в плену у этого образа.

— Всё что угодно сказать можно про Душу, плен и диктат образа какого-то. Так это или нет, разобраться трудно.

— Стар я уже, не могу подстроиться под твою скорость мыслей. Не получается у меня доказательно сказать, как у Анастасии. — Старик вздохнул и добавил — Можно, я показать попробую?

— Что показать?

— Сейчас попробую, хоть на время, уничтожить иллюзорный, не живой образ. Душу девушки освободить. Ты наблюдай внимательно.

— Попробуйте.

Курящая девушка что-то резкое надменно выговаривала своей подруге. Старик внимательно и напряжённо наблюдал за ними. И когда девушка отрывала взгляд от подруги, задерживала его на ком-то из проходящих, глаза старика следовали за её взглядом. Потом он встал, жестом пригласил меня следовать за ним и направился к девушкам. Я пошёл за ним. Старик остановился в полуметре от девушек и стал пристально смотреть на курящую. Она повернула в его сторону голову, выпустила в лицо старику сигаретный дым и сказала раздражённо:

— Тебе чего надо, дед? Попрошайничаешь, что ли?

Старик выдержал паузу, наверное, приходя в себя от окутавшего его лицо дыма, и произнёс ласковым спокойным тоном:

— Возьми, доченька, сигарету в правую ручку. Надо правой ручкой стараться держать.

И девушка послушно взяла сигарету в правую руку. Но не это было главным. Её лицо вдруг сделалось совершенно другим. Исчезла надменность. Вообще всё изменилось в девушке: и лицо, и поза. И уже совсем другим тоном она произнесла:

— Я буду стараться, дедушка.

— Родить тебе надобно, доченька.

— Мне трудно будет одной.

— Он придёт к тебе. Ты иди и думай о своей ручке, о ребёночке думай своим, и он придёт.

Иди, доченька, спешить тебе нужно.

— Я пойду. — Девушка сделала несколько шагов, потом остановилась и, обращаясь к своей подруге, спокойным, а не, как раньше, раздражённым голосом позвала её, оторопевшую:

— Пойдём, Танечка, со мной.

Они ушли.

— Ну надо же! Да вы так любую женщину приручить можете, — сказал я, когда мы снова на скамейку сели. — Здорово. Прямо супергипноз какой-то. Мистика!

— Это не гипноз, Владимир. И мистики здесь нет никакой. Это просто внимательное отношение к человеку. Именно к человеку, а не к образу —вымышленному, затмевающему настоящего человека. И человек сразу откликается, силу обретает, когда именно к нему обращаются, игнорируя образ иллюзорный.

— Но как вам удалось увидеть невидимого человека за видимым образом?

— Это всё очень просто. Уверяю тебя. Я понаблюдал немножко. Девушка сигарету держала в левой руке. В сумочке своей что-то искала тоже левой рукой. Значит, левша она. А если маленький ребёнок левой рукой ложку держит или ещё что-то делает, родители стараются объяснить, чтобы правой делал. С родителями ей хорошо было. Я это понял, когда увидел, как она взгляд свой задержала на проходивших мимо мужчине и женщине, девочку маленькую они за ручки держали. Я и сказал ей фразу, которую родители в детстве ей могли говорить. Постарался сказать таким же тоном и голосом, как родители её могли говорить. Когда она маленькой была, непосредственной, ещё не закрытой чужим образом. Она, та девочка, настоящий человек, и откликнулась сразу.

— А про роды говорили, это к чему?

— Так беременная она. Уже больше месяца беременна. Чужому образу этот ребёнок не нужен. А девочка-Человек очень хочет его. Вот и борются они. Теперь девочка-Человек победит!

Почему никто не видит Бога

Анастасия говорила мне, когда я в тайге с ней общался, что Бога никто не видит потому, что Его мысли с большой скоростью и плотностью работают. А я вот думаю: почему Он не хочет затормозить их, чтобы люди могли посмотреть на Него?

Старик поднял палочку и показал на проезжающего велосипедиста:

— Смотри, Владимир. Вращается колесо велосипеда. В колесе спицы, но ты их не видишь. Они есть, ты это знаешь, но скорость вращения не позволяет тебе их видеть. Или по-другому сказать можно: “Скорость твоей мысли, твоего зрительного восприятия не позволяет тебе их увидеть. Если велосипедист поедет медленнее, ты увидишь спицы колеса смазанными. Если он остановится, ты их ясно увидишь, но сам велосипедист упадёт. Он не доберётся до цели, ибо прекратил движение, и всё ради чего? Чтобы ты мог увидеть то, что они есть? Но что это тебе даст? Что изменится в тебе? Вокруг тебя?”

Ты будешь твёрдо знать об их существовании. И всего лишь. Велосипедист может встать и продолжить своё движение, но другие тоже захотят увидеть, и ради этого ему снова и снова придётся падать. И ради чего?

— Ну, чтобы взглянуть хоть раз на него.

— И что же ты увидишь? Ведь лежащий на земле велосипедист уже будет не велосипедист. Тебе придётся представлять, что он им был.

Бог, изменивший скорость своей мысли, уже не Бог. Не лучше ли тебе научиться ускорять свою мысль? Ты, когда с человеком говоришь, а собеседник твой очень медленно соображает, разве не раздражает это тебя? Разве не мучительно приостанавливать скорость своей мысли, подстраиваясь под него?

— Да, правильно, под дурака если подстраиваться, самому дураком нужно стать.

— Вот и Богу, чтобы мы его увидели, нужно приостановить свою мысль до нашего уровня, стать таким, как мы. Но и когда Он это делает, присылает сынов своих. Толпа, взирая на них, говорит: “Ты не Бог, не сын Божий, ты самозванец. Или чудо твори, или на кресте распят будешь”.

— А почему бы сыну Божьему и не сотворить чуда?.. Ну хотя бы для того, чтоб отвязались от него неверящие, чтоб на кресте его не распяли.

— Чудеса неверящих не убеждают, а искушают. И чудеса творящих на кострах сжигают, крича при этом: “Сжигаем проявление тёмных сил!” К тому же Богом, посмотри вокруг, чудес содеяно несметное количество. Восходит солнце, а в ночи луна, букашка на травинке тоже ведь чудна, и дерево...

Вот мы с тобой под деревом сидим... Кто механизм придумать сможет совершенней, чем дерево вот это? Это Его крупитцы мысли. Материализованные, живые, снующие под нашими ногами, летящие над нами в синеве, поющие для нас, лучом тепла ласкают тело наше. Они Его, они вокруг, для нас они. Но многие способны не только видеть, но и чувствовать, осознавать? И пусть не совершенствуя, пусть только пользуясь, но только не коверкать, не уничтожать чудесные творения живые. А что Сынов Его касается, у них удел один — словами повышать осознанность людскую, свою приостанавливая мысль, и рисковать непонятыми быть.

— А вот Анастасия утверждала: говорить просто слова недостаточно, чтобы осознанность повысить человека до значимого уровня. Я тоже думаю: слов множество и разных человечество произнесло, а толку что? Несчастливых судеб вокруг полным-полно, и катастрофа может на Земле случиться.

— Всё правильно. Когда слова не от Души, когда разорваны с Душой их связывающие нити, слова пусты, безобразны, безлики. Во внучке, Настеньке способность есть не только в слове каждом, но и в звуке буквы каждой образы творить. Теперь учителя земные, сыны Его, что во плоти сегодня, такую силу обретут, что Дух людской над тьмою воссияет.

— Сыны, учителя? Они при чём здесь? Способности ведь только у неё.

— Она раздаст их все и раздаёт уже. Смотри, ведь даже ты смог книжку написать, читатели посыпали на мир стихами, и песни зазвучали новые. Ты слышал песни новые?

— Да, слышал.

— Так вот в учителях духовных всё это будет преумножено во много раз, лишь только с книжкой они соприкоснутся. И там, где просто для тебя слова, они почувствуют и образы живые, и сила будет приумножена у них.

— Они почувствуют, а я? Что ж я, совсем бесчувственный? Зачем тогда она со мной, не с ними говорила?

— Ты исказить услышанное не способен, и нет в тебе, чего бы от себя мог привнести. На чистый лист письмо ясней ложится. Но и в тебе мысль тоже будет ускоряться.

— Ладно, пусть ускоряется и во мне тоже, чтоб от других не отставать. Вообще, похоже, вы всё точно говорите. Вот у нас в России есть лидер одной духовной общины, поселенцы общины своим учителем его называют, так он сказал своим последователям: “Читайте книжку про Анастасию, она вас будет зажигать”. И многие из последователей его покупали книжку.

— Так, значит, понял он, почувствовал, вот потому помог Анастасии и тебе. А ты спасибо хоть сказал ему за помощь?

— Я с ним не встречался.

— Спасибо можно говорить Душой.

— Беззвучно, что ли? Кто ж это услышит?

— Душою слышащий услышит.

— Да тут ещё один нюанс есть. Про книжку он хорошо сказал, про Анастасию тоже хорошо, а меня назвал не настоящим мужчиной... “Не встретился Анастасии настоящий мужчина”, — сказал он. Я сам по телевизору это слышал, потом в газете читал.

— А сам себя ты как считаешь, совершенством?

— Ну, совершенством, может быть, и не считаю...

— Тогда не стоит обижаться. Ты стать стремишься им. Внучка тебе поможет. В высоты смогут те подняться, кого Любовь способна поднимать. Не всем помыслить даже суждено такое. Творящей скоростью мысли необычная нужна.

— А ваша мысль с какой скоростью работает? Вам не мучительно со мной разговаривать?

— У всех людей, ведущих такой образ жизни, как мы, скорость мышления значительно превосходит людей технократического мира. Нашу мысль не тормозят постоянные проблемы одежды, питания и многое другое. Но мне с тобой не мучительно разговаривать благодаря Любви моей к внучке. Она так захотела. И я рад хоть что-то для неё сделать.

— А у Анастасии какая скорость мышления, такая же, как у вас и отца вашего?

— У Анастасии она выше.

— Насколько? В каком соотношении? Ну, на то, что она обдумывает, скажем, за десять минут, вам сколько минут потребуется?

— На осмысливание того, что она производит за секунду, нам требуется несколько месяцев. Потому и кажется она нам иногда алогичной. Потому и одинока она совсем. Потому и помочь не можем ей существенно, что не сразу понимаем смысла её действий. Отец мой совсем разговаривать перестал, всё пытается её скорости достичь, чтобы помочь ей. Меня заставляет. Но я не пытаюсь. Папа считает, что это от лени. А я люблю очень внучку и просто поверил, что она всё правильно делает, выполняю с удовольствием, если чего попросит. Вот к тебе приехал.

— Но как же тогда Анастасия со мной три дня разговаривала?

— Мы тоже долго думали как. Ведь с ума можно было сойти. Только недавно поняли. Разговаривая с тобой, она не приостанавливала свою мысль, а, наоборот, ещё и ускорила её. Ускорила и трансформировала в образы. Теперь они, как программы ваши компьютерные, будут раскрываться перед тобой и перед теми, кто книжку читать будет. Раскрываться и ускорять скачкообразно движение мыслей людских, приближая их к Богу. Когда мы это поняли, решили, что, придумав такое, она создала новый Закон во Вселенной. Но теперь ясно, она просто воспользовалась неведомой ранее возможностью чистой и искренней Любви. Любовь так и осталась загадкой Творца. Вот и приоткрыла она ещё одну её великую возможность и силу.

— А её скорость мышления позволяет видеть Бога?

— Вряд ли, она ведь и во плоти живёт. Бог тоже во плоти, но только наполовину. И плоть его — это все люди Земли. Анастасия, как маленькая частичка этой плоти, иногда схватывает что-то. Возможно, иногда достигая немислимой скорости мышления, она ощущает его больше, чем другие, но такое происходит с ней в короткие отрезки времени.

— И что это ей даёт?

— Истины, суть бытия, осознанность, которую постигают мудрецы всю жизнь, передавая друг другу учения и совершенствуя их, постигаются ею за одно мгновение.

— И что же, знание лам Востока, мудрость Будды и Христа, йогу она знает?

— Знает. Знает больше, чем сказано в дошедших до вас трактатах. Но считает их недостаточными, раз нет гармонии для всех на Земле сегодня живущих и продолжается движение к катастрофе.

Вот и выстраивает она свои немислимые комбинации. Говорит: “Хватит учить людей наставлениями, хватит искушать их яблоком Адама и Евы. Надо дать им почувствовать, именно почувствовать то, что ощущал Человек раньше, что мог Он и кто Он”.

— Значит, вы хотите сказать, что у неё действительно может получиться что-нибудь хорошее сделать для всех людей? Если это так, то когда это начнётся — хорошее?

— Оно уже началось. Пока только маленькие росточки, но это только пока.

— Где они? Как их увидеть? Почувствовать?

— Спроси тех, кто книжку читает, они в них, она ведь у многих светлые чувства вызывает. Этого уже нельзя отрицать, тебе это многие подтвердят. Получилось у неё со значками. Невероятно, но получилось. А сам ты, Владимир, подумай, кем ты был и кем ты стал? Это, Владимир, раскрывается образная программа в тебе, и в людях раскрывается её Душа. Мир начинает меняться в вас, изменяя образы окружающие. Мы не можем постичь до конца, как ей это удаётся. То, что лежит на поверхности и явно, это ещё можно разобрать. То, что ей помогает осуществлять эту явь, остаётся загадкой.

Можно, конечно, усиленно пытаться разгадать её, но не хочется отвлекаться от прекрасной, зарождающейся яви. Прекрасным рассветом дня нужно любоваться. Когда начинаешь

раскладывать, почему происходит он, вместо очарования получаешь копания, ни к чему не ведущие, ничего не меняющие.

— Надо же, как всё необычно и сложно. Я всё же надеялся, что Анастасия просто отшельница, только необычно добрая, красивая и наивная немножко.

— Так говорю же тебе, не надо копать, не забивай себе голову; если сложно, пусть и остаётся она для тебя красивой, доброй отшельницей, раз такой предстала перед тобой. Другие другое увидят. Тебе дано то, что дано. Иного твоё сознание и не вместит пока, и это хорошо. Постарайся просто любоваться рассветом, если сможешь. Это главное из всего.

Рассвет в России

Для всех в России рассвет начнётся, когда материально жить каждый будет лучше. Экономика в целом поправится, и каждого в отдельности достаток будет больше.

— Всё окружающее материальное зависит от Духа и осознанности Человека.

— Пусть даже так. Да толку-то от философий мудрых, когда есть хочется или одежды нет.

— Осмыслить нужно, отчего всё это происходит. Каждому осмыслить. Самому. И не искать виновных вне себя. Лишь изменения в себе изменят всё вокруг, достаток в том числе. Согласен я с тобой, не сразу все поверить в это смогут люди. Но ведь Анастасия и сказала: “Без нравочений надо. Надо просто людям показать”. И показала. Тебе теперь исполнить нужно предначертанное ею. Тогда через три года большие, маленькие, забытые, заброшенные поселения Сибири, где старики одни, к которым не стремятся дети в гости, богаче станут, и во много раз. В них жизнь ключом забьёт и многие вернутся дети. И дальше многое ещё она преподнесёт. Раскроет тайны многие, вернёт Первоистоков знания и способности людей. Россия будет богатейшей страной. И сделает она так для того, что б доказать: д у х о в н о с т ь, знание Первоистоков значимее, чем технократии потуги. С России новая взойдёт заря над всей Землёю.

— И что ж я должен сделать, чтоб было так?

— Ты тайну первую раскрой, тебе поведенную внучкой. Ты в книжке расскажи, как масло нужно получать целительное из ореха Кедра. И ничего не утай.

Во мне так всё вдруг возмутилось внутри, что даже в горле дыхание перехватило. Я сидеть не мог. Вскочил.

— С чего? С чего вдруг я должен это делать? Для всех. Бесплатно. Любой нормальный человек меня за идиота посчитает.

Я экспедицию сформировал, вложил в неё последнее, что было. Теперь фирма разорена. Просила книжку написать Анастасия, я написал. И квиты мы теперь. Стремленья ваши, философия не очень-то понятны мне. Я просто излагаю их, раз так пообещал Анастасии. А вот про масло всё мне ясно. За него — теперь я знаю — сколько можно получить. Технологию по маслу никому я отдавать не буду. Немного денег соберу от книжек и сам начну его производить. Мне надо всё восстановить. И теплоход вернуть, и фирму. Компьютер Нотэ-Бук купить, чтоб следующую книжку набирать.

У меня дома нет теперь. Жить негде. Хочу купить передвижной прицеп жилой. А как разбогатею, памятник хочу поставить офицерам российским, живым ещё, но со смертельно раненой Душою. Душу их бездушием своим мы разрывали в разные времена, над честью и совестью их надругались люди. Те люди, за которых в бой шли офицеры всех времён.

Пока вы там, в лесу, спокойненько сидите, тут люди гибнут. Кругом полно “духовных” разных. Все только о духовном говорят, а делать хоть чего-нибудь не очень-то хотят. Вот я и сделаю хоть что-нибудь. А тут отдай за просто так! Всем! Нет, дудки!

— Так определила же Анастасия и тебе доход. Я знаю — три процента от продажи масла.

— Да что мне эти несчастные три процента, когда за масло можно триста получать! Я теперь цены знаю мировые. А продают его во много раз слабее по целебности. Я проверял. Они не знают, как правильно его добыть. Теперь я знаю лишь один. Всё подтвердилось, что она сказала. Нет в мире по целебности аналогов ему, но только если правильно всё сделать. Да и наука тоже подтверждает. Паллас сказал, что оно молодость способно возвращать. И всё теперь отдай за просто так. Вот дурака нашли. Я столько перерыл литературы, в архивы посылал людей, чтоб подтвердили, что она сказала. И подтвердили. На это тоже уйма средств ушла.

— Всё проверял, а сразу поверить Анастасии ты не смог. Потратил деньги, время потерял из-за неверья.

— Да, проверял. Так, значит, надо было. Но теперь не буду дураком. “Заря для всех”, ну надо же — “заря”, а я в заре так и останусь дураком. Я книжку написал. Всё, как она просила. Я помню, как твердила она: “Ты ничего не скрывай — ни плохого, ни хорошего. Смири гордыню свою. Не бойся быть смешным, непонятым”. Я не скрывал. А получилось что?

Я выгляжу в ней полным идиотом. Об этом и в глаза мне говорят. Что бездуховен я, что многого не понимаю. И бескультурен, груб. И даже девочка тринадцати лет из Коломны написала в письме: нельзя, мол, так. А женщина одна из Перми приехала, так прямо у порога и сказала: “Хочу взглянуть, что в нём нашла Анастасия”. “Ничего не скрывай — ни хорошего, ни плохого. Смири гордыню свою. Не бойся быть смешным, непонятым”. Всё знала ведь она! Сама хорошей получилась в книжке — так люди говорят, — а я каким? И всё из-за неё. Да если б не ребёнок, за дела такие и схлопотать она могла... Подумать только! Я искренне, как и просила, всё писал, и мне же говорят: “Бесчувственный и трус”. Конечно же, я полный идиот, устроил сам себе такое. Послушался её. Сам про себя такое написал, теперь мне от позора не отмыться до конца дней своих. И после, как умру, все надо мной смеяться будут. Живучей эта книжка оказалась. Меня переживёт! И даже если сам печатать перестану, так толку что? Подпольно уже штампуют тиражи. На ксероксах пытаются размножить.

И вдруг осёкся я, взглянув на старика. Из глаз его катилась медленно слезинка. Я рядом сел. Он молча вниз смотрел, потом заговорил:

— Пойми, Владимир, внучка Настенька предвидеть много может. И ничего себе она не пожелала. Ни славы, ни дохода. Часть славы на себя взяла, опасности подверглась, но тебя спасла. И то, что выглядишь ты в книжке таким, как есть, её заслуга. Это точно. Но не унижить этим, а спасти тебя она смогла. Приняв при этом на себя громаду тёмных сил. Одна. А ты в ответ ей — боль непониманья, раздраженья. Подумай, выдержать легко ли женщине, которая лишь из любви творит.

— Что за любовь такая, когда любимый в дураках?

— Не тот дурак, кого так назовут. А тот, кто льстивые воспринимать слова, как Истину, способен. Подумай сам, каким бы ты хотел предстать перед людьми? Возвышенным над всеми? Умным очень? И это всё возможно было сделать в первой книжке. Но тогда... Гордыня, самость уничтожили б тебя.

Немногим из просветлённых даже удавалось противостоять таким грехам. Гордыня образ человека создаёт ненатуральный, и он живую Душу затмевает. Вот оттого философы из прошлого и гении сегодняшнего дня немного могут сотворить. Так как, лишь первый сделав штрих, теряют сразу, самостью объаты, то, что было им дано вначале. Но внучка Настенька пред лестью, преклоненьем, рождающим гордыню, заслон поставить умудрилась. Тебя теперь им не достать. Ещё от многих бед она тебя спасает. И Дух, и плоть твою оберегает. Напишешь искренних ты девять книг. Земля Любви Пространством воссияет! И тогда, поставив точку на девятой книге, понять ты сможешь, кто ты есть.

— А что? Сейчас нельзя сказать об этом?

— Кто ты сейчас, сказать нетрудно. Ты тот, кто есть сейчас. Ты тот, каким себя и ощущаешь. Кем станешь, знает, может быть, Анастасия. И будет ждать, живя Любовью каждое мгновение. А то, что трус ты, сидящие в квартирах говорят тебе, так это ничего. Ты с юмором бы к этому отнёсся. И посоветуй им уйти без снаряженья на три дня в тайгу. С медведем выспаться в берлоге. Для ощущений полноты с собою прихватить умалишённую, ведь именно такой тебе Анастасия вначале показалась?

— Да, примерно.

— Так пусть же осуждающий и переспать попробует со спутницей своей умалишённой. В глуши лесной, под волчье завыванье. Сможет? Как думаешь? — с какой-то хитрецей сказал старик.

А я картину вдруг, им нарисованную, как представил, так захохотал. И мы смеялись вместе со стариком. Потом я у него спросил:

— Анастасия может слышать, что говорили мы?

— Она узнает все твои деянья.

— Тогда скажите ей, пусть не беспокоится. Я расскажу для всех, как масло нужно получать целебное из Кедра.

— Хорошо, скажу, — пообещал старик. — А ты про масло помнишь всё, что слышал от Анастасии?

— Да, думаю, что всё.

— Так повтори.

Как масло получить целебное из Кедра

Вообще, его несложно получить. И технология известна современная. Её не буду излагать. Но есть нюансы не совсем обычные, о них скажу.

Нельзя при сборе шишек бить по Кедру колотушками или брёвнами, как делают сегодня сборщики. Целебность масла резко падает от этого. Шишки необходимо только те использовать, которые сам Кедр отдаёт. Они при ветре падают, и голосом их можно сбить, как делает Анастасия. С земли их люди должны собирать незлые. И хорошо, когда поднимет шишку детская рука. Вообще, и всё последующее делать нужно с добром и помыслами светлыми.

“Такие люди в деревнях сибирских и теперь найдутся”, — утверждала Анастасия. Какое это имеет значение, трудно сказать. Но в Библии тоже говорится, что царь Соломон искал людей, умеющих рубить дерева. Не сказано только, чем эти люди отличались от обычных.

Полученный после шелушения шишек орех необходимо использовать для выжимки масла не позднее трёх месяцев, далее качество резко будет ухудшаться. При выжимке нельзя, чтоб ядра с металлом соприкасались. Вообще, с металлом масло не должно соприкасаться.

Болезни оно лечит любые, диагноза ставить не нужно. Употреблять можно как пищевой продукт, в салаты добавляя. А можно ложку в день. Лучше при восходе солнца. Можно днём. При свете дня, не ночью. Вот главное.

“Но только подделку могут людям предлагать”, — сказал я старику. А он с какой-то хитрецей или с юмором весёлым отвечает:

— А мы сейчас с тобой заслон поставим от подделок. И отработаем твои проценты.

— Как поставим?

— Так думать надо, ты ж предприниматель.

— Я был им, а сейчас не ясно кто.

— Давай совместно размышлять, ты поправляй меня, коль что не так.

— Давайте.

— Продукт конечный пусть проверят на приборах те, кто способны это проверить. Врачи, учёные, специалисты, в общем.

— Да, правильно, они сертификат дадут.

— Но только не всё приборы могут уловить. Ещё и дегустация нужна.

— Возможно. Качество вина дегустаторы определяют. Ничто их заменить не может. Но дегустаторы вкус вин отлично знают. У них нюх и на запах, и на вкус отменный. А масло кто проверит дегустацией?

— Ты и проверишь.

— А я как это сделаю? Я ел только обычное масло. Когда его мы делали, то технологию не соблюдали такую, как Анастасия говорила. К тому же я курю.

— Три дня не должен ты курить и пить спиртное пред тем, как масло будешь пробовать. Не есть мясного и жиры. И разговаривать не следует ни с кем три дня. Потом попробуешь и сможешь по вкусу определить, нормальное оно или подделка.

— А с чем сравнить?

— Вот с этим. — Старик достал из холщовой сумочки деревянную палочку толщиной примерно в два пальца. В ней с одного конца торчала, как пробка, другая палочка. — Здесь масло настоящее. Попробуй, ни с чем его не спутаешь ты вкус. Но сначала давай попробую я выгнать из тебя то, что скопилось от курения и разных ваших штучек.

— Как “выгнать”? Как Анастасия делала?

— Да, так примерно.

— Но ведь она говорила, что только любящий способен Лучом Любви болячки убирать в любимом. И тело нагревать его, чтоб ноги даже вспотевали.

— Лучом Любви. Всё правильно.

— Но вы же не можете меня любить. Так, как она.

— Но внучку я люблю. Давай попробуем.

— Давайте.

Старик сощурился и стал смотреть на меня пристально, не мигая. Тепло по телу разлилось. Но только намного слабее, чем от взгляда Анастасии. Не получалось у него. А он старался всё. Да так, что руки у него дрожали. Ещё чуть-чуть нагрелось тело, и всего лишь. Старик всё не сдавался, и я ждал. И вдруг вспотели ноги, потом настала свежесть в голове и, запахи... Я запахи услышал в воздухе.

— Ох, получилось, — сказал устало, облокотившись на спинку лавочки, старик. — Теперь дай руку.

Он открыл пробку-палочку и из палочки потолще вылил мне на ладонь Кедровое масло. Я его языком слизал с руки — по нёбу и во рту приятное тепло пошло. И запах вдруг почувствовал Кедровый. И спутать его трудно было с чем-нибудь.

— Теперь запомнишь? — спросил старик.

— Запомню. Что ж тут сложного? Картошку ел однажды я в монастыре. Так помнил долго. Через двадцать семь лет вкус её вспомнил. Но только как узнают люди, что проверено оно? Что подлинное масло? Уж слишком дорого его продают. За грамм один простого масла, разбавленного чем-то, берут по тридцать тысяч. Я сам видел. В упаковке импортной. Да за такие деньги свободно на подделки разные пойдут.

— Да, деньги сейчас правят бал. Тут думать нужно.

— Вот видите? Тупик!

— Анастасия говорила, что эти деньги во благо можно повернуть. Давай попробуем помыслить в этом русле.

— Давно уж мыслят, например, как водку от подделок застраховать. Но... Меняют этикетки, пробки, акцизные марки придумали, а толку никакого. Суррогат как продавали, так и продают. Сейчас на ксероксе любую марку можно напечатать.

— А деньги тоже можно напечатать?

— Деньги потрудней.

— Так и давай, как этикетки, с обратной стороны бутылки деньги будем клеить, чтобы работали во благо сопливые бумажки.

— Как — деньги клеить? Что за ерунда?

— Дай мне, пожалуйста, бумажку. Денег каких-нибудь.

Я дал ему купюру в тысячу рублей.

— Ну вот, всё ясно. Возьмёшь купюры, пополам их разорвёшь, одну половинку пусть клеят на коробку или ещё на что-то. Другую спрячь. Придумай сам куда. Или в банк ваш положи для сохранения. На двух половинках вот, видишь, одинаковые номера, и каждый, кто захочет увероваться в подлинности масла, свой номер сверить сможет.

“Ну, дед, — подумал я. — Вот это голова”. А вслух сказал ему:

— Защиты лучшей от подделок нет. Вы молодец!

Он засмеялся и сказал сквозь смех:

— Так дай и мне процент. Отстёгивай давай!

— Процент? Какой? И сколько ж вы хотите?

— Хочу, чтоб хорошо всё было, — сказал вдруг посерьёзневший старик. Потом добавил: — Помимо трех процентов возьми себе с продажи ещё один. Готовым в упаковке маслом. И раздавай его бесплатно тем, кому ты считаешь нужным дать. Пусть это будет от меня и от тебя подарок людям.

— Ладно, возьму. Отлично всё придумали. Вы молодец.

— Отлично? Значит, радоваться будет Настенька за нас. А то ленивым всё меня отец считает. А ты считаешь, значит, что молодец я?

— Да, молодец! — И снова мы смеялись. И я добавил: — Анастасии передайте, что вы могли бы быть предпринимателем отличным.

— Точно?

— Точно! “Новым русским” стать смогли бы, да ещё каким!

— Так и передам Анастасии. И то, что ты о масле всем поведал людям, ей расскажу. Не сожалеешь, что поведал всем?

— А что мне сожалеть? Возни с ним много очень. По-быстрому вот третью книжку напишу, как обещал, и бизнесом снова займусь, торговлей или чем-нибудь ещё нормальным.

ЗАГОЛОВОК!

(НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТО НАЗВАТЬ, ПРИДУМАЙТЕ, КТО МОЖЕТ,

ЗАГОЛОВОК САМИ)

Я решил рассказать дедушке Анастасии о своих новых помощниках и сказал ему:

— Сейчас об Анастасии много статей пишут. И учёные, и духовные объединения о ней говорят. Немножко по-разному трактуют её. Один творческий коллектив, очень духовные и тактичные люди, мне предложили заключить с ними договор. Передать им за плату эксклюзивное право на освещение и комментирование высказываний Анастасии в средствах массовой информации. Я согласился.

— И за какую же сумму ты согласился, Владимир, продать им Анастасию?

Сам тон вопроса и смысл его как-то неприятно подействовали на меня. И я ответил старику:

— Что значит — продать? Я рассказал им про Анастасию больше, чем написано в книге. Рассказал духовным людям, чтобы они могли единолично комментировать, пояснять её высказывания. Они и с ней хотят встретиться. Экспедицию даже сами готовы профинансировать. Я согласился. Что в этом плохого?

Старик молчал. Не дождавшись его слов, я добавил:

— А что деньги мне за эксклюзивное право предложили, так у нас так принято — услуги за деньги оказывать. Они больше получают от своих публикаций.

Старик ещё некоторое время молчал, опустив голову, потом, словно размышляя вслух, заговорил:

— Значит, ты, предприимчивый, продал Анастасию, а они, решив, что только они самые духовные и компетентные в мире, купили её.

— Как-то странно вы говорите. Что, в конце концов плохого я сделал?

— Скажи, Владимир, тебе или им, “духовным”, не приходила в голову мысль спросить, узнать, понять, с кем, когда и как хотела бы разговаривать сама Анастасия? И ходят ли у вас в гости, не получив на то согласия хозяев? Ведь она никого из них не приглашала в гости.

— Если она не захочет с ними общаться, пусть не общается. Она договор не подписывала.

— Но его подписал ты! Она готова всем поведать то, что знает, но вправе выбирать сама способ общения. И если книгу выбрала она и твой язык, кто вправе диктовать или требовать иного? Она свой выбор сделала, но кто-то хочет изменить его, и цель ясна подобного стремления. Она не будет разговаривать с людьми, которые поставили себя превыше всех. Разговаривать, зная, что их самость будет искажать, переворачивать и подстраивать под себя Истины, являющиеся для неё святыми.

— С чего заранее в таком чёрном цвете вы всё выставляете? Люди эти м н о г и м и у ч е н и я м и и н т е р е с у ю т с я . Очень духовны.

— Они решили, что из всех они самые духовные. Духовная самость и есть вершина самого смертного греха — гордыни.

Какое-то непонятное чувство досады на самого себя возникло во мне. Деньги по договору я ещё не получил и потому удалось расторгнуть его. А через некоторое время снова, не усмотрев ничего крамольного, подписал договор с одним из духовных центров на передачу эксклюзивного права на собственные интервью. Снова подкупали тактичность и духовные знания. Тем более что договор касался только меня, а собой я вправе распоряжаться. Но снова и они, и я в ловушку попадали, и снова получилось, как бы косвенно я продавал Анастасию, а они её купили.

И уже не дедушка Анастасии, а московская журналистка, прочитавшая этот договор, с возмущением сказала: “Фу, как глупо. Ты дешево продаёшь Анастасию. Вчитайся и вдумайся в

строчки договора. Ты передаёшь право другим — единолично — по самому сильному информационному каналу трактовать и использовать всё связанное с Анастасией, как им заблагорассудится. При этом лишив себя возможности даже опротестовать их мнение, каким бы оно ни было”.

Насколько это верно, трудно сказать, я лучше приведу здесь некоторые пункты из этого договора:

1. Предмет договора:

1.1. АВТОР передаёт эксклюзивные права на видеосъёмки самого себя, а также использование иных видеоматериалов, связанных прямо или косвенно с производством телевизионных видеопрограмм “Анастасия” (далее по тексту — программа). Упомянутая передача прав ИСПОЛНИТЕЛЮ распространяется на все страны мира.

1.2. ИСПОЛНИТЕЛЬ обязуется, используя собственные денежные средства, изготовить три программы хронометражем 30—40 минут каждая на профессиональных носителях ВЕТАСАМ в количестве 1 (одной) штуки каждая.

1.3. С согласия и понимания ситуации АВТОРОМ и ИСПОЛНИТЕЛЕМ, любые взаимодействия с видео- и киностудиями, телевидением, в т.ч. кабельным, а также любые иные видеосъёмки на любом оборудовании, а также использование видеоматериалов по данной тематике осуществляются только и исключительно ИСПОЛНИТЕЛЕМ.

АВТОР не имеет права во время действия Договора давать видеоинтервью и изготавливать любые видеоматериалы, в которых прямо или косвенно используются такие же понятия и термины, как и в программах.

Вообще, анализируя события, связанные с написанием, изданием и распространением книжки “Анастасия”, я сделал для себя вывод: люди, называющие себя “сильно духовными”, имеют обратную сторону, которой сами же и боятся, а потому твердят всё время, намекают и другим о своей духовности. Наверное, боятся, что увидят их обратную сторону.

С предпринимателями проще. Их действия и стремления более открыты, менее завуалированы, а следовательно, и более честны как перед собой, так и перед окружающими, обществом. Может, моё мнение ошибочно. Но только от фактов никуда не уйти.

Набирали текст книжки “Анастасия” три московских студента. На скорую оплату своего труда они не надеялись. О духовном вообще никогда не говорили.

Издавал книгу за свой счёт директор московской типографии №11, офицер в отставке Грузя Г.В., тираж был мал и сулил лишь убытки. Грузя — предприниматель, о духовном тоже никогда не говорил. Следующий тираж оплатил директор московской коммерческой фирмы Никитин, а потом выяснилось, что книгами он не торгует. Он отдал мне большую часть тиража для продажи. В сроках возврата затраченных средств не ограничил. О духовном он тоже не разговаривал.

А потом стали подключаться “духовные”. И был запущен “подпольно” сорокапятитысячный тираж. Когда эту “духовную” фирму обнаружили, они стали говорить о своей духовности и желании творить светлое, обещали заплатить авторский гонорар. Да так и по сей день всё обещают. Это не единичный случай. Вообще, у “духовных” к расчётам большое пренебрежение, особенно когда они должны.

А что касается передачи эксклюзивных прав, я решил заявить на страницах этой книжки: никому и никогда передавать эксклюзивного права на трактовку высказываний Анастасии я больше не буду. И если кто-то заявит о своём преимуществе, пусть знают люди: я не давал его добровольно!

Почему говорю “добровольно”? В адрес московской журналистки, помогавшей мне расторгнуть договор, вскоре посыпались угрозы от неизвестных лиц. Кто они? Чего хотят? Вот так “духовные”! Свою духовность рэкетом блюдут. Ну что ж, я с рэкетом знаком, там тоже люди есть. И им сказать хочу: с “духовными” поосторожней будьте и, прежде чем на что-нибудь решиться, подумайте, спокойно разберитесь, куда ввергают вас “духовные”...

И ещё. В первой книге я писал, что предлагал Анастасии приехать выступить по телевидению самой, но она отказалась. Тогда мне было непонятно, почему отказалась. Теперь стало ясно, что она предвидела. Даже после выхода книжки появилось много трактовок её высказываний. Разные они. Есть интересные, есть спорные, но среди прочего явно стало прослеживаться и желание

отдельных лиц трактовать её в угоду собственным интересам. Были и прямые заявления: “Ты, что ли, один имеешь право с ней говорить?”, “Ты не всё понимаешь, дай другим пообщаться, пользы больше будет”. Но она же не вещь, чтоб кому-то её передавать. Она Человек! И сама вправе решать, как поступать, с кем и что говорить. Теперь всё более явным становится, что на Анастасию действительно обрушивается видимая и невидимая громада тёмных сил в виде фанатов и корысти.

“Я знаю, какая громада тёмных сил обрушится на меня. Но я не боюсь их, я успею сына родить и воспитать его. Увидеть то, о чём помечтала. И будут люди перенесены через отрезок времени тёмных сил”, — сказала Анастасия еще в первой книге.

Воспитывают они детей до одиннадцати лет. Значит, по крайней мере ещё десять лет она может выдержать.

— А дальше что? — спрашивал я у дедушки. — Она неизбежно погибнет?

— Трудно сказать, — ответил старик. — Все погибали значительно раньше, а она не раз вступала на путь, предрекающий гибель физическую, но каждый раз, в последнее мгновение ярко вспыхивал забытый и более сильный своим приоритетом закон. Высвечивал суть Истины бытия земного. Оставлял жизнь в её теле земном.

Старик замолчал и снова в раздумье стал какие-то знаки палочкой своей вычерчивать. Я тоже размышлял: “Надо же мне было в такую историю ввязаться! И главное, что бросить всё теперь невозможно. Так бы, может, и бросил, а теперь невозможно, потому что ребёнок. Сына родила Анастасия. Ей бы ребёнком заниматься, воспитывать его, а она всё равно свою мечту не оставляет — перенести людей через отрезок времени тёмных сил. И не оставит. Упорная потому что очень. Такая не оставит. А кто ей, наивной, помочь будет? Если перестану делать то, что обещал ей, совсем никого не останется. Расстроится она тогда. А кормящим матерям расстраиваться нельзя. Пусть сначала хоть ребёнка грудью выкормит”. И я спросил у старика:

— Я что-нибудь могу сделать для Анастасии?

— Попробуй осознать, что говорит и хочет она. Тогда взамен метаниям — взаимопонимание, согреет сердце тёплая волна, взойдёт над миром новая заря.

— А конкретнее вы можете сказать?

— Мне трудно сказать конкретнее. Искренность во многом важна. Так что делай так, как сердце велит тебе и Душа.

— Она про городок один российский заштатный говорила. Будто бы стать он может богаче Иерусалима и Рима. Потому, что святынь предков наших в его окрестностях много. И значимее они, чем храмы Иерусалима. Только неосознанность местных людей не позволяет их видеть. Хочу поехать туда, изменить осознанность.

— Этого быстро невозможно сделать, Владимир.

— Так я же не знал, что невозможно, и пообещал Анастасии. Теперь надо как-то менять.

— Раз не знаешь о невозможности, то изменишь. Удачи тебе! А мне идти пора.

— Я провожу.

— Не трать время. Не стоит меня провожать, думай о своём.

Старик встал и протянул руку.

Я смотрел вслед удаляющемуся по аллее дедушке Анастасии и думал о предстоящей поездке в город Геленджик, вспоминая, что говорила о нём Анастасия. А зашёл о нём разговор вот из-за чего:

Твои святыни, Россия!

Я спросил у Анастасии:

— Часто ли встречаются Звенящие Кедры?

— Очень, очень редко, — ответила она, — может быть, два-три за тысячу лет. Сейчас кроме этого, спасённого, есть ещё один, и его можно спилить, использовать по назначению.

— Что означает — “использовать по назначению”, в чём оно?

— Великим Интеллектом Вселенной — Богом, сотворившим человека и окружающее его, наверное, было предусмотрено дать людям возможность вернуть утраченные способности, пользоваться мудростью, накопленной в нематериальном мире. Она существовала изначально, но лишь из-за греховности утрачена способность человека её воспринимать.

Мои дедушка и прадедушка рассказали тебе о Звенящем Кедре, о его необычайных целебных свойствах. Но они не стали пояснять, что его ритмы, пульсации близки Великому Интеллекту. Если их соединить, умножить как бы на ритмы, что во многих людях есть. Такой человек, положивший ладонь на тёплый ствол Звенящего Кедра, проводя по нему ладонью, как бы поглаживая, получает для себя возможность общения с бесконечным объёмом мудрости. Он способен многое осознать в том направлении, в котором думал в момент прикосновения и будет думать впоследствии. С каждым в разной степени это будет происходить. Я рассказываю тебе о Высшем проявлении.

— А почему он по-разному действует? Выбирает, что ли?

— Он действует одинаково. Его ритм, вибрация всегда неизменны. Но одни люди могут к ним подстроиться и почувствовать всё полностью, другие лишь слегка ощутят. Много людей вообще ничего сразу не чувствуют. Но и к нечувствующим постепенно осознанность будет приходить. По крайней мере, возможность увеличится.

— Как-то непонятно, чего он выбирает?

— Владимир, я же говорю тебе, — не в нём дело, а в человеке... Вот. Нашла. Пример: музыка! Понимаешь, музыка, когда звучит... Музыка — это ведь тоже вибрация, ритм. Но одни люди её внимательно слушают, чувства у них появляются, иногда даже слёзы радости, умиления. Другие ту же музыку слушают безучастно или вообще слушать не хотят.

Так и Кедр. Только тот, кто чувствовать способен и понять, услышит многое. И это многое в нём постепенно будет раскрываться. В моменты, когда задуматься захочет человек.

Женщины могут обрести силу и мудрость Первоистоков, выполнить своё предназначение, сделать счастливым и своего избранника-мужчину, себя, рождённого в Любви ребёнка. И здесь не в Кедре чудо, а в стремлениях людских, им Кедр всего лишь помогает, и Он не главный в свершениях благих.

— Невероятно! Это похоже на какую-то красивую, манящую легенду.

— Не веришь? Ты считаешь сказанное мной легендой? Зачем тогда стремился ты в эти места и так хотел, чтобы Звенящий Кедр тебе я показала?

— Ну, не всё я считаю легендой. После рассказа твоих дедушки и прадедушки о Кедре я тоже вначале не поверил. Потом, когда домой из экспедиции вернулся, читая научно-популярную литературу, познакомился с высказыванием учёных относительно его целебных свойств и был поражён тем, что и учёные, и Библия сходятся в едином мнении. Но нигде даже близко не сказано о возможности через Кедр почувствовать связь с Интеллектом или Богом, как ты об этом говоришь.

— Ты невнимательно читал и высказывания учёных, и Библию или не придавал значения главному, иначе не усомнился бы в моих словах.

— Так что же я мог пропустить? В Библии, например, только в двух местах о Кедре говорится: когда Бог учит, как людей лечить с его помощью, а потом, как жилище обеззараживать.

— Но в Библии рассказывается ещё и о царе Соломоне как об одном из самых мудрых правителей, почитаемом своим народом. Царь Соломон лицо ведь историческое. Он не легенда.

— Ну и что?

— И говорится в Библии, что этот царь построил Богу храм из Кедра и рядом дом себе из Кедра тоже. И для того, чтоб Кедр заполучить, он нанимал более тридцати тысяч работников, которые доставляли его из другой страны. А чтобы срубить Кедровые деревья, Соломон обратился к другому царю — Херону с просьбой дать ему людей, “которые умели бы рубить дерева”. За этот Кедр Соломон отдал двадцать городов своего царства. Подумай, для чего мудрейшему правителю понадобилось идти на такие затраты и строить храм и дом из материала менее прочного, чем был у него под рукой?

— Для чего?

— Ответ ты тоже мог бы в Библии найти: “Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень: и не смогли священники стоять на служении по причине облака, ибо слово Господне наполнило Храм Господень” (3-я царств. 8). Косвенные доказательства ты сможешь найти и в высказываниях светил вашей науки.

— Вот здорово. Похоже, можно верить. Он тайны, значит, многие раскроет для людей. Покажи мне Звенящий Кедр, который можно будет распилить. Я привезу его в какой-нибудь город, куда удобно будет добираться желающим со всего мира прикоснуться к нему.

— Где же ты найдёшь сегодня на Земле такой город, чтобы жители его не надругались над этой святыней, обеспечили охрану, создали условия для желающих подойти?

— Попробую найти. Ты почему решила, что это трудно будет сделать?

— Слишком сковано программами технократического мира сознание сегодняшних людей. Они на биороботов похожими становятся.

— Каких это биороботов?

— Технократический мир так устроен, что человек изобретает всякие механизмы, общественные постулаты якобы для облегчения своей жизни. На самом деле облегчение иллюзорно.

Человек становится сам роботом технократического мира. У него постоянно не хватает времени задуматься над сущностью бытия, выслушать другого, и над собственной судьбой ему тоже некогда задуматься. Он словно запрограммированный робот. Вот ты сейчас видишь всё своими глазами, слышишь своими ушами, а поверить тебе трудно.

— Анастасия, со мной иная ситуация. Я не могу назвать себя сильно верующим. Верю, в общем-то. Но, наверное, не так, как другие. У нас сейчас много по-настоящему верующих людей. Библию читают многие. Они сразу схватятся, как увидят, сколько в Библии про Кедр сказано, поверят и бережно отнесутся к твоему кусочку Кедра.

— Вера, Владимир, разной бывает. Часто человек держит в руках Коран, Библию, иную книгу мудрости Истоков, говорит, что верит, даже других учить пытается, но на самом деле он просто как бы торгуется с Богом:

“Видишь, я в Тебя верю. Ты зачи это мне в случае чего”.

— Что же тогда такое, вера? В чём она выразаться должна?

— В образе жизни, мироощущениях, понимании сути своей и предназначения, соответствующих действиях и отношении к окружающему, в помыслах.

— Значит, просто верить не достаточно?

— Просто верить недостаточно. Представь себе армию. Все солдаты, до единого, верят своему полководцу. А в бой не идут. Они так сильно ему верят, что считают, — он и сам победит. Вот и сидят солдаты, наблюдают, как их полководец идёт один навстречу громаде противника. Кричат ему в исступлении: “Давай! Давай! Мы в тебя сильно верим!”

— Ничего себе, сравнение ты привела. Такого абсурда не бывает.

— Этот абсурд и происходит в реальной жизни.

— Тогда ты и приведи пример из конкретной, реальной нашей жизни, а не вымышленный.

— Хорошо. Есть город в России. Называется он Геленджик. Предназначение его, чтоб люди отдохнуть могли от повседневной суеты, задуматься, к святыням прикоснуться.

В окрестностях этого города и в нём самом много разных святынь. Значение этих святынь большее, чем имеющихся в Иерусалиме, большее, чем пирамиды Египта.

Этот город мог бы быть одним из самых богатых городов мира. Богаче Иерусалима и Рима. Но город умирает. Это курортный город. Его дома, гостиницы разные пустуют, разрушаются. Заматериализованное сознание местных правителей не позволяет им увидеть ценности, способные сделать город процветающим. Рассказывая о своём городе, они говорят о море, об искусственных способах лечения, о том, что в номерах его гостиниц есть тумбочки и холодильники. О святынях ничего даже не упоминают. Они и сами о них мало знают и знать не хотят. Приоритеты отдают другому. В этом городе много людей, называющих себя верующими. Много разных конфессий. Некоторые из них активно учат других вере. Какой вере? Своим отношением к окружающему они нарушили и нарушают даже те Заповеди, которые и в почитаемых ими книгах есть. В Библии, например, — “Возлюби ближнего своего”.

Но, прежде чем любить, нужно знать о ближнем своём. Нельзя любить того, кого не знаешь. А они, считая себя верующими, не знают о своих ближних, родителях своих, что жили на святой земле и оставили им в наследство клад неисчерпаемый — Святыни. Пронесли сквозь тысячелетия порывы мудрости и света собственной Души. Многие называют себя верующими, а святынь вокруг себя не замечают. Святынь, оставленных им в помощь родителями.

— Да что за святыни такие в городе этом?

— Понимаешь, Владимир, рядом с городом Геленджиком и растёт тот Кедр Ливанский, о котором так много раз упоминается в Библии. И это живое, прямое творение Бога, о котором так много говорилось ещё до появления Иисуса Христа на Земле, находится рядом с этим городом. Ему всего сто лет. Он ещё подросток, но уже красивый очень и сильный. Вырос он там потому, что был посажен человеком достойным. Был такой писатель — Короленко. Благодаря тому, что какое-то время его почитали, вокруг Кедра изгородь сделали. Но сейчас и дом, где жил этот человек, разрушается, и на дерево внимания не обращают.

— И верующие?

— Многие люди этого города, считающие себя верующими, ни на этот Кедр, ни на другие великие святыни своих предков внимания не обращают, разрушают их... И город умирает.

— Значит, им Бог мстит, наказывает их.

— Бог добрый. Он никогда не мстит. Но что же сделать может Он, когда его творенья не замечают?

— Невероятно! Неужели действительно существует такое дерево? Это нужно проверить.

— Существует. И много других святынь есть в окрестностях этого города. Но и к ним относятся с позиции технократического мировоззрения, так, например, как к пирамидам Мудрых Фараонов.

— Что? Откуда тебе известно о существовании пирамид Египта?

— Благодаря поколениям моих предков во мне сохранена способность общаться с измерением, где живут мысли, мудрость. Общаясь с ними, можно всё узнать, о чём подумаешь, что представляет интерес.

— Подожди, подожди. Сейчас я проверю. Ответь, тебе что же, известны тайны египетских пирамид?

— Известны. Как известно и то, что исследователи этих пирамид всё время шли от материального. Их в основном интересовало, как они строились, какой размер, соотношения сторон, что спрятано внутри, какие вещи там находятся. Живущих во времена строительства пирамид людей они считали суеверными. Расценивали пирамиды лишь как способ сохранения драгоценностей, вещей фараона, его тела, славы. Потому и удалялись от основного, осмысленного.

— Я тебя не понимаю, Анастасия. От чего осмысленного удалялись?

Анастасия помолчала некоторое время, словно вглядываясь в бесконечность, и начала свой удивительный рассказ:

— Понимаешь, Владимир, в глубокой древности жившие на Земле люди обладали способностями, позволяющими им быть неизменно умнее теперешнего человека. Люди Первоистоков имели возможность запросто пользоваться всей информационной базой данных, заполняющей Вселенную. Эта информация Вселенной создана Великим Интеллектом — Богом. Пополняемая Им и самими людьми, их мыслями, она столь грандиозна, что способна ответить на любой вопрос. Она ненавязчива. Ответ возникал мгновенно в подсознании на тот вопрос, на который искал ответ человек.

— Ну и что это им давало?

— Тем людям не нужен был космический корабль для полёта на другие планеты, ибо, пожелай, они могли и так увидеть, что происходит на них.

Тем людям не нужен был телевизор, телефон, опутывающий Землю линиями связи, письменность, ибо информацию, которую вы получаете из книг, они могли мгновенно получить, используя возможности другие.

Тем людям не нужна была индустрия, производящая лекарственные препараты, они могли при необходимости получить все лучшие лекарства, сделав лишь лёгкое движение руки, потому что они есть в природе.

Тем людям не нужны были теперешние средства передвижения. Не нужны машины и комплексы, производящие пищу, ибо всё и так им было предоставлено.

Они понимали, что изменения климатических условий на одном участке Земли служило сигналом переселения на другой, чтобы прежняя Земля могла отдохнуть. Они понимали Космос и свою планету. Они были мыслителями и понимали своё предназначение. Они совершенствовали планету Земля. Им не было равных во Вселенной. По интеллекту выше был только сам Великий Интеллект Вселенной — Бог.

Примерно десять тысяч лет назад среди человеческой цивилизации, заселявшей тогда теперешнюю Европу, Азию, северную часть Африки, Кавказ, стали появляться индивидуумы, у которых связь с Интеллектом Вселенной частично или полностью притуплялась. Вот с этого момента и берёт своё начало движение человечества к катастрофе планетарного масштаба, всё равно какой катастрофе: экологической, ядерной, бактериологической, как прогнозируют учёные, как говорят древние религии, описывая её иносказательно.

— Подожди, Анастасия, совсем непонятно, каким образом можно связать появление этих “инвалидов” с планетарной катастрофой.

— Ты очень правильно подобрал для них современное слово “инвалиды”. Да, они были инвалидами, неполноценными людьми. А что требуется человеку, не имеющему зрения?

— Чтобы его кто-то водил.

— Не имеющему слуха?

— Аппарат специальный.

— Не имеющему руки или ноги?

— Протезы.

— Но у них не было значительно большего. У них не было связи с Интеллектом Вселенной. Отсюда потеря знаний, с помощью которых можно совершенствовать Землю, управлять Ею. Представь себе экипаж суперсовременного космического корабля, вдруг потерявшего на девяносто процентов свой ум. Они, ничего не соображая, начинают срывать обшивку и разводить в кабине костёр, отрывать от пульта приборы и делать из них себе украшения, игрушки. Именно такому умалишённому экипажу можно уподобить этих людей. И именно они, эти, как ты говоришь, “неполноценные инвалиды”, сначала изобрели каменный топор, копьё, потом... Их мысль, развиваясь, дошла до ядерной боеголовки. И по сей день их мысль продолжает с невероятным упорством ломать совершенные творения, заменяя их на свои примитивные творения.

Их поколения стали изобретать всё больше и больше, при этом терзая суперсовременный природный механизм Земли, создавая всевозможные искусственные социальные устройства. Потом люди стали драться друг с другом.

Эти механизмы, машины не могли существовать сами по себе, как природные. Они не могли не только воспроизводить себя, но и самовосстанавливаться при поломке, как дерево, например. И тогда им — технократам потребовалось много людей сделать обслугой для этих механизмов, а фактически превратить часть людей вообще в биороботов. Этими биороботами, так как они лишены индивидуальной способности познания Истины, очень легко управлять. Ну, например, с помощью искусственных средств информации заложить в них программу: “нужно строить коммунизм”, создать им символы, значки, флаги с определённым цветом, потом с помощью этих же средств заложить в часть других людей иную программу: “коммунизм — плохо”, преподнести другие символы, цвета. И тогда две группы с разными программами будут ненавидеть друг друга вплоть до физического уничтожения. А началось всё десять тысяч лет назад, когда людей, лишённых связи с Интеллектом, становилось всё больше. Фактически их ещё можно назвать умалишёнными, потому что ни одно из живших существ не погубит Землю так, как они.

В те далёкие времена оставались немногие, кто ещё мог свободно пользоваться Вселенской мудростью. Они надеялись, что человечество, когда подойдёт к тому, что испоганенным воздухом ему станет трудно дышать, загрязнённую воду станет опасно пить, а созданные им искусственные системы жизнеобеспечения, технические и социальные, окажутся громоздкими и всё чаще будут давать аварийные сбои, задумается...

Задумаются стоящие на краю пропасти люди над сущностью бытия, смыслом жизни своей и предназначением. Тогда многие из них захотят постичь Истину Первоистоков, а это возможно при обязательном условии возврата способностей Первоистоков. Жившие десять тысяч лет назад немногие люди ещё обладали этими способностями. В основном это были стоящие во главе сообществ — вожди племён. Они, вернее, по их указанию, стали строить специальные сооружения из тяжёлых каменных плит. Внутри получалась камера, комната размером примерно полтора на два метра и высотой около двух метров, иногда больше, иногда меньше. Плиты ставились под небольшим углом внутрь. Иногда такие камеры высекали из монолитного камня, иногда их прятали под землёй, насыпая курганы. В одной из стен камеры, в плите, делалось конусообразное

отверстие, примерно тридцать сантиметров в диаметре. Оно закрывалось идеально подогнанной каменной пробкой.

В них, в эти камеры-гробницы, и уходили люди, не потерявшие способность пользоваться мудростью Вселенной. Оставшиеся в живых и рождённые даже через тысячи лет могли подойти к ним и получить ответ на тот вопрос, который интересовал человека. Для этого нужно было сесть у камеры, задуматься. Иногда ответ приходил сразу, иногда позднее, но обязательно приходил, потому что эти сооружения, ушедшие навечно в них служили информационным приёмником. Через них легче было связаться с Интеллектом Вселенной.

Эти каменные сооружения являются прообразом египетских пирамид. Только пирамиды более слабый приёмник, хоть и размер их намного больше, а суть, предназначение — одно.

Захороненные в пирамидах Египта фараоны также являлись мыслителями, и у них частично была сохранена способность Первоистоков.

Но чтобы получить ответ с помощью пирамид на тот или иной вопрос, оставшимся в живых необходимо было приходиться к пирамиде не по одному, а сразу в большом количестве. Встать вдоль каждой из четырёх сторон, взор глаз и мысленные взоры направить, как бы скользя по наклонной грани пирамиды, к её вершине. Там, у вершины, взоры и мысли людей фокусировались в одной точке, образуя при этом канал, через который осуществлялся контакт с Разумом Вселенной.

И сейчас можно проделать то же самое и получить желаемое. В месте фокусировки мысленных взоров образуется энергия, похожая на радиацию. Если поместить на вершине пирамиды, в месте фокусировки, прибор, то он зафиксирует наличие этой энергии. Необычные ощущения появятся и у стоящих внизу людей.

О, если бы не греховная гордыня современных людей, бытующее всеобщее мнение, ложное представление о том, что цивилизации прошлого были глупее... Современные люди могли бы разгадать истинное предназначение пирамид. Современные исследователи большое внимание уделяли способу их строительства, но так и не смогли его разгадать. А всё просто: при строительстве наряду с применением физической силы и разных приспособлений всегда использовалась мысленная энергия, уменьшающая гравитацию. Целые группы людей, обладающие такими способностями, помогали строителям пирамид. Есть люди и среди сегодня живущих, которые могут двигать мыслями маленькие предметы. Неизмеримо значимее пирамид по эффективности в контакте с Разумом Вселенной, меньшие по размеру каменные сооружения, предшествующие пирамидам.

— Почему, Анастасия? Из-за своей конструкции, формы?

— Потому, Владимир, что в них уходили умирать живые люди. И необычно их смерть была. Они уходили в вечную медитацию.

— Как это “живые люди”? Зачем?

— Для того, чтобы создать для потомков возможность вернуть силу Первоистоков. Пожилой человек, как правило, один из наиболее умудрённых вождей или родоначальник, почувствовав скорую кончину, просил своих родственников, близких поместить его в эту каменную камеру. Если его считали достойным, то помещали.

Отодвигалась тяжёлая, массивная плита-крышка. Он входил в каменную камеру, крышку закрывали. Человек оказывался полностью изолированным от внешнего, материального мира. Его глаза ничего не видели, его уши ничего не слышали. Такая полная изоляция, невозможность допустить даже мысли вернуться, но и не перейдя ещё в иной мир, отключение обычных органов чувств, зрения и слуха, открывали возможность полного общения с Разумом Космоса, осмысливать многие явления и поступки земных людей. И, самое главное, передать впоследствии осмысленное оставшимся в живых и их последующим поколениям. Сейчас, примерно такое состояние вы называете медитацией. Но она лишь детская шалость по сравнению с медитацией в вечность.

Впоследствии люди приходили к этой каменной камере, вытаскивали пробку, закрывающую отверстие, и думали, советовались с витающими в камере мыслями. Дух Мудрости всегда был там.

— Анастасия, но как, с помощью чего ты можешь доказать сегодняшним людям существование таких сооружений и то, что в них уходили люди в вечную медитацию?

— Могу! Потому и рассказываю.

— Как?

— Очень просто. Ведь эти камеры каменные... ещё существуют сегодня. Вы их сегодня называете дольменами. Их можно увидеть, дотронуться до них. И всё, что говорю, проверить.

— Что??? Где? Ты можешь место указать?

— Да. Например, в России, в горах Кавказа, недалеко от городов, которые теперь называются Геленджик, Туапсе, Новороссийск, Сочи.

— Я проверю. Я съезжу специально к ним. Да как же так, такого быть не может. Я проверю.

— Конечно, проверь. О них и местные жители знают, только значения не придают. Многие дольмены уже разграблены. Люди не понимают их истинного предназначения. Не знают о возможности контакта с их помощью с мудростью Вселенной. Ушедшие в вечную медитацию не могут уже никогда воплотиться ни в чём материальном. Пожертвовали вечностью ради потомков своих, а их знания и возможности оказались невостребованными. В этом величайшая скорбь их и печаль.

А доказательством того, что туда в прошлом уходили умирать живые люди, служит расположение костей скелетов, обнаруженных в дольменах. Некоторые умирали лёжа, некоторые сидя в уголке или полулёжа, прислонившись к каменной плите.

Теперешние люди констатировали этот факт. Он описан вашими учёными, но значения ему опять же не придали. Серьёзным исследованием дольменов не занимаются. Дольмены разбивают местные жители. Их каменные плиты используют для строительства.

Анастасия печально опустила голову и замолчала. Я пообещал ей:

— Я объясню. Объясню им всё. Они не будут их грабить, разбивать. Глумиться над ними не будут. Они ведь просто не знали...

— Думаешь, у тебя получится объяснить?

— Я попробую. Поеду в эти места и попробую объяснить. Пока не знаю ещё как. Найду эти дольмены, поклонюсь им, объясню всё людям.

— Хорошо бы. Тогда, если поедешь в те места, поклонись, пожалуйста, и дольмену, в котором умерла моя прамамочка.

— Невероятно! Откуда ты можешь знать, что твоя прародительница жила в тех местах и как она умирала?

Анастасия ответила:

— Как же можно, Владимир, не знать, как жили, что делали твои предки? Чего они хотели, к чему стремились? А мамочка далёкая моя достойна памяти. Все мамочки мои её познали мудрость. И мне она сегодня помогает.

Прамамочка моя была той женщиной, которая в совершенстве знала, как при кормлении грудного младенца наделять его способностью пользоваться Разумом Вселенной. Уже тогда люди той цивилизации, в которой жила она, переставали придавать этому значение, как и теперешние. При кормлении ребёнка грудью нельзя отвлекаться ни на что постороннее, нужно думать только о ребёнке. Она знала, о чём и как нужно думать, потому и хотела передать свои знания всем людям.

Прамамочка не была ещё слишком старой, но стала просить вождя, чтобы её поместили в дольмен. Потому, что вождь был старым, а новый никогда бы не выполнил её просьбу. Женщин в дольмены очень редко пускали. Старый вождь уважал мою прамамочку, ценил её знания, и он разрешил ей. Он только мужчин не мог заставить отодвинуть тяжёлую плиту дольмена и потом закрыть её над прамамочкой. И тогда женщины, только одни женщины справились с этой работой.

Но к дольмену моей прамамочки никто уже давно не приходит. Не интересуется её знаниями. А она так хотела передать их всем. Она хотела, чтобы дети были счастливыми и радовали своих родителей.

— Анастасия, если хочешь, я подойду к этому дольмену и спрошу её, как надо грудных детей грудью кормить, о чём и как думать при этом. Ты расскажи, где он находится?

— Хорошо, расскажу. Только ты не сможешь понять её. Ты же не кормящая мать. Тебе не известны ощущения матери, кормящей младенца. Её могут понять только женщины, кормящие матери. Ты просто подойди к этому дольмену, дотронься до него. Подумай о моей прамамочке что-нибудь хорошее, ей это будет очень приятно...

Некоторое время мы молчали. Поражённый точными указаниями месторасположения дольменов, что можно было впоследствии проверить, я не стал высказывать сомнения относительно их существования. Однако попросил представить доказательства возможности контакта с невидимой и непонятной мне мудростью Вселенной. На что Анастасия ответила:

— Владимир, если ты постоянно ставишь под сомнение всё сказанное мной, то и доказательства мои для тебя будут непонятны и необидительны. А на них придётся потратить много времени.

— Ты не обижайся, Анастасия, но твой необычный отшельнический образ жизни...

— Какой же он отшельнический, если я имею возможность общаться не только со всем, что на Земле, но и со значительно большим. На Земле так много людей в окружении себе подобных и совершенно одиноких, замкнутых отшельников. Не страшно, когда человек один, гораздо страшнее, когда он одинок среди людей.

— Ну, всё равно, если бы об этом измерении, ну, где живут, как ты говоришь, мысли, производимые человеческими цивилизациями, сказал ещё кто-нибудь из светил нашей науки, то люди бы больше, чем тебе, поверили. Так уж устроен человек современный, для него официальная наука — авторитет.

— Такие люди есть, я видела их мысли. Не могу назвать их фамилии. Но, вероятно, это крупные, по вашим меркам, учёные. Они имеют возможность много думать. Ты сам поищи доказательства, когда вернёшься, и сопоставь всё мной сказанное.

* * *

Приехав на Кавказ, я нашёл в горах, недалеко от Геленджика, дольмены. Сфотографировал их на цветную фотоплёнку. Знали о дольменах и в местном краеведческом музее, только значения большого не придавали.

Ещё я нашёл дольмен, в котором была похоронена прамама Анастасии, поклонился ему, положил на поросший мхом каменный портал цветы.

Я смотрел на дольмены — видимое и осязаемое подтверждение слов Анастасии. К тому времени перечитал в Библии в 3-й книге царств о царе Соломоне, о его отношении к Кедру. - Будучи человеком весьма далёким от науки, я не собирался перелопачивать множество научных трудов в поисках подтверждения сказанному Анастасией. Но невероятным образом эта молодая отшельница из глухой сибирской тайги словно подтверждала на расстоянии, но уже языком современной науки, свою правоту. Люди сами приносили и присылали научные труды, говорящие о существовании Разума Вселенной.

Вначале я уже приводил высказывания академика, члена Российской Академии медицинских наук, директора института клинической и экспериментальной медицины В.Казначеева и академика международного Института теоретической и прикладной физики Академии естественных наук России А.Акимова, напечатанные в журнале “Чудеса и приключения” в мае 1996 года.

* * *

Эту главу о святынях Геленджика я писал, находясь в этом городе. Её текст на компьютере набирала работница санатория “Дружба” Марина Давыдовна Слабкина. Ещё до публикации в книге её прочитали работники санатория. И знаете, что произошло...

26 ноября 1996 года в 10 часов 30 минут по московскому времени произошло событие, внешне не претендующее на сенсационность или необычность. И всё же... Я убеждён, это было событие планетарного масштаба.

К дольмену, расположенному в горах, недалеко от поселка Пшава Геленджикского района, шла группа женщин. Это были работники санатория “Дружба”: В.Т. Ларионова, Н.М. Грибанова, Л.С. Звегинцева, Т.Н. Зайцева, Т.Н. Куровская, А.Г. Тарасова, Л.Н. Романова и М.Д. Слабкина.

В отличие от туристов, иногда посещающих эти места, чтобы полюбоваться красотами природы, празднично взирающих на стоящий в горах одинокий дольмен, эти люди, может быть, впервые за тысячелетие, шли к дольмену, чтобы почтить память своего далёкого предка. Почтить память человека, жившего более десяти тысяч лет назад. Мудрого вождя своего рода. По собственной воле живым он был замурован в каменном склепе. Живым, чтобы и через тысячелетия передать своим потомкам мудрость Вселенной.

Трудно сказать, сколько тысячелетий его усилия были не востребованными. Следы надругательств уже нашего столетия запечатлены на древнейших плитах в виде современных надписей, раскученного отверстия

портала дольмена. Приходящие к дольмену люди, по крайней мере, за последнее столетие, о нём, захороненном здесь человеке, о его мудрости, желании и стремлении отдать себя ради живущих и не думали. Об этом, к сожалению, красноречиво свидетельствуют дореволюционные и более современные монографии, с которыми я ознакомился.

Учёные, исследователи, археологи больше интересовались размерами самого дольмена, удивлялись и пытались определить, как были обработаны и воздвигнуты многотонные плиты.

И вот... Я смотрел на стоящих у дольмена женщин, на принесённые ими и возложенные к порталу цветы и думал: “За сколько столетий или тысячелетий ты получил первые цветы, наш умудрённый предок? Что чувствует сейчас твоя Душа? Что может происходить в это мгновение в астральном мире? Расценили ли вы, наши далёкие и такие близкие прародители, эти цветы как первый знак того, что ваши усилия не напрасны? И среди современных людей, ваших потомков, есть стремление к более осознанному существованию. Это только первые цветы. Будут, наверное, ещё и ещё. Но эти первые, самые желанные, и вы, поможете ныне живущим в постижении мудрости Вселенной, в осознании бытия. Вы наши далёкие прародители”.

В этой поездке к дольмену принимал участие санитарный врач Геленджикской СЭС Е. И. Покровский. Его пригласила экскурсовод-краевед В.Т. Ларионова с целью замерить радиационный фон дольмена.

Она рассказала мне, что однажды во время экскурсии к дольмену у одного из туристов оказался счётчик Гейгера и прибор сработал, показывая высокий уровень радиации. Этот турист потом отозвал В.Т. Ларионову в сторону, чтобы не пугать других туристов, показал прибор и сообщил ей о наличии радиации у дольмена.

В специальном чемоданчике работника местной СЭС был достаточно точный прибор. Он стал производить замеры радиационного фона земли ещё до подхода к дольмену и продолжал это делать по мере приближения и, наконец, у самого дольмена, даже внутри него.

Пока группа женщин слушала В.Т. Ларионову, меня охватывало всё большее волнение от мысли, что вот сейчас этот работник СЭС, делающий записи измерений, объявит их во всеуслышание, и это будет не замечание туриста, а официальное заключение, и люди вообще перестанут приходить к дольмену, узнав о его повышенной радиации. Анастасия рассказывала мне, что эта энергия, похожая на радиацию, может проявляться и исчезать. Она управляема и благотворно влияет на человека. Но что значит для нас, современных людей, высказывания пусть и не очень обычной женщины по сравнению с утверждением современной науки, фактом, зафиксированным современным прибором, да ещё относительно радиации, которой так страшится современный человек.

“О Боже, — думал я — бедная Анастасия! Она ведь так хотела, чтобы люди по-другому, более бережно отнеслись к этим древнейшим, необычным захоронениям наших предков. А сейчас будет объявлено официальное заключение, и к ним в лучшем случае никто не будет подходить, в худшем — вообще уничтожат. Даже для строительства, как раньше, не будут использовать. Но если действительно есть этот Разум Вселенной, если действительно Анастасия запросто им пользуется, то пусть Они и придумают хоть что-нибудь”.

Е.И. Покровский подошёл к группе стоящих у дольмена работников санатория “Дружба” и зачитал показания прибора. Они были невероятными. Изумление, а потом радость охватили меня. Согласно показаниям приборов радиационный фон земли, окружающей среды по мере приближения к дольмену... уменьшался.

Это было невероятным ещё и потому, что группа людей при подходе к дольмену проходила участки с более высоким фоном. Их одежда, они сами, стоящие у дольмена, должны были принести к нему радиацию на своей одежде, обуви. Но прибор, несмотря на это, указывал уменьшение радиационного фона. Словно кто-то невидимый говорил таким образом: “Не бойтесь нас, люди. Мы ваши далёкие родители. Мы хотим вам добра. **В о з ь м и т е н а ш и з н а н и я , д е т и !**”

И вдруг я осознал — Анастасия! Так ведь именно благодаря ей и произошло это событие. Именно она, находясь за тысячи километров от этого дольмена, провела невидимую линию через тысячелетия, соединив сегодня живущих с древнейшей цивилизацией, совершила прорыв в сознании стремления к добру. Пусть пока у небольшого количества людей, но это только начало. И оно абсолютно реально, ибо передо мной был реальный дольмен, реальны и осязаемы женщины, принесённые ими цветы.

В научной литературе говорится, что дольмены встречаются неподалёку от Туапсе, Сочи, Новороссийска, в Англии, Турции, Северной Африке и Индии. Это подтверждает существование древнейшей цивилизации с единой культурой, возможность их общения между собой, несмотря на дальность расстояния. Несомненно, по мере распространения информации Анастасии и к другим дольменам, если они ещё сохранились, изменится отношение.

Реакция геленджичан служит тому доказательством. Однако первая в мире экскурсия с новой удивительной информацией о дольменах была проведена в Геленджике “самой везучей и счастливой”, как сама о себе сказала экскурсовод-краевед с тридцатилетним стажем, депутат местного совета Валентина Терентьевна Ларионова.

Но это ещё не всё. Группа геленджикских краеведов во главе с Ларионовой, сопоставив уже известные факты, общаясь со старожилами, изучая жития святых, подтвердили существование в окрестностях Геленджика святынь, о которых говорила Анастасия. Уникальных святынь России, большинство из которых не упоминаются ни в одном информационном буклете. Это Ливанский Кедр, гора Святой Нины, скит, целебный источник “Святая ручка”. Там те люди, кто исцелился, к дереву тряпочки привязывают. В районе Геленджика сейчас реставрируется церковь. Строится подворье Троице-Сергиевой Лавры. Я смотрел на всё это и думал: “Только в одном местечке России столько святынь. Целебный источник. А россияне едут за тридевять земель чужим Богам поклоняться. Сколько же ещё забытых святынь в других твоих местах, Россия? И кто откроет их?”

Я сделал, что смог. Это мизер, конечно, но появилась какая-то надежда, что Анастасия покажет мне сына. Накупив ползунков, игрушек и детского питания, я поехал в сибирский таёжный край, чтобы увидеть снова Анастасию и своего сына.

Продолжение следует.